

18+

Андрей Ветер

ОРГАНИЗМ

Черновики
и прочая
дребедень

Андрей Ветер

Организм

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Андрей Ветер, 2023

Кто я?

Чей голос во мне говорит?

Чья смерть во мне

Невыносимой болью бьётся?

Кто я?

Чья жизнь во мне агонией прервётся?

Кто я?

И чья печаль

Меня переполняет?

18+

ISBN 978-5-4498-8793-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Организм

Организм

Таинственные граждане

Елена Прекрасная

Причащение

Чужой мир

Курорт

Десант

Каратели

Дым победы

Сомнения

Визитёр

Волчьи Горы

Слова в цепях

Ростов-на-Дону

Полёты во сне

Похождения Булочкина

Возле стихов

Окно юности (1986—1989)

Серебряные дни (2007)

Сны

Неправильная тетрадь

Организм

Я взялся писать «Организм» по горячим следам, когда меня переполняла тоска от всего, с чем я соприкоснулся. Страх тоже присутствовал каким-то фоном, как невидимая стена, окружавшая меня и не позволявшая выбежать на волю.

В те годы (начало 1980-х) я отдавал себе отчёт, что «Организм» нельзя будет не только опубликовать, но и просто показать кому-либо, потому что мы жили внутри такого Организма, облепленные его щупальцами: каждый человек, даже самый близкий друг, мог оказаться согладатаем, доноситчиком (не испытывая никакой личной вражды, он просто выполнял свою работу — чаще всего выполнял её не из чувства долга, а из-за того, что был однажды пойман на чём-то, запуган и дал согласие Организму докладывать о своих знакомых, даже если докладывать не о чем). Я сочинял роман об Организме истово, пытаясь следовать манере Михаила Булгакова, ибо на тот момент он был моим идеалом в литературе. Мне хотелось, чтобы каждый действительный факт приобретал форму почти невероятную, абсурдную, но не был при этом выдумкой. Я был там, видел, участвовал, но не хотел рассказывать о тех событиях «бытовыми» красками. Я старался извлечь смешное из страшного, но у меня не получалось, поэтому постепенно мой пыл угас. Постепенно я втянулся в другую жизнь. А через несколько лет Советский Союз рухнул, и все темы, о чём не дозволялось говорить раньше и за что можно было понести уголовное наказание, стали доступны, открыты, эзопов язык потерял всякий смысл. Обо всём говорили просто, даже примитивно, и через эту назойливую примитивность всё страшное потеряло свой вес, потеряло значимость.

Минуло лет десять, я заглянул в черновики «Организма», и мне показалось, что надо всё-таки закончить эту книгу. Однако что-то принципиально изменилось во мне, текст начал страдать какой-то болезнью и умирать от этой болезни. Нельзя было продолжать. Я остановился, упрятал машинописные листы в глубокий ящик в надежде когда-нибудь собраться с силами и воплотить первоначальный замысел. Но в глубине души я понимал, что времена изменились и что теперь эта книга не нужна мне, ведь я успел изжить из себя всё то, что толкнуло меня на её написание. И вообще она никому не нужна. Мы начитались воспоминаний о камерах пыток, расстрелах, предательстве, подлости, нас теперь почти невозможно удивить историями о спецслужбах. Впрочем, я-то сочинял роман не о расстрелах, а об организации, которую в советское время так сильно боялись, о её духе. Я сочинял книгу о человеке, который хотел служить в Организме, попал туда, увидел его суть и, ужаснувшись, ушёл, хотя коллеги предупреждали, что Организм

никому не прощает такого отношения, Организм считал и продолжает считать уход из своих рядов предательством. Мне хотелось рассказать о внутренней борьбе рядового сотрудника Организма, о колебаниях, о сомнениях, о готовности погибнуть, но не оставаться там. «Организм» — роман о внутренней борьбе, о выборе...

Итак, закончить книгу не удалось. У меня не получалось вернуться в то настроение, с которым я начинал «Организм», энтузиазм юности, толкавший меня на многие начинания, ушёл навсегда. Но и выбросить материал в ведро я не соглашался. Судя по всему, есть во мне жадность (или это жалость?) к тому, на что было потрачено немало сил. Поэтому я решил опубликовать текст в том виде, каком он был «заморожен». Это не книга, а лишь её не родившаяся тень...

Таинственные граждане

С самого первого дня сентябрь опрыскивал Москву мелкими каплями дождя, но сегодня небо прояснилось, жиденькие облака серого цвета почти истаяли, и влажные улицы наполнились прохладными солнечными струями. На пожухлой газонной траве разгуливали чёрные птицы; иногда они застывали в глубокой задумчивости, чуть прикинув к земле, и с любопытством наблюдали за тем, как жёлтые листья срывались с ветвей, напоминая неровным полётом бабочек, которые успели отжить свой срок и теперь порхали в прощальном вальсе, соблазнённые ласками осеннего ветерка. Погрустневшие люди сновали туда-сюда, отягощённые размышлениями о судьбах человечества и о крушении беспричинных надежд. Задевая друг друга локтями, они собирались на пешеходных переходах в ожидании зелёного света, то огрызаясь на случайные приветствия, то пугая встречных прохожих внезапным дружелюбным оскалом.

ДБ, приятный с виду человек лет двадцати пяти, облачённый в приличного покроя костюмчик в тонкую серую полоску, в задумчивости остановился перед стеклянной дверью бассейна «Птица», что находится между Подвисшим мостом и круглым выходом из станции метро Парк Отдыха. ДБ остановился и огляделся, заметно волнуясь и по той причине шумно дыша. Костюмчик его был не по сезону лёгок, и молодой человек подрагивал временами, растирая покрасневшие ладони.

— Ба! ДБ, любезный мой! — закричала шагнувшая навстречу фигура в бежевом плаще. Фигура замахала руками от переполнявших её радостных и нетерпеливых чувств и доверительно протянула для пожатия пятерню.

— Я вас, простите... — ДБ замялся, но руку пожал.

Бежевый плащ скромно потупил глаза, забормотал что-то о долге и службе, выхватил откуда-то слегка помятую шляпу, нахлобучил её на голову. При этом его глаза скрылись под провисшими полями, а пушистые усы, отпущенные явно для солидности, как-то выпятились. Он запустил длинную руку себе за шиворот и усердно принялся рыться там.

— Не удивляйтесь, дорогой ДБ, вот у меня и фотоснимочек ваш припасён, чтобы не спутать, — он извлёк на свет толстую пачку

фотографий с яркими голыми гражданками. — Сейчас, сейчас, вот тут где-то он... Что-то не вижу. Это не вы, не вы, опять не вы, — он перебирал проворными пальцами гибкие женские бумажные тела, затем махнул рукой, видимо, отчаявшись найти нужный снимок, и заверил ДБ, что портрет его в полном порядке. После этого он подцепил ДБ за локоть и повлёк за собой, огибая стены бассейна справа и направляясь в сторону каменной набережной Москвы-реки.

Солнце играло с порхающими листьями. Ветер трепал осенние обрывки влажных газет под ногами. Бежевый плащ мурлыкал под нос старинный романс о сладких виноградных гроздьях и бросал по сторонам короткие взгляды.

— Хвоста опасаетесь? — поинтересовался ДБ.

— Помилуйте! Какие за нами с вами могут быть хвосты, милейший? Вычеркните навсегда из своей головы эти жалкие шпионские страстишки. Мы сами, когда захотим, кому угодно сядем на хвост, на шею... Ну и вообще...

Плащ остановился, поглядел на реку и вздохнул из-под шляпы, выражая вздохом целую гамму чувств:

— Хорошо тут у нас. Особенно мне вон тот островок нравится. Видите слева, ну, где торчит это нелепое изваяние Колумба? Это место напоминает мне Париж, то есть раньше напоминало, когда ещё Колумб со своими мачтами не торчал здесь... Эх, Париж, неужели я тебя больше не увижу? Вы бывали в Париже? Знаете, там чертовски приятно сидеть в кафе и наблюдать за женщинами. Элегантные у них там женщины. И кофе вкусный. Да и пиво отменное... Как вы насчёт того, чтобы пропустить сейчас кружечку пивка? Как вы насчёт пивка? Хотите бочкового? Хорошо, что нынче столько разного пива...

— Пива нет, есть абрикосовая, только тёплая, — произнёс, улыбнувшись чему-то, ДБ.

— О чём это вы? Будто бы пароль какой-то, — плащ настороженно выпучил глаза. — При чём тут какая-то абрикосовая?

— Книжку вспомнил любимую.

— Книжку? Ах да! Булгаков! Михаил Афанасьевич... Увлекаетесь? — шляпа одобрительно кивнула. — Это хорошо. Книга, знаете ли, друг человека. А некоторые любят пошленькие журнальчики листать. Книга — другое дело. Книга требует вдумчивого чтения. Вам в нашем ведомстве тоже много придётся читать. Разное будет чтиво. Да и к писанине пристраститесь. Работа такая... Пойдёмте, что ли?

Они прошагали немного вперёд и опять свернули, оставляя набережную позади. Переулком они добрались почти до того же места,

где встретились.

— Ну-с? — улыбнулся бежевый плащ.

ДБ решил оставить такой скользкий вопрос без ответа, чтобы не ляпнуть чего-нибудь неуместного. Мимо порхнула воздушная блондинка, и ДБ проводил её тоскливым взглядом. В эту минуту все терзавшие его прежде сомнения опять охватили его. Он подумал, что было бы здорово махнуть на всё рукой и умчаться от всяких бежевых плащей куда-нибудь на сентябрьский берег Чёрного моря, вдоль которого прогуливаются отпускники, можно и на океанское побережье, где раскалённые на солнце коттеджи источают пар и тёмные островитянки в почти отсутствующих купальниках блуждают с бутылочками газированных напитков в руках.

— Ну-с, теперь пожалуйста к нам, — поспешно выпалил плащ, увидев, как в глазах ДБ закипела широкая мечта о чём-то вольном. — Вот заветная дверца в заборчике зелёном. Это наш теремок. Не смотрите, что выглядит невзрачно. Это в целях конспирации. Для нашего брата конспирация — первое дело. Милости прошу...

ДБ скользнул взглядом по забору, над которым возвышался второй этаж старинного особняка, и поразился, что никогда не приходила ему в голову мысль, что за такой вот неказистой стеночкой может скрываться один из метастазных узлов могучего Организма. Вывеска у наглухо запертых ворот непонятно гласила: «Дирекция профилактических заведений и центров ультрафиолетовой диагностики». За дверью, помимо особняка, оказалась ещё пара бараков непонятного предназначения и уютная стоянка для чёрных автомобилей. Тихий дворик. Чирикали не успевшие покинуть родину птицы. Четверо аккуратнo стриженных мужчин в одинаковых тёмных одеждах вальяжно развалились на скамеечке и посасывали сигареты.

Бежевый провёл ДБ в ближайший барак с отвратительно скрипевшей дверью. Внутри было разгорожено фанерой на несколько комнатушек. Он усадил ДБ в одной из них за стол с неравнодушными ножками, из-за чего стол нервно переваливался с боку на бок. Поверхность его была сильно исцарапана, и посередине ясно различались две воткнутые кнопки. На стене висел портрет основателя Организма, нарисованный чёрно-белым. Слово живые выделялись на картоне длинный нос и борода, вся состоявшая из волосков, похожих на метёлку из железных прутьев. Пронзительные глаза не отрывались от посетителя. Тяжёлое тёмное дерево багета обрамляло лицо основателя.

— Ну-с, — в который раз произнёс излюбленное своё словцо

бежевый плащ, — приступим к делу, дорогой ДБ.

Лицо под шляпой сбросило радужную улыбку и превратилось в бухгалтерскую рожу с официальным изломом бровей и строгими складками губ.

— Мне выпала честь торжественно поздравить вас с успешным прохождением всех проверок и тестов. Вы нам подходите. Сейчас я дам вам необходимые бумаги, и вы их подмахнёте, то есть завизируете собственноручно своё обязательство и добровольное согласие вступить в ряды нашей дружной семьи. Завтра вы предстанете перед военно-полевым... то есть, чёрт возьми, хотел сказать, перед мандатной комиссией. Будут важнейшие и высочайшие лица Организма, так что держите хвост пистолетом. Рубашка должна хрустеть крахмалом, подбородок — сверкать, глаза — сиять. Впрочем, это лишь торжественная формальность. Всё уже решено.

— Решено, — без признаков радости повторил ДБ.

— А через недельку отправим вас на боевую обкатку.

— Что? — Голос ДБ упал. Сердце его похолодело и задрожало. Если бы не туго затянутый узел галстука, сердце выпрыгнуло бы через растерянно открывшийся рот.

— Обкатка будет, милейший. Танки, знаете ли, гранаты, парашюты там всякие и прочая военная шлифовка.

— Для чего? — вытаращил глаза ДБ. Сама мысль о том, что придётся стиснуть в руках пахнущий маслом автомат и бежать с ним куда-то, показалась ему ненавистной. Армия вызывала в нём тошноту. Он готов был стать офицером Организма, но не Вооружённых Сил. Ему наивно хотелось думать, что эти службы сильно отличались. Хотя, конечно, не было никаких сомнений в том, что Организм тоже был вооружённой силой, возможно, даже более вооружённой, чем все остальные силы.

— Это лишь на месяц, дорогой мой товарищ, — замахал руками бежевый плащ и сорвал с себя шляпу, чтобы показать вновь засиявшие любовью глаза и заново вспыхнувшую искренность. — Это совсем не страшно, клянусь вам. Просто Организму нужны люди обкатанные, опробованные, с горячим сердцем и чисто вымытыми руками! Не стоит волноваться. Это не фронт. Это почти курорт... Не принимайте такие известия близко к сердцу, родной мой ДБ. Вам предстоит начать новую жизнь, полную трудных и неприятных неожиданностей. Вы знаете, кто такой Джеймс Бонд? Да что я спрашиваю! Кто же не знает старину Джеймса! Наш человек... Так вот это — ваше недалёкое будущее... Игорные дома, рулетки, длинноногие

агентесы, секретные нашёптывания на ухо... Но для начала поставьте свою подпись здесь... Хорошо, теперь вот здесь тоже... Чудесненько! Не забудьте, что завтра — комиссия, будьте молодцом.

ДБ поднялся и неуверенно сказал, что не забудет. Он заметно скис. Опять в глубине мозга возникли загорелые женщины, представился беспредельный пляж, вольность.

Бежевый засуетился.

— Что это вы так расстроились? Совсем лицом изменились, очаровательный ДБ. Похоже, вас что-то страшно смутило. Вы скажите мне, откройтесь, я помогу вам. Я могу, мы все тут можем, мы чёрт знает что можем! Мы такое можем, что ахнете. Вы только не ахайте. И не вздумайте отказываться. Мы столько сил на всякие проверки угробили. Ах, представляли бы вы масштаб проделанной работы, тут подслушать, там подглядеть! А людей-то сколько за вас поручилось! Нет, голубчик мой вкусненький. Это дело сложное, кропотливое, глубокомысленное. Да и подписались вы уже.

— Смахивает на сделку с Мефистофелем, разве что не кровью автограф оставляю.

— Фу ты! Экий вы в самом деле. И с какой такой причины вдруг у вас меланхолия сделалась? При чём тут Мефистофель, при чём дьявол? Нету никакого дьявола, родной мой. В природе нет. Я не встречал ни одного лица, которое продало бы себя дьяволу.

— А я таких знаю.

— Да? Вот ведь надо же, как повезло подлецу! И кто же он такой? Для справочки фамилию не подскажите? Впрочем, простите, — бежевый спрятал наводстрённую авторучку.

— Это я так, — махнул рукой ДБ.

— Понимаю, — растянул рот бежевый плащ, — булгаковский поклонник. Я позабыл, простите. Я и сам бывало зачитывался Михаилом Афанасьевичем, как давеча говорил. Так вы, стало быть, просто пошутили про дьявола. Я сразу не распознал, такая у вас серьёзная мина была. Ну и шутник... Кстати, уважаемый друг, в качестве развлечения хочу предложить вам одно простенькое, но занятное поручение. Как доказательство глубочайшего доверия к вашей персоне. Дельце совсем крохотное, почти пустячное.

— Что такое?

— Да, собственно, и говорить-то не стоит. Но вы уж окажите милость, исполните его. Вам зачтётся. В сущности, там делать нечего, пустяк, как я уже заметил, но вся наша большая работа из пустяков складывается. Из мелких капель океан получается, не правда ли? Так

как вам поручение?

— А что мне сказать, если я ничего не знаю.

— Наблюдательный вы чертовски, да и не без юморка. Я ведь и вправду ничего про задание не произнёс. Это вы метко... Не зря мы вашу кандидатуру утвердили. Так дельце вот в чём: придётся вам махнуть на Главфильм, там снимается картина «Большая пуля». Экранизация книги. Не слыхали о каком-нибудь одноимённом романе? И хрен с ним... Так вот вам обломок монеты, который вы передадите нашему агенту. Покажите ему этот обломок, а он вам достанет другой кусок. Тогда вы ему передадите привет от Александра Сергеевича.

— Что мне делать дальше?

— Ничего. Там само пойдёт. Ваша задача — встретить его.

— Кого? Каков он собой-то?

— Рыжий, просто огненно-рыжий тип. На нём джинсовый костюм, он никогда его не снимает, поэтому узнать костюм не составит труда — засаленный и заношенный до дыр. Другого такого не встретить. Мы ведь специально людей подбираем. Кроме того, у него золотой зуб есть, третий слева в верхнем ряду. Сарифметикой у вас нормально? Вот встретитесь с ним, кусок монеты сунете ему в ладонь, проследите за реакцией, а потом сразу в толпу.

— А если толпы не будет? — любопытствовал ДБ.

— Толпа будет. Это Организм берёт на себя...

Толпа действительно была. Да какая толпа! Тут толкались здоровяки с толстенными шеями и нарисованными одинаковой авторучкой татуировками на голых плечах. Сновали волосатые хиппи, поправляя сползающие парики. Тут и там виднелись в пёстрой толпе строгие люди в траурно-чёрных пиджаках. Все шумели, называли друг друга по отчеству. Временами что-то громко падало на землю. ДБ заметил, как молоденький представитель толпы нагнулся и подобрал вывалившийся из кармана пистолет.

— Великоват, — проговорил человек, оправдываясь.

ДБ тепло улыбнулся ему.

— Позвольте пройти, коллега, — негромко произносил ДБ, проталкиваясь вперёд.

— Прошу, — слышалось в ответ, — желаю успеха.

— Благодарю, — ДБ протискивался дальше.

Впереди слышалось нервное сопение режиссёра в испорченный мегафон.

— Кто так работает, чёрт побери? Помреж! Где помреж? Кто

организовал эту ужасную массовку? Это просто сумасшедший дом! Я же просил, чтобы сцену сделали камерной, вашу мать! Пять-шесть человек, как бы случайно попавших в поле зрения камеры. Тут же собралась толпа идиотов! Где в конце концов административная группа? Какой сейчас может быть обед?

ДБ приблизился к съёмочной площадке и увидел множество суетливых людей. Двое перетаскивали без надобности осветительные приборы с места на место. Толстощёкое существо в женском платье не переставало щёлкать хлопушкой и безостановочно напоминало всем номер дубля. Трое измождённых бурлаков тянули взад и вперёд тяжёлую тележку, гружённую массивной кинокамерой и пузатым оператором.

— Разгоните кто-нибудь эту чёртову массовку! — завизжал режиссёр и тряхнул седой творческой головой.

Невысокий человек с гитарой под локтем выскользнул из толпы и шепнул что-то режиссёру на ухо. Тот ошарашено поднял седые брови, и на его загорелом лице выразилось удивление, границы которого не выразил бы ни один физиономист.

— Но почему?

Человек с гитарой сунул руку за воротник и быстро, незаметно для других, показал служителю киноискусства удостоверение, после чего тот окончательно сник. Он перешёл на середину съёмочной площадки, остановился перед репетирующим главным героем в шикарном фраке и внезапно заорал ему в лицо:

— Вы что мне тут? Чем вы думаете, жалкий актёришко? Вас разве не обучали жить вашей ролью? Где азарт? Где слёзы? Куда вы подевали чувства? Что вы бубните текст, как теорему Пифагора на школьном экзамене? Я хочу увидеть ваше отношение к данному вопросу, а вы едва бормочете фразу. Покажите мне ваше отношение!

Актёр скучно оглядел режиссёра, лениво протянул слово «пожалуйста», расстегнул ширинку и показал своё отношение.

Массовка прыснула. Главная героиня заинтересованно вытянула тонкую несовершеннолетнюю шею. Помреж, будучи женщиной строгого воспитания, выпустила хлопушку и рухнула на землю от переизбытка эмоций. Актёр же моргнул несколько раз в сторону режиссёра, застегнул штаны и спросил, можно ли продолжать репетировать. Пухленькая гримёрша коротенькими пальцами растирала виски. Оператор развёл руками в растерянности:

— Я не успел заснять, не было команды «мотор».

— Кретин! — взвизгнул режиссёр. — Принесите мне воды.

Из-за камеры шмыгнул рыжий человек, сверкая зубом в верхнем ряду и прижимая к груди могучий термос с китайскими цаплями на красном фоне. ДБ прогулочным шагом приблизился к нему и, когда рыжий освободился, небрежно извлёк из кармана огрызок монеты. Рыжий уставился на ДБ.

— Опять, — пробормотал он и вдруг зашипел в самое лицо ДБ. — Завязывайте это, гражданин хороший. Сколько можно эти проклятые половинки коллекционировать? У меня уже все нормальные монеты вышли. Будьте неладны вы со своей конспирацией. Оставьте меня в покое. Я желаю свободы, дураки проклятые.

И вlepил кулаком в щёку ДБ.

Голубое небо перекосилось. Над головой рыжего взлетела камера с оператором, твякнула команда «мотор». ДБ разглядел также, что колыхнулась толпа, множество рук с пистолетами вытянулось вперёд. Кто-то бросился на ДБ сверху и закрыл его своим телом.

— Прекратить немедленно съёмку! Руки за головы! Всем лежать! Лицом на землю! Плёнку засветить сейчас же!

Протопали торопливые шаги, что-то лязгнуло, ударилось об асфальт.

Плотное тело сползло с ДБ и помогло ему подняться на ноги. Защитник поправил свой галстук и пожал руку ДБ, не меняя выражения скуластого лица.

Оператор, раздражённо пожимая плечами, слезал со съёмочного крана. В толпе дёргалась перекошенная физиономия рыжего, золотой зуб отсутствовал, а с губы капала кровь.

— Поздравляю, — шепнули сзади, — завтра на мандатной непременно упомянем ваш героизм...

ДБ резко обернулся, но не увидел говорившего. Массовка организованно расходилась по заранее обдуманному маршруту. Молодой человек, которого ДБ счёл новичком, опять громыхнул выпавшим пистолетом и смущённо порозовел.

И тут ДБ увидел её...

Елена Прекрасная

Она улыбалась, и ДБ почему-то сразу твёрдо уверовал, что её светлая улыбка предназначалась именно ему.

Голубое небо снова перекошилось, расползлось над его головой и раскрылось, как расползается тесное платье, когда быстро расстёгивается «молния» и на волю вырывается пышная женская плоть. Небо расступилось и обрушилось на ДБ звенящим пространством бездны. Зашелестел в ушах звонкий ребяческий шёпот, фигуры в школьных костюмчиках промелькнули по пыльному солнечному коридору, громко хлопнули двери на толстых пружинах, рассыпались учебники из чьего-то упавшего портфеля. Почудилось, что давно исчезнувшая из его жизни повелительница его сердца соткалась сейчас перед ним из сияющих воздушных лучей, но не в облике девочки со смешными каштановыми косичками, а как прекрасная созревшая женщина. Тот же глубокий взгляд карих глаз, та же сдержанная улыбка, тот же наклон головы. Но другая причёска, другая одежда, другая фигура, другое лицо.

Накатило ощущение, что появление этой знакомой незнакомки, остро напомнившей детство, обещало ему все радости — надёжную дружбу, пылкую страсть и уют семьи. Затем сразу кольнула в сердце тоска — предчувствие ошибки и неправды.

Он остановился в двух шагах перед ней.

— Какая странная сцена произошла сейчас, не правда ли? — Она неопределённо махнула руками туда, где минуту назад гудела массовка.

Вместо ответа ДБ, вытаращив глаза, спросил её имя.

— Лена.

— Лена! — жарко выдохнул ДБ. — То же имя!

— Как вы смешно реагируете. — Она засмеялась. — Что вас удивляет?

— Вы будто ступили ко мне из моего детства. Я ждал этого давно. Ждал, но не верил, что такое возможно. Ведь вы — не она?

— Нет, я не она, я это я, — убеждённо произнесла Лена.

Они вместе сделали несколько шагов и остановились, одновременно посмотрев друг на друга, словно читая мысли, слыша желания.

— Это не просто так, — сказал ДБ.

— Как смешно вы говорите. Но я согласна. Это не просто так, —

в её глазах заискрилось лукавство. — За этим стоит большая причина.

Она опять взмахнула руками, и ДБ углядел тяжёлую коричневую книгу в её ладони. Это было старое издание трёх романов Михаила Булгакова с предисловием Константина Симонова.

— Невероятно, — улыбнулся он, бережно взял из руки Лены книгу и раскрыл наугад. — «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож!»... И эта книга с вами тоже не случайно.

— Вам нравится Булгаков? — Она посмотрела ему в глаза.

— Нравится? — удивился он. — Это слово совсем не отражает моего отношения к его творчеству. Я преклоняюсь перед ним... Но что же мы так стоим на месте... как вкопанные? Надо же что-то делать! Давайте ходить, что ли? Мужчина и женщина обязательно должны долго ходить при знакомстве.

— Вы полагаете? — таинственно улыбнулась Елена.

Они прошлись.

Солнце засияло ярче, воздух потеплел, сделалось по-весеннему радостно. ДБ ощутил необыкновенный душевный подъём. Ему захотелось совершить подвиг.

«Да, подвиг был бы сейчас весьма кстати. Я бы враз покори́л её сердце... А вот бы открыть ей, что я уже без пяти минут как сотрудник Организма. Замечательный бы рисунок героический получился! Только нельзя. Государственная тайна!»

ДБ горько вздохнул.

— Вас что-нибудь тревожит?

— Ваша близость, — признался он.

— Об этом нельзя говорить. Этак вы попадёте в женские сети, откуда вам не выпутаться.

— Я уже попал.

— Так сразу? — Она стрельнула глазами.

— Едва увидел вас. И убеждён, что наша встреча предопределена свыше.

Её губы дрогнули.

— Почему? — Лена остановилась. — У вас предчувствие?

— Да.

— Мне кажется, у вас чрезмерно развита подозрительность.

— Подозрительность? При чём тут это? Нет, наоборот... Всё совсем наоборот. Я слишком доверчив, почти наивен. Вот и сейчас... Я только-только повстречал вас, а уже готов отдать вам всего себя

целиком. Вы так прекрасны! Елена Прекрасная! Как невероятно, как удивительна жизнь. Вы посланы ко мне...

— Послана?

— Посланы судьбой, — закончил он и вернул Лене книгу.

— Вот уж не предполагала, что вы такой.

Разговор складывался сам собой, как если бы кто-то расписал его слово за словом для персонажей нехитрой пьески.

— А вам только Булгаков нравится? — поинтересовалась Лена осторожно.

— Нет, я многих люблю. И в первую очередь обожаю Стругацких, Воннегута. Бывает забавно почитать Павича. А под настроение хорошо идёт Набоков и Ремарк. Ну и про индейцев, конечно, читаю постоянно. Про индейцев у меня уйма книг!

— Индейцы? Вот уж не подумала бы никогда.

— Всех почему-то удивляет.

— Это же очень детское, несерьёзное.

— Чего же в индейцах детского?

— Дело в том, что приключения... Все эти Куперы и Эмары писали про всяких Чингачгуков для тех, кто... — Лена замаялась.

— Продолжайте, — ДБ улыбнулся, но улыбка получилась злобной.

«Он болезненно относится к этой теме, — смекнула Лена, — но теперь уж ничего не поделать. Разговор начат».

— Все эти приключения несерьёзны, — проговорила она, пытаясь интонацией смягчить свой вердикт.

— А вы только по этим авторам оцениваете, что представляют собой индейцы? Тогда мне жаль вас.

— Простите, похоже, я задела вас за больное, — она взяла его за руку, — простите. Я и впрямь ничего не знаю об индейцах.

— А разве вы хотите узнать о них что-то?

— Буду надеяться, что вы принесёте мне что-нибудь почитать.

— Принесу! — ДБ остановился и вдруг схватил Лену за плечи. — Я принесу книгу, которая называется «Странный Человек Оглалов».

— Кто он, этот странный человек?

— Ташúnке Уиткó... Этот человек не даёт мне покоя, он будто живёт во мне... — ДБ начал было рассказывать, но почувствовал, что в присутствии Лены мысли ускользали у него. — Я многого не понимаю... Ташúnке Уиткó был величайшим воином. Он категорически не принимал то, что мы называем цивилизацией... Деньги, диктат государства, торговля землёй и лесом, захват недр в частную собственность... Мы все — дети природы, даже если

не осознаём этого. Мы рождены Землёю, но — задумайтесь только! — люди осмеливаются торговать землёй! Да-с, осмеливаются продавать и покупать землю... А потому... Потому я считаю своим долгом... Впрочем, о чём это я? Совсем утерялась нить рассуждений... Что такое деньги? Величайший обман, на который пошло человечество. Величайший мыльный пузырь! Пшик! И вот этот самый пшик меняют на землю. Земля не может быть товаром, но ею торгуют! Её никто не производил, она никому не принадлежит, никто не имеет права брать её в собственность! Вот какая получается петрушка... Моя позиция, с точки зрения матёрого коммерсанта, крайне уязвима и наивна, но мои взгляды таковы, каковы они есть. Вероятно, в этой точке зрения большинство людей и увидит «детскость». Вы ведь этим словом заклеили моё «индейское» пристрастие? Что ж, не стану спорить. Называйте это как угодно. Но ведь сказано: «Будьте как дети малые»...

— Ты слишком романтичен. — Лена неожиданно перешла на «ты» и положила руки ему на грудь, как если бы давно и близко знала ДБ. — Чрезмерная поэтичность может навредить... Тебе не надо было...

— Чего не надо?

— Знаешь, — она словно не услышала его вопроса, — я рада, что мы встретились.

— Это подарок свыше, — вздохнул он и потянулся к её губам.

— Свыше. — Лена не отстранилась и позволила его рту коснуться своего. — В нашей жизни всё приходит свыше... Только тебе не следует быть поэтом. Или же просто взгляни на всё иначе. Ведь на самом деле жизнь поэта лишена всякой лирики. Наоборот, он специально лезет в навозную кучу и увязает там поглубже, чтобы можно было плакать о красоте. Он сочиняет ей гимны и сам же исполняет их, как волшебные заклинания. Чем сильнее давят сортиры, тем сильнее прорывается в поэте фонтан цветов и очарования. Художник, чтобы избавиться от них, рисует свой особый мир и ныряет в него с головой.

— Да, я это прекрасно понимаю, — согласился ДБ, — сказки утекают сквозь пальцы.

— Не думай об этом. Мы мечтали друг о друге, и теперь мы вместе... Мы ведь мечтали? Мы ждали друг друга, правда? Пусть я на самом деле не та, кого сотворило твоё воображение, но ты увидел во мне то, что хотел. Что ещё надо? Пользуйся тем, что дано.

— Значит, ты тоже думала обо мне?

— Конечно. Только я не помнила твоего лица. Теперь я его вспомнила, узнала.

Голос Лены стал тёплым, ему невозможно было сопротивляться.

Небо угрожающе похолодело.

ДБ поднял глаза к налившимся тучам.

Почему понимание приходит с опозданием? Впрочем, разве обыкновенный человек способен осознать, что мгновение, в котором он пребывает, в следующую секунду уйдёт навсегда? Разве может обыкновенный человек изменить время? Боль — вот удел человека. Бесконечное терзание, которое прекратится лишь с приходом смерти. Жизнь дана, чтобы испытывать постоянные мучения. На это уходят все силы. Не останется сил — разложит в изнеможении свои крылья память, станет невидимыми глазами скользить по страницам былого, откуда они не обратятся в прах...

— Пойдём ко мне, — сказала Лена, глядя ему прямо в лицо, и не было в её голосе смущения, и всё было понятно.

Он не произнёс ни слова, лишь вложил её руку в свою.

Город отступал куда-то с каждым шагом. Затухли чужие голоса, ушли в небытие стучащие каблуки и шаркающие подошвы, обернулись в покрывало глухой тишины резкие шумы автомобилей. Растворилась Москва-река в опустившемся вечернем дыхании. Очертания домов сделались размытыми, слились с сизым небосклоном и превратились в единый мутный фон.

— Если ты зовёшь меня к себе, — едва слышно произнёс ДБ, — то это означает, что в мире действительно никого больше нет. Мы одни. Ты и я. Всех остальных отвело в сторону властной могущественной рукой. Иначе не объяснить, почему нас свела судьба.

«Он совсем ещё мальчишка», — подумала Лена.

Ему показалось, что земля таяла, под ногами почувствовалось лёгкое пространство. Сверху опустился и прикоснулся к голове свежий воздушный поток. Огромные тени, похожие на крылья, качнулись со всех сторон. И город исчез окончательно.

А когда мир вновь обрёл очертания, ДБ обнаружил себя в комнате с задёрнутыми окнами. Сквозь занавеску просвечивал уличный фонарь. Из густого мрака небольшой комнаты выглядывали углы книжных шкафов и стульев. На полу мутно прорисовывались пятна сброшенных одежд.

ДБ повернул голову и посмотрел на Лену. Они лежали, вытянувшись, едва притрагиваясь друг к другу животами и руками. Кипевшая минуту назад страсть оставила на их лицах лёгкий след в виде бисерных капель пота. Во всём же остальном эти две фигуры были абсолютно спокойные, умиротворённые.

— Почему нельзя просто прислониться лбами друг к другу и через это прикосновение растаять, раствориться, перелиться из себя в тебя? — прошептал ДБ.

Его сердце казалось ему мягким и пушистым зверьком, требовавшим материнского тепла. Он лежал, затаившись, и ждал защиты. От кого? От всего мира. Теперь рядом с ним была женщина, которой можно было довериться, с которым можно было поделиться самым сокровенным и беспокойным. Он долго-долго ждал её, и она пришла. Она укроет его, согреет, приютит.

И тут он вздрогнул и взглянул на часы.

— Уже поздно. Я должен бежать. Извини...

— Тебя кто-то ждёт?

— Нет. Но утром мне надо быть при параде. Костюм, галстук и прочее. Деловая встреча. Как-нибудь я расскажу тебе...

Причащение

Особняк возбуждённо гудел, и в том гуле угадывалась какая-то почтительность к стенам учреждения, профессиональные настороженность и внимание. При первой же необходимости толпа готова была оборвать густое жужжание и затопить всё здание глубоким молчанием.

На утверждение высокой комиссии Организма прибыли многие, и все были разные: низкие и высокие, строгие и смешливые, пучеглазые и узкоглазые, одним словом, со всей страны понаехали. Выглажены, отстираны, причёсаны. Что положено, то и есть. Дома сотрудники могут и без штанов ходить, и руками в кастрюлю, и пепел в солонку, и даже жене по морде, но на людях — лвы, быть может, не совсем светские, но всё же лвы, поглядывающие немного сверху и снисходительно. Конечно, собравшимся на комиссию новобранцам было далеко до заматерелых профессионалов, и всё-таки они уже несли на себе несмываемый отпечаток секретной службы.

Во двореке толпились любители покурить. Тут можно было случайно уронить окурочок на землю и плюнуть мимо урны, что создавало ощущение вольности. Внутри особняка сидели на старинных стульях вдоль стен, и обстановка настраивала на серьёзный лад, подготавливала духовно к торжественной минуте.

— Скажите, сделайте любезность, вас не Булочкин курировал?

— Рад бы помочь, товарищ, да не знаю. Виктором Прокопычем его звали, а фамилию не знаю, — раскланивались в ответ.

— Нет, это не Булочкин. Извините за беспокойство.

— Что вы... рад бы помочь...

Спрашивающий повернулся к ДБ.

— А вас, случаем, не Булочкин курировал? Не сочтите за бестактность...

ДБ торопливо взвесил, что за подвох мог скрываться в любопытстве, и твёрдо решил не поддаваться в случае провокации.

— Затрудняюсь ответить. Мой куратор носил бежевое, — сообщил он.

— Точно! — радостно воскликнул любопытный. — Это он. Мы, получается, с вами в некотором роде земляки, то есть братья по оружию, так сказать, сводные... Простите, не успел представиться. Меня Игнатом величают.

— ДБ, — ответил ДБ.

— Польщён, весьма польщён таким знакомством. Добрейший души человек наш Булочкин, не находите?

— Как же, — промямлил ДБ и опустил глаза. В ботинках его плавало отражение синего неба.

— Вы случайно не в курсе дела: я слышал, что этот особнячок в былые годы принадлежал одному из руководителей Организма. Его потом за какие-то провинности наказали... к стенке поставили. Не в курсе? — не умолкал Игнат.

— Про стенку?

— Про особняк.

— Не в курсе, — ДБ развёл руками и задел стоящего рядом юношу в белом. Из-под девственно чистого пиджака юноши вывалился крохотный магнитофончик. Не меняясь в лице (ДБ заметил, что сотрудники Организма умели прекрасно владеть собой), юноша подобрал записывающее устройство поднёс его к уху, потряс, прислонил к губам, сказал:

— Раз, два, три, ноль... — и пристроил магнитофончик обратно.

— Вы знаете, Игнат, я, пожалуй, и про стенку не в курсе, — уточнил ДБ, — может быть, вовсе и не того руководителя наказали. Мало ли среди нас английских шпионов?

— Полагаю, вы правы, — не смог не согласиться Игнат.

В этот миг возбуждённый гул смолк, как по команде. Приехали самые главные люди на облитых чёрным масляным блеском машинах.

Когда ДБ вошёл туда, где расположились члены высокой комиссии, он увидел длинное помещение, украшенное квадратными белыми колоннами. Между колонн висели портреты секретных героев Организма и их сподручных. Под портретами за длинным столом с мягким зелёным покрытием сидели люди. Десятка два. Все важные. Все с торжественными лицами и красивыми вставными зубами. ДБ подумал, что зубная клиника Организма трудилась славно. Что подумали о нём молодящиеся начальники, он не знал. Они выглядели счастливыми, разглядывая проходивших перед ними продолжателей своего железного дела.

— Мы тут собрались.

— Хотим поздравить и выразить надежду.

— Не терпится оказать доверие.

— Вам предстоит пройти подготовку особой важности.

— Вы молодец и не дурак.

— Отныне вы себе не принадлежите.

— Надеемся на это.

— Ступайте и держите себя в руках.

ДБ кивнул с чувством ответственности и покинул гостеприимный зал. За дверью на него набросился бежевый плащ, правда, без плаща. Он расцеловал ДБ и долго не прекращал трясти ему руку.

— От всей души, честное слово, от всей души. А за вчерашнее, на Главфильме, особенное наше государственное спасибо. Хорошо, что синяк у вас не расцвёл. Надо же, какими мерзавцами случаются некоторые люди. Мы тому рыжему так доверяли, так доверяли, а он... Не желаете ли теперь глотнуть пивка? Жигулёвского? Обмыть с любимым куратором, со мной то есть, событие не хотите? И не надо. Правильно. Вам теперь нужно беречь здоровье, оно отныне принадлежит государству и государственным делам.

— Булочкин, — позвал со второго этажа давешний белый юноша, — я категорически требую тебя сюда, Валерий Изюмович. Сколько можно ждать?

Булочкин нетерпеливо махнул рукой и ответил взглядом нечто многозначительное. Белый юноша стыдливо запыхал.

— Да ну вас, — отвернулся он.

— Виноват, меня зовёт труба, — расшаркался Булочкин, — прощайте, дорогой ДБ. Я вас полюбил всей душой, верите ли? Мы обязаны любить друг друга, таков человеческий долг. А мы, соратники по тайным делишкам, тем более, потому что горим на работе. Такова наша судьба. Помните об этом, мой дорогой друг... Кстати, про особнячок я тоже не в курсе дела. Чёрная дыра этот наш особнячок. Никто ничего...

И он взлетел вверх по ступеням. ДБ видел, как мелькнула в его ботинках лакированная тень куратора.

В тот же день ДБ позвонил Лене, но не застал её, и по той причине страшно загрузил. В голове было мутно.

Наутро, согласно полученным инструкциям, ДБ прибыл к стадиону «Домино», откуда намечался дружный отъезд новобранцев на засекреченный объект. Возле ворот стадиона шумно свинячила пьяная с раннего утра компания дворников, стоял крепкий запах французского лосьёна. При появлении ДБ они принялись свинячить с особым усердием.

ДБ нервничал. Нервничал больше, чем на мандатной комиссии. Больше, чем при первом вступлении в связь с женщиной. Он нервничал потому, что боялся не разглядеть замаскировавшихся среди деревьев и на скамейках тех, кто, как и он, направлялся на подготовку.

Однако оказалось, что зачисленные в Организм вовсе не таились, а собрались шумной семьёй, балагурили, знакомились, смеялись. Вокруг этой приметной толпы прогуливались празднующие граждане, с любопытством оглядывая сгрудившихся людей в строгих костюмах и с чемоданами.

— Уважаемые господа! — захрипел мегафон. — Получите каждый свой пропуск и размещайтесь в автобусах, согласно спискам. Списки у меня. Кто желает мороженого на прощанье, прошу к головной машине. Мы доставили мороженицу с тележкой. Налетайте, товарищи, угощайтесь!

Товарищи дружно угостились. Затем выхлопные трубы автобусов пустили вонючим синим газом в сторону случайных прохожих, и машины укатили под неровное гудение моторов. Чья-то юная жена в ситцевом платье под двадцатый год всплакнула, эмоционально сморщив личико с красным бантиком губ. К ней приблизился высокий мужчина в длинном пальто и бережно накинул ей на плечи пушистый серый свитер. По всей видимости, заботливый брат. Поцеловал её в шею. Значит, не брат. Коварный соблазнитель покинутых хорошеньких жён. Такие всегда тут как тут.

Едва автобусы скрылись, дворники прекратили свинячить, позвали других дворников, от которых совсем не пахло лосьёном, и заставили их убирать после себя.

Тем временем ДБ с грустью разглядывал сквозь нагревшееся на солнце стекло автобуса убегавшие улицы с живыми человечками, и ему вдруг стало до слёз тоскливо, будто везли его в тюремные казематы, где нет ни людей, ни солнца. И ещё подумалось ему, что жизнь его заканчивалась на этом, потому что теперь он всегда под чьим-то неусыпным оком, потому что не разрешено ему выходить куда и когда угодно... А когда автобусы проехали через автоматические ворота, опутанные колючей проволокой, и после этого новобранцы вереницей просеменили через проходную, где широкоплечие высокие молодые люди с боксёрскими стрижками зорко всматривались в каждое лицо и сравнивали его с фотокарточкой на пластиковом пропуске, ДБ скис окончательно. Что теперь оставалось от жизни? Что ожидало в неведомом секретном будущем?

Коридорами их куда-то вели, останавливали, докладывали кому-то что-то. А в голове ДБ пульсировало тёмно-синее с кровавыми потёками слово «тюрьма». Он молча проговаривал его губами, вертел, разгрызал, отбрасывал, но оно вновь подкрадывалось и было страшнее слова «смерть».

Очередь остановилась перед дверью, за которой восседал один из главных людей секретного объекта. Дверь открывалась, проглатывала очередную фигуру, и до очереди новобранцев долетали странные слова:

— Войдя в эту дверь...

Щёлкал замок, и странная фраза обрывалась, оставляя неприятный осадок недосказанности. Через минуту-другую вошедший появлялся с нахмуренным лбом, вместо него в кабинет следовал другой. И опять:

— Войдя в эту дверь...

Вышедшие из кабинета иногда бормотали какие-то имена.

— Психотерапия! — ужаснулся негромко кто-то.

— Войдя в эту дверь, — круглое лицо, уложенное в рыхлую мякоть розовой шеи, поднялось на вошедшего ДБ, — вы обязаны забыть своё имя на всё время нахождения на подготовке. Отныне вы перестаете быть ДеБе для своих товарищей по службе и становитесь БеДе. Под этой кличкой вам предстоит жить все годы, которые вы проведёте в нашем центре подготовки и в дальнейшей работе. Впрочем, о работе ещё рановато... О нахождении в этих стенах, как вас уже предупреждали, никому ни слова. Это страшная тайна. Очень страшная. Придумайте какую-нибудь легенду, куда вы пропали для своих знакомых по гражданской жизни. Вы знаете, что такое легенда? Это история вашей ненастоящей жизни, которую вы всем отныне станете рассказывать. И заметьте, что рассказывать вы должны убедительно. Скажем, пусть вас забрали служить в армию, внезапно забрали, поэтому вы исчезли без вести.

— Но я уже служил, — пожал плечами ДБ.

— Дорогой мой, ничего страшного. Скажете, что вышла ошибка, что вас забрали второй раз, да хоть даже в третий раз. В нашей стране всякое случается. Безликий чиновничий аппарат... Но лучше вовсе порвать старые связи и ничего никому не объяснять. Как вам такая мысль?

Такая мысль не пришлась ДБ по вкусу, но он лишь молча развёл руками, мол, что же делать, ежели надо.

— Вот и чудненько, дорогой БД. Завтра вам разрешат навестить родных перед отъездом на военную базу. Никого нет? Вы без родных? Прекрасно! Поздравляю! Отсутствие родственников и друзей — настоящий подарок для офицера Организма. Послезавтра ждём вас с вещами на платформе пригородных поездов. Площадь трёх вокзалов знаете? Направо под мост. Будьте здоровы. Ведите себя достойно и бережно. Помните, что теперь ваша жизнь принадлежит не вам.

Вы — клетка огромного Организма, который трудится на благо родины и могучими честными руками расчищает среди людей дорогу к лучшему будущему. Ступайте и не забывайте о конспирации.

Шагая по коридору в отведённую ему комнату, ДБ слышал краем уха чьи-то беседы.

— Ты теперь кто, Игнат?

— Попрыгаев я теперь.

— А я Посакаевым сделался. Ничего кликуха, да?

Какой-то пухленький блондинчик с прозрачными глазами, блестящими слёзами умиления, бормотал себе под нос, заучивая новое имя:

— Я Пушкин, я Пушкин, я Пушкин.

Комната оказалась на двоих. Стоял шкаф со скрипучими дверцами, две гладко застеленные кровати, столик с выдвижным ящиком, один стул и один умывальник, над которым висело квадратное зеркало с отбитым верхним углом.

— Эс-Эс, — представился молодой человек, попавший в комнату прежде ДБ и теперь не знавший, чем себя занять.

— Прелюбопытное имя.. Эс-Эс, — произнёс ДБ и тут же спросил. — Настоящее?

— Зашифрованное. На самом деле я — Саша Скифский. Называй меня просто Саша.

— ДБ, то есть БД, — протянул руку ДБ.

— Что ты обо всём этом думаешь? — обвёл глазами комнату Скифский Саша, имея в виду не только обстановку помещения. — Не авантюра ли? Чёрт меня дёрнул подрядиться сюда.

— Меня тоже он.

— Кто? — не понял Саша.

— Чёрт, — пояснил ДБ, — я постоянно попадаюсь на его хохмочки...

Саша многозначительно приложил палец к губам, затем покрутил им около уха и показал на потолок, где в уголке виднелась вентиляционная труба. Палец его вытянулся, на конце появился длинный чёрный коготь, похожий на страшный крюк, и вся рука вдруг превратилась в птичью лапу со стальными когтями. Но через мгновение всё опять сделалось нормальным.

После ужина ДБ, бледный от нервного напряжения, рухнул на кровать и зажмурил глаза. Ему жутко не хотелось быть там, где он был. Он ругал себя за отсутствие хоть толики здравого смысла, но изменить в ту минуту он ничего не мог. И тогда на него

навалился сон.

Чужой мир

Сон навалился на ДБ, выдавил его из-под одеяла, поднял в чернильный воздух и выпустил в распахнутое окошко, за которым не оказалось почему-то осенних листьев, но веяло колючим холодом. Ночная тьма смешивалась с падающим снегом. Это немного удивило ДБ, потому как он знал наверняка, что на дворе сентябрь, однако пришлось махнуть рукой на этот довод и полететь сквозь снег, глубоко дыша и чувствуя тающие снежинки во рту.

Далеко впереди маячили смутные огоньки. Это оказались костры. В их неверном свете ДБ разглядел множество конусообразных палаток. В некотором удалении шевелилась масса, в которой он с трудом угадал огромный табун лошадей.

— Голов восемьсот, — подумалось ему, и тут же он удивился, откуда он знал, что именно восемьсот.

Одиноко прошагала фигура, укутанная в длинное одеяло до самых глаз. Чёрные волосы гладко стекали с затылка под складки одеяла. Открытая часть лица с раскосыми глазами выдавала в человеке индейца.

Кто-то внезапно закричал громким голосом из кишашей снегом темноты, но слов не слышалось из-за ветра.

Фигура в одеяле обернулась и замерла, вслушиваясь, затем сорвалась с места и кинулась в первую палатку, размахивая руками. Не прошло и десяти секунд, как в темноте пробежали вспышки, донеслась трескотня выстрелов. Послышался возмущённый храп лошадей. Лагерь ожил в одно мгновение и словно весь сдвинулся с места. Стремительные тени засновали беспорядочно среди конусов жилищ. Некоторые вскидывали ружья и стреляли в темноту. Выпустив пару пуль, люди убегали, блестя в свете костров голой бронзовой кожей. Пальба усиливалась, стало немного светлее из-за нескончаемых сполохов. В пороховом огне различались фигуры пеших солдат в длинных накидках, шагающие через сугробы, и фигуры всадников. Верховые ворвались в деревню, размахивая тонкими саблями и вертя карабинами. С некоторых от стремительности свалились шапки и шляпы. Громадные кавалерийские лошади то и дело останавливались, кружа на месте, испуганные истошными криками голых людей. Кто-то промчался на коне по пылающим веткам в костре, и одна из головешек отлетела прямо на натянутую кожаную стену

палатки. Пламя неторопливо потянулось вверх и в стороны. Десяток солдат запалили факелы и подожгли другие жилища.

— Не останавливаться! — нервно закричал офицер на белом жеребце. — Пока не отстреляем эту падаль, не останавливаться никому. Гнать краснокожих сволочей!

Его лошадь споткнулась, из перебитой ноги брызнула кровь.

Пространство перед палатками сплошь заполнилось солдатами. Они медленно продвигались вперёд, вытесняя голых индейцев из деревни. Повсюду метались с лаем перепуганные собаки. С каждой минутой движение людей замедлялось. Казалось, все они брели глубоко под водой, с трудом поднимая винтовки, с усилием натягивая луки, лениво вываливаясь из сёдел.

ДБ втянул в себя колючий воздух, пахнувший дымом, и невидимо развернулся против ветра. Стремительный и властный поток сновидения повлёк его дальше, и раньше, чем ДБ успел что-либо осознать, он оказался далеко-далеко. Он видел, как солнце трижды поднялось и закатилось.

Затем полёт прекратился.

Утро четвёртого дня наступало медленно. С неохотой проявлялись внизу очертания заснеженных холмов, словно кто-то лениво протирал запотевшее стекло. Мелкие резные снежинки суетливо вертелись в воздухе, цеплялись иногда за развесистые чёрные ветви высоких елей.

Увязая в глубоких сугробах и взбивая белые хлопья, проскакал всадник. Он размахивал рукой над головой и что-то выкрикивал. Навстречу ему выехало из-за туманных конусообразных палаток пять человек. Их фигуры казались неясными тенями с плещущими по ветру волосами.

— Солдаты уничтожили лагерь на Пыльной Реке! — гонец остановился возле пятерых всадников и принялся возбуждённо рассказывать им о случившемся. Чуть позже они вместе въехали в сонную деревню. Из конусовидных палаток появлялись люди, они кутались в одеяла и длинные бизоньи шкуры, некоторое бежали к жилищу вождя, где фыркал на привязи чёрный жеребец. Входной полог откинулся, громко хлопнув по ветру, и в серый утренний воздух шагнул невысокий человек в мягкой кожаной рубашке. На его плечах лежало красное одеяло. Распущенные длинные волосы каштанового цвета заметались на ветру.

ДБ, не ощущая себя, приблизился с порывом ветра к самому лицу этого человека и остановился, невидимый для людей, перед глазами

вождя. В них, как в тёмном озере, отражалось низкое снежное небо.

ДБ ощутил, как в его несуществующем теле сильно застучало сердце. Он знал этого человека, он помнил его!

— Беда не заставила себя ждать, — прыгнул с горячей лошади гонец, — солдаты напали на стойбище наших друзей. Вождь Две Луны ведёт к нам тех, кто остался в живых. Бледнолицые угнали весь табун, но воины сумели отбить почти всех лошадей обратно.

Снежное небо шевелилось ежесекундно, взрхляемое белыми руками ветра, клубилось, не стояло на месте.

— Пусть женщины готовят котлы с едой, — распорядился вождь, — братья придут уставшие и голодные. Пусть приготовят носилки для раненых. Мы выдвигаемся навстречу. Я готов принять всех, кто пострадал. У нас они найдут кров и дружбу.

Загудели голоса, и в несколько секунд толпа рассыпалась по лагерю. В считанные минуты десять воинов на низеньких лошадках промчались через деревню, размахивая одеялами. Чуть позже ещё дюжина всадников повела за собой лошадей с волокушами.

ДБ разглядывал лицо молодого вождя, не отрывая глаз.

— Ташунке, теперь война началась? — услышал ДБ голос сбоку и проследил за взглядом вождя. Поблизости стоял взлохмаченный мальчуган с накинутым на плечи одеялом в синюю полосу.

— Война никогда не прекращалась, — ответил спокойно Ташунке, — но теперь она делается ожесточённое, мой маленький друг. Позови своих приятелей в мой дом. Я хочу побеседовать. Скоро в нашем лагере прибавится людей, будет много забот...

Ташунке откинул большой кусок кожи, прикрывавший круглый вход в жилище, и, нагнувшись, шагнул внутрь. ДБ скользнул следом и проник в палатку прямо сквозь тугую стенку, ощутив густой её запах — дух обмёрзшей на морозе бизоньей кожи, впитавшей в себя дым костра.

Внутри царил полумрак. Посреди палатки подрагивало пламя небольшого костра, обложенного камнями по кругу. Сизый дым медленно поднимался вверх, где между жердями, служившими каркасом жилища, находилось отверстие-дымоход. В глубине палатки лежала, закутавшись с головой в тёплые шкуры, женская фигура. Ташунке Уитко обошёл костёр и опустился на меховое ложе рядом с женщиной.

— Тебе не легче? — спросил он, положив руку ей на голову.

— Легче. Кашель совсем унялся, боль в груди стихла, — ответила она, не меняя положения.

— Хорошо. Я рад, — он посмотрел на огонь.

ДБ остановился по другую сторону костра и сказал:

— Я давно мечтал встретиться с тобой, вождь.

— Я не знаю, кто ты, и я не вижу тебя, но я рад, что слышу тебя, — ответил индеец, не проявив никаких признаков удивления перед невидимым гостем, и ДБ заметил, что Ташунке не шевелил губами. Он разговаривал молча.

— Меня принёс к тебе мой сон, — сказал ДБ, — и я не понимаю, что за сила скрывается за этим.

— Сила повсюду одна. Она стоит за всеми нашими поступками, она руководит всем, что делаем мы и что делают с нами. Она устраивает наше будущее.

— Я знаю твоё будущее, вождь, — выпалил ДБ.

— Я тоже знаю его, — индеец продолжал спокойно смотреть на огонь.

— И оно не пугает тебя?

— Нет.

— Ты странный человек. Все Лакоты считают тебя странным, — прошептал ДБ. — Никто не знает, что владеет твоим сердцем. Ты всегда молчишь. Бродишь по деревне и молчишь. Люди привыкли видеть тебя безмолвным и не докучают тебе вопросами. Почему ты не любишь разговаривать?

— Почти все разговоры пусты. Люди произносят слова так, словно пересыпают песок из ладони в ладонь. Старики забавляются воспоминаниями, воины похваляются подвигами. Я не верю в слова...

Курорт

Законспирированная толпа организмщиков высыпала из вагона электрички, и главный скомандовал следовать за ним. Из-под ног поднялась не по-осеннему жаркая серая пыль.

— В машины за-ле-зай! — донеслась команда, и они увидели перед собой три задрипанных грузовичка с крытыми кузовами, на которых с трудом угадывались выцветшие слова «Осторожно люди». ДБ, проходя мимо, плюнул на палец и с кривой ухмылкой поставил слюнявую запятую после первого слова.

Вот пару раз рыгнули моторы, затряслись машины и потонули в пыльном облаке, шумно дребезжа своими составными частями, давя беспризорных деревенских собак и куриц.

— И на фига они нас сюда припёрли? — спросил кто-то и смачно чихнул.

— Отдыхать, мужик. Отдыхать едем на курорт. Сейчас шашлычки навернём с красненьким, потом танцульки всякие, сельские девочки в простеньких юбочках и платочках... Настоящий сотрудник должен уметь жить! Представь, что попадёшь ты куда-нибудь в Нью, скажем, Йорк, а тебе ЦРУ для проверки подпихивает смазливую бабёнку. Не имея навыков, ты ставишь её на карачки и сию же минуту вздуваешь её, как телушку. Тут тебя и расшифровывают, потому как поласкаться нормально не умеешь, пошутить, поплескаться в ванной или в бассейне мраморном понырять голышом и прочее всякое...

— Кончай трепаться, — властно гаркнул другой голос из непроглядной пыли. — О женщинах после судачить будем, а сейчас попрошу боевой настрой держать.

Все тут же настроились по-боевому, потому что день близился к закату, а неясное завтрашнее утро намеревалось окунуть организмщиков в новую, энергичную, лишённую дурных привычек жизнь.

И утро не заставило себя ждать. Оно началось с многотрудной пробежки на десяток километров среди тёмных еловых стволов таинственного леса. Громкий топот тяжёлых сапог, напряжённое дыхание, скупое матерное слово. Затем всё ещё погружённые во мрак предрассветного воздуха, будущие супермены возвратились в длинный барак, где сбросили с себя взмокшие шмотки и помчались умываться ледяной водой. ДБ долго стоял перед лениво фыркавшим краником,

из которого едва струилось, потом что-то напряглось в трубе, дёрнулось, брызнуло ржавыми кляксами на руки и на белый кусок нежно пахнувшего мыла.

— Быстрее давай, браток, торопись. Ещё в нужничок надобно сбежать.

— Сейчас, — булькнул ДБ пеной из рта.

В казарме уже наряжались в тёмно-зелёные комбинезоны, лишённые каких-либо знаков различия. Бряцали пряжки ремней, шумно ходили по сапогам жёсткие щётки с ваксой, кто-то насвистывал песню «Без тебя теперь, любимый мой»...

Пора было бежать в дощатый домик, окутанный лёгкими клубами испарений и жужжанием мошкеры. Это строение в пору было сравнить с молитвенным домом набожных людей. Но не всё мы понимаем сразу.

Священный утренний ритуал, поклонение необходимости, величайшее из облегчений... В эти знаменательные минуты обычно начинало подниматься солнце. Оно ощупывало своими ещё сонными лучиками неплотно сколоченные доски заведения, проникало внутрь и зависало между стенами бледными полосками света. Иногда свет попадал прямо в глаза напряжённо сидевших на корточках людей, чем сильно отвлекал их. Временами в солнечные лучи влетали комары, настороженно гудели перед лицом и тоже мешали сосредоточиться. Бывало, кто-нибудь из суперменов не выдерживал, и тогда в утренней тишине раздавался звонкий хлопок и решительное короткое слово, и неразумное насекомое преждевременно прекращало своё существование. К этому времени окончательно наступало утро за стенами посидельного дома, и первая облегчившаяся партия освобождала места новоприбывшим.

После этого до блеска выбритые подбородки выставлялись на показ главному, которого в первую же минуту его появления окрестили Сомосой.

— Что это у вас бакенбарды такие длинные? Подкоротить! А у вас, мой друг, усики торчат слишком вызывающе! Подрезать!

Затем наступала золотая пора утренней кормёжки.

Если тебе, мой читатель, не доводилось бывать никогда в далёком военном городке, притаившемся в глухом лесу, то тебе не понять, что такое подлинный аппетит и настоящее кулинарное мастерство. Разве можно отыскать даже в самом экзотическом ресторане коричневую манную кашу с плавающими на поверхности зелёными лужицами растительного масла? И по специальному заказу не приготовят тебе фиолетовые сосиски. А рыба! Эта чудесная жаренная рыбка а-

натюрель с хрустящей корочкой чёрного цвета и густым жирным соусом, в котором стоит ложка! Нет, если кому не доводилось пробовать чая, заваренного в той же воде, где кипятили картофель, то не понять ему подлинного аромата.

После обеда все, дабы не оплыть жиром, дружно отправлялись маршировать по плацу туда-сюда в ногу и не в ногу. Случалось, кто-то наступал кому-то на пятку.

— Тысяча извинений, пардон.

— Что вы, что вы, наступайте без стеснений, сколько вам нравится.

По ту сторону забетонированного и уже поросшего кустиками плаца лежала деревенька, где имелся винный магазин и жили грудастые девки. Но ходить туда строго воспрещалось. ДБ с удивительной ясностью вдруг почувствовал себя свершенно чужим в этом мире, где потная одежда не менялась на чистую, баня работала один раз в неделю, но воды никогда не хватало на всех, а сотрудники Организма шлифовали свою сноровку по проникновению на запрещённые объекты, тайно пролезая ночью в буфетную и ворую там пачки разошедшегося печенья и дешёвые сигареты без фильтра и соблазняя этими сигаретами одиноких женщин в деревне, куда не разрешалось ходить.

Очень быстро наступила настоящая осень, просочился дождь, задышало прохладой.

.....

...Шёл мелкий, но затяжной дождь. Во время стрельбы по мишеням, меняя разложенные перед ним различные модели автоматов и пистолетов, ДБ мелко дрожал, рассыпая с коротких своих волос брызги. Другие тоже намокали, но серенькие переживания других людей давно перестали волновать его. Нелюбовь к Организму, его генералам, мандатным комиссиям и всепоглощающей, как страшная трясина, секретности уже пустила побеги.

— Все в «яблочко», — сообщил Попрыгаев, отстёгивая от автомата рожок. Он всегда попадал. Профессор своего дела. Прирождённый стрелок. Он обожал оружие, разбирал его с закрытыми глазами и собирал его, меняя местами отдельные части, а оно всё равно безотказно работало и било в цель.

— Написовы! Тёзки! Ко мне бегом марш! — крикнул инструктор.

— Это вы нам?

— Вам.

— Но мы не тёзки. Я — Василий Насикин, а он — Шурик Пописов, — объяснял один из суперменов.

— Значит, не тёзки. А я понадеялся на вас, на вашу тёзкость... Но всё равно ко мне бегом марш! Взять боевые патроны у товарища Факова и отнести на огневую позицию!

— Есть! — гаркнули они и умчались, громко шлёпая тяжёлыми башмаками по лужам. Один из них, громко сопя, дёрнул за рукав приятеля.

— Что?

— Странно мне.

— Фамилия Факов странна мне. Явно американского происхождения и что-то мне напоминает.

— Что с того? Я знал одного поляка с фамилией Ебски, но ничего такого особенного. Моим агентом был.

— Как знаешь, но я доложу начальству об этом, пусть сами разбираются. Всё-таки Ебски это тебе не Факов. Ебски мне как-то ближе.

И оба молча помчались дальше.

ДБ видел, как они стояли на косогоре и о чём-то говорили, но его мало интересовали их слова. Его внезапно одолел запах леса. Станным показался ему этот запах, да и сам лес тоже. Нет, не знал он, в чём причина странности. Лес и был лесом. Может быть, странным было, что не сразу ощутил он этот запах?

ДБ откинулся назад и коснулся спиной к шершавого ствола берёзы. Влажная прохлада прильнула к нему сквозь вонючий комбинезон и поцеловала утомлённые мышцы. ДБ прикрыл глаза и в ту же секунду неожиданно для себя понял, что его глаза продолжали смотреть даже с опущенными веками. Прошла минута, другая, и он осознал, что глаза видели что-то иное. Другой лес, другое небо, другой воздух.

Перед ним стояла лошадь, на которой сидел всадник. Лошадь шевелила ушами и раздувала бархатные ноздри. Раза три она стукнула копытом и направилась к ДБ, неся на спине всадника, которого ДБ почему-то не сразу заметил. Лицо человека казалось ему знакомым, но туман смазывал черты, и распознать его не удавалось. В длинных тёмно-коричневых волосах, плывущих по воздуху, виднелось белое перо. И весь мир вокруг таял на глазах, превращался в немыслимые тени, которые возникали перед спокойным наездником, старались ударить его или вцепиться в него зубами. А он скользил меж ними, спокойный, невозмутимый. Его лошадь, казалось, исполняла

волшебный танец, плавно перебирая ногами. А за ним, за всадником, тянулась река людей. Они пели песню. Они торжественно взмахивали руками. Иногда кто-то из толпы бросался к всаднику и пытался схватить его сзади. Но он скакал дальше — плавно, будто плыл сквозь сонную воду, отгоняя недругов. Над ним висел в воздухе ястреб с красной спиной.

— Послушай, — сказал кто-то, и ДБ обернулся. Рядом стоял Попрыгаев.

— Твой черёд стрелять.

— В кого?

Сверху загромыхало, сомкнулись тучи. Дождь сразу усилился. Он хлестал по земле, разбивая затвердевшую за долгие солнечные дни глину. Расползались грязные лужи, бурлили ручейки. Ополоумевшая сухая жёлтая листва тряслась под тяжёлыми ударами капель. Казалось, вода падала из туч с ожесточением, самозабвенно долбя организмщиков по головам и плечам крупными каплями, будто желая смыть с них скверну.

— Не дождь, а пытка, — пробормотал ДБ.

Капли больно лупили по лицу, норовя прекратить его в сплошной синяк. Рукава и карманы отяжелели.

В тот же день полковник вызвал к себе ДБ на беседу.

— Что это вы там всё время заносите в свою тетраточку, уважаемый БеДе? — хихикнул он и потряс отвислой на шее кожей. — Уж не секретные ли данные стихами складываете?

— А вы будто не знаете?

— Знать-то знаем, да хотелось бы на искренность вас проверить, милейший, — расплылся в отеческой улыбке полковник. — Не обижайтесь, дорогой мой. Конечно, читал я уже вашу тетрадку. Работа обязывает. Только чепуха всё это, что вы пишете там. Мутные капли дождя, призрачный солнечный луч... Оставьте лирику. Жизнь прозаична. Дан приказ — исполняй. Шаг влево, шаг вправо — расстрел.

— Но приказа-то нет.

— А вы ждите. Некоторым случается всю жизнь ждать на своём посту и ничего не совершить, как подумал бы какой-нибудь затхлый обыватель. Но в этом тоже наша работа, любезный. Вы обязаны знать своё место и выжидать там. В случае надобности вы всегда на месте. Как на государственной границе. Да вам ещё миллион раз надоест работать, так что расслабляйтесь пока... Присели под кусток и ждёте...

— Под кусток?

— Это я фигурально...

Боевой дух ДБ упал окончательно. А тем временем служба шла своим чередом.

— К трамплинам вприпрыжку марш! — кричал не своим голосом инструктор по парашютным прыжкам и первый, словно у него могли отобрать парашют, бросался сворачивать и разворачивать его. Долгое время он совершал свои действия молча, и организмщики решили, что он позабыл, как обращаться с парашютом. Но вот инструктор выпрямился и вытаращил на них округлившиеся глаза.

— Вам всё понятно, семь на восемь? — опять не своим голосом спросил он. Оказалось, что он показывал, как правильно укладывать парашют. Оказалось также, что не свой голос был у него своим.

— Хорошо бы ещё раз, — попросил Пушкин.

— Первокласная верёвка, — ошупывал стропы Посакаев, — вот бы моей жене для сушки белья.

— А с самолёта как прыгать будешь? — хмыкнул Попрыгаев.

— Очень не хочется с самолёта, — признался в ответ первый, — я бы предпочёл подглядывать за киноактрисами в раздевалке.

— Следить, а не подглядывать.

— Какая к чёрту разница?

— За слежку тебе деньги платят, это работа, — убедительно произнёс Попрыгаев и расстелил на сырой траве белый купол.

— Для тугодумов демонстрирую в десятый раз, восемь на семь! — рывкнул инструктор и вдруг попросил, чтобы никто ничего не отрезал от парашютов на память.

— Всё равно отберём, это ж государственное имущество, — добавил он.

— А как угадаете, кто отрезал? — вытянул шею Пушкин.

— По полёту, — проскрипел инструктор и размазал по щеке запоздалого осеннего комарика.

— Пропала жизнь, — промямлил ДБ, — теперь до конца дней зелёным беретом работать. Может, уйти?

— Не отпустят. Из Организма не выпускают. Разве что вперёд ногами, если кто строптивный попадётся.

ДБ перекосялся, как оплывшая свечка. Он уже не слышал лязга танков, под которыми приходилось ползать, не различал разрывов гранат, которые швырял в занюханный окопчик, не волновали его белокожие противогазы «Дружок», сквозь запотелые стёкла которых требовалось узнать товарища. Несмотря на разнообразие военных аттракционов, жизнь казалась ему вялой и бесцветной.

Но тут надо оговориться: тоска залила душу ДБ, но бодрый дух остальных суперменов ничуть не падал. Удачно подобранные предварительными тестами, они звенели струной профессионального оптимизма.

Вечерами, когда многие ещё отрывали душистым ужином, появлялся кто-нибудь из инструкторов и занимал Джеймс-Бондов нескончаемыми байками из долгой служебной жизни. Случалось, на казарменный огонёк заглядывал сам Сомоса. Пронизанные табачным дымом, тянулись минуты и часы. ДБ сидел среди товарищей на исцарапанной разными непотребностями скамеечке и без интереса слушал истории.

— Ну получается такое дело, что полный компот, — покручивал усы Сомоса и с удовольствием жмурился на лампу под потолком, — а время-то не терпит. Нужен нам был тот клиент до зарезу. Рискнули мы понапихать ему по всей квартирке «жучков», чтобы ни одно слово его не пропускать. Поковырялись в замочке, в считанные секунды вскрыли, уже и дверь приотворили, и тут такое дело: кошка из квартиры — шмыг! И почесала вниз по лестнице на улицу. Ну, думаю, приплыли. Как только наш клиент придёт домой, так и обнаружит, что кошки любимой след простыл, значит, кто-то дверь открывал. Что делать? Вся наша бригада во двор кинулась и давай всех кошек подряд отлавливать. Вот уж сумасшедшие звери, честное слово. Шесть штук взяли, а я-то вижу, что нужной кошки нет. Что делать? Я решил швырнуть ему в квартиру всех пойманных. А на следующий день мы узнали, что клиент так и не вернулся домой, а куда-то пропал. Зря кошек гоняли.

— Случаются, стало быть, проколы? Отчаянная работа, — одобрительно крякнул Посакаев.

— Да, орлы мои, ещё сам Железный говаривал в старые добрые времена, что работа у нас — это не задницей гвозди дёргать. Нам глаз да глаз нужен, чуткое ухо и длинный нос. И чистые руки! Сделал дело — руки сразу же ополосни. Самое же главное, товарищи, это ум. Чем больше намнёте его, тем больше извилин получите, а без извилин, извините, никуда. Без извилин мысль ваша извиваться не станет и гибкость потеряет. Но за это не опасайтесь, братцы. Нагрузка на мозги будет хоть отбавляй.

— Это хорошо, — протянул мечтательный голос из-за угла.

— Конечно, хорошо, — согласился Сомоса. — Клиент, он всякий бывает. Случается и любимые удовольствия его изучить надо, странности все запомнить и прочее. Помню, мы одну семейку долго

подсигивали, почту их по буковке проверяли. Однажды перехватили очередной их опус и читаем такую фразу: «Посылаем вам на память волосок нашего Мойши». А мы, болваны, в торопях и не заметили, как волосок-то вывалился. Ну, я свой с затылка выдрал, хоть и сомневался, что мой волос на мойшин похож будет. Но вышло проще. Они нас надули. Как сосунков провели. Никакого волоска вовсе не было в конверте. Мы купились на их уловку и положили в письмо волос, которого быть там не должно! Это они так проверяли, интересуемся мы их эпистолярным жанром или нет. Хитры, стервецы! Ох, хитры!

Случалось, ДБ укладывался в мешок своей скрипучей кровати раньше других и внимал бубнящим голосам, как вечерним сказкам. По ночам иногда оглушительно стрекотало, от грохота дребезжали стёкла. Вспрыгивали, хлопая ушами, даже самые закалённые из бойцов, долго вращали глазами и покачивались вверх-вниз на пружинах кроватей. Сомоса настаивал на том, что это гремела по ночам неудачная модель экспериментальной сенокосилки. В детали никто не углублялся. Привыкают ко всему, привыкли и к скорострельной сенокосилке.

Десант

ДБ запомнил, что ночь стояла тихая. Так затихает внезапно сцена театра и зрительный зал, когда приглушается свет перед началом спектакля, а затем уж разваливается надвое тяжёлый занавес, открывая декорацию.

Приглушённо бубнили голоса. За иллюминаторами неподвижно, как океанская пучина за стёклами плавательной маски, висела густая тьма. В теле покачивалось тяжёлое и тревожное напряжение. Снаружи заунывно гудели моторы самолёта. Свет единственной лампочки тускло лился на затылки сидевших рядом бойцов Организма.

Рывком отвалилась дверь и бухнула угрожающе о борт. Из-под брюха самолёта вскипела бушующим ветром тёмная бездна. На ДБ накинута страх.

— Товарищи, граждане, друзья, — он встал, перестукивая коленями, — если я не вернусь из полёта, вспомните добрым словом мою скромность и что-нибудь ещё хорошее...

Он хотел сказать ещё, но замялся в поисках правильных слов, и в это время инструктор пнул его подошвой в бок, дабы придать бодрости.

ДБ вывалился наружу Чёрная пасть глотнула его, перевернула сильным языком пару раз, встряхнула и подвесила головой вверх. Сверху мягко хлопнуло, и ДБ понял, что купол парашюта раскрылся. Стремительное падение прекратилось. Оказалось теперь, что ветра не было. Подняв глаза, ДБ увидел над собой в ночной синеве белеющее брюхо громадной медузы — купол пузато налился воздухом. Поодаль распускались такие же белёсые пятна. Приятная тишина таинственно оведала прохладой. Страх испарился, оставив на лбу несколько крупных капель пота.

Слева слышалась песня. По голосу угадывался Попрыгаев. Петь и издавать иные громкие звуки категорически воспрещалось инструкцией, но уж очень хотелось. Душа требовала песни. Душа парила вместе с телом высоко над землёй, и тут было не до инструкций.

О, где ты, муза, владеющая тайной стиха, чтобы помочь мне воспеть этот полёт?

Кому не знакомо чувство восторга? Это состояние лезет, прёт из груди, захлёстывает всё вокруг, и никакой волнорез не в силах

ослабить этот вал чувств. Хочется прыгать на прохожих, обнимать и целовать их. Ноги сами собой пускаются выделять колена. Словом, восторг. Глупое и беспричинное состояние, доступное абсолютно всем, даже суперменам, которых и пулей не всегда прошибёшь.

Что, читатель? Неужели ты не испытывал такого никогда? Если так, то ты принадлежишь к числу несчастнейших из существ, живущих на нашей многоопытной планете. Впрочем, я не верю. Каждому из нас дано испытать мгновения счастья.

Если бы от ДБ потребовали сразу после приземления сформулировать свои ощущения, он сумел бы лишь размашисто обнять воздух и распахнуть рот на ширину плеч. Не более того. Может быть, прибавил бы к этому какое-нибудь громкое междометие.

Некоторые его товарищи после прыжка тоже не могли сосредоточиться и пьяно шатались. Одного из них парашют тащил по земле подобно кульку с песком, а он заливался смехом и восторженно дрыгал ногами, не желая отстёгивать стропы. Большерукий низколобий Отшибов развалился в траве и влажными глазами пялился на подсвеченные луной меловые облака, надеясь, что счастье будет длиться вечно.

ДБ окончательно пришёл в себя, когда на пятке вздулся волдырь, огонь разлился по всей стопе. Отряд уже месил сапогами лесную грязь, пахнущую прелыми листьями и грибами. Смутно угадывались контуры деревьев и очертания людей, шагавших впереди. То и дело кто-то предупреждал, заботливой рукой придерживая гибкие прутья, чтобы они не ударили по лицу шагающего следом.

— Ветка. Осторожно.

— Благодарю. Понял.

Звонкий шлепок со свистом. Сочный матерный фразеологизм. И опять кто-то:

— Ветка.

— Понял.

Звук хлёсткой пощёчины. Уморительное и слегка злорадное хихиканье того, кто пострадал минутой раньше. И вереница секретных сотрудников, заброшенных в неведомую даль с никому неведомой целью (да и была ли такая цель?), чавкала по заболоченному лесу дальше. На груди — автоматы с укороченными стволами и откидными прикладами, на спине — квадратные ранцы с консервами и сухарями засушки прошлого десятилетия.

Ещё ни капли светлой утренней краски не добавилось к густой

ночной синеве в небе, когда откуда-то справа, пробивая лесную глухоту, донеслись три короткие автоматные очереди. Организмщики застыли, напрягая слух. Пальнуло ещё пару раз. Возмущённо загалдели разбуженные вороны. И тут настойчиво затарахтел пулемёт. Он бил протяжно, безостановочно, как бы пытаясь просверлить отверстие в толстой стене.

— Нам не туда? — взволнованно полюбопытствовал кто-то.

— Нет, — отрезал старший.

ДБ попробовал почесать сквозь сапог волдырь на пятке, но не сумел. Пришлось почесать шею. Лязгнул затвор, и ДБ ощутил, как по его спине поползли мурашки.

В последний раз жажнул далёкий автомат, и эхо устало осыпалось по лесу.

— Куда, чёрт возьми, милиция смотрит? — закричал вдруг обиженно Пушкин, но осёкся.

— Товарищи, — шмыгнул носом командир, — сейчас наступила красивая природная тишина. Давайте не будем её тревожить. Идёмте дальше. Мало ли какие у людей там дела.

Когда забрезжил рассвет, отряд выбрался на дорогу. Шумно затопали сапоги, бойцы стряхивали с себя болотную тину. Куда идти, никто не знал, так как не было твёрдой уверенности, на ту ли дорогу они вышли. Совершенно сбитые с толку, люди топтались на месте. Минут через пять супермены сбились в кучу и в категорической форме потребовали у командира объявить замысел. Он подчинился.

Вместе со всеми ДБ рухнул в придорожную канаву, и непреодолимая тяжесть автомата придавила его к земле. Только тут он понял, что подняться его не заставит никакая сила.

В утренней полутьме что-то отсвечивало поблизости. Проморгавшись, ДБ определил рядом с собой длинную лужу.

Откуда ни возьмись, быстро подпрыгивая на ухабах, появился автобус. Внутри горел уютный жёлтый свет, сидели люди. Полоснули лучами грязные фары, озарилась тьма и вновь погасла. Автобус торопливо двигался мимо, как качающийся освещённый аквариум, и его дремлющие пассажиры не подозревали, что из холодного ночного мрака за ними наблюдали автоматные жерла.

ДБ утомлённо проводил гудевшую машину глазами, и странно стало у него на душе от понимания, что только что соприкоснулись два разных мира, один из которых ничего не знал об опасном существовании другого.

Неподалёку снова послышалось сбивчивое тарыхтение автотатора.

Пересиливая лень и чугунное тяготение в теле, организмщики один за другим поднялись. Их примеру попытался последовать и ДБ. Он оторвался от земли, почти распрямил дрожащие ноги, но плечи с головой не желали водружаться наверху и всё заваливались вбок. ДБ стыдливо улыбнулся, крикнул, распрямился рывком и потерял равновесие. Ноги не двинулись с места, зато торс загнулся под весом назад, и тело шмякнулось в ту самую отсвечивавшую лужу.

— Однако! — воскликнул Саша Скифский.

ДБ опёрся правой рукой о землю, зажав в левой холодную талию автомата. Но рука не опёрлась, и ДБ погрузился плечом обратно в воду. Вторая и третья попытки завершились тем же позором. Он захихикал. Так бы и лежал он, ворочаясь в протухшей луже, как весёлый поросёнок, если бы кто-то очень большого роста не выдернул его за воротник.

— Руку, что ли, подвернул?

В ту самую минуту подкатил замызганный сельский автобус. Командир суперменов, выйдя вперёд, первым долгом направил на водителя автомат. За его спиной шофёр увидел много других людей в странной тёмно-зелёной форме без знаков различия. Все с оружием наперевес. Двигатель от волнения заглох.

— Скажи-ка, дядя, — откашлялся командир, — вот у нас карта. Где ж это мы находимся?

— Разрешите взглянуть? — по лицу и голосу водителя было понятно, что он готов на сотрудничество, кем бы незнакомцы ни были.

— Пожалуйста.

— А вы, собственно, откуда, ребята? — рискнул спросить водила. — Чьи будете? Наши?

— Ваши, — прорычал тигром здоровенный Бар-Бек с блиновидной физиономией со вдавленным внутрь широким носом. Узкие глаза его едва угадывались под чёрными бровями.

— Ну, я и вижу, что наши, русские, — согласился несчастный, водя пальцем по карте. — А карта вот не наша. Чужая местность. Ошиблись. Не ту карту вам дали, ребятушки.

— Ох уж этот Сомоса! — рубанул по воздуху Попрыгаев.

— Браток, подвёз бы ты наше семейство до ближайшего города, — улыбнулся командир, и браток-шофёр кивнул. Попробовал бы он не кивнуть.

ДБ втиснулся в задрипанный автобус последним.

— А у тебя клешня рожать собралась, вон распухла до самого локтя, — гыкнул кто-то.

— А у тебя рожа кирпича просит, — ответил ДБ, но в душе знал, что про руку не соврали. Она округлилась, как надутый воздушный шарик, и что-то булькало внутри и стреляло. Увесистый отёк совсем не радовал.

— Готово дело, — подвёл итог другой сосед, — перелом.

Десантников трясло и могло бы пошвырять от стены к стене, не набейся они так плотно. Водитель, обременённый странными пассажирами и неизвестностью, гнал машину что было мочи.

Вскоре шоссе влилась в город, заполненный тихой утренней свежестью. Низкие старенькие домишки кое-где светились окошками. Провинция просыпалась рано. Над промятым асфальтом, в котором различались глубоко утопленные трамвайные рельсы, покачивались обвислые электропровода. Нетерпеливо квакал за углом клаксон невидимой легковушки. Одиочные прохожие в шелестящих дождевых плащиках семенили мимо.

Автобусик закрипел и дружной охапкой сдвинул десантников к переднему борту, тормозя возле белых старинных крепостных стен.

— Город Тула, — провозгласил водитель и горько вздохнул, — город ружейных мастеров и медовых пряников. Перед вами знаменитый тульский кремль, сложенный из настоящего дореволюционного камня, а далее тянется проспект Ленина, где встречаются даже современные здания.

— Тула? — удивился Насикин. — Так мы совсем недалеко от нашей базы...

— Цыц! — старший Джеймс Бонд многозначительно поднял узловатый палец с чёрной каймой на ногте. — Не раскрывай секретную информацию!

И в эту минуту из-за ближайшего поворота с рёвом и лязгом, накрываясь на левые борта, вывалились два грузовика. Они подкатили к автобусу и едва не впечатались в его ржавые консервные борта своими квадратными зелёными носами. Из первого грузовика появился человек в серых штанах и белой рубаше, поверх которой был наброшен пятнистой раскраски плащ. В руке его виднелась телефонная трубка с длинной раскачивающейся антенной.

— Всё в порядке, — крикнул он в трубку и запихнул её в карман отутюженных серых брюк.

Десантники устало повалили из гостеприимного автобуса на тротуар, гремя автоматами о заклинившую дверцу. Из прикативших машин вышел гражданин в свеженькой гимнастёрке и зеркальных сапогах. На голове его сидели наушники, за поясом торчал пистолет.

Гражданин этот поманил пальцем водителя и, когда тот нагнулся из открытого окна, шепнул ему что-то в оттопыренное ухо. Уже изрядно измученный странностями, водитель нервно дёрнул щекой, судорожно закивал и сию же минуту погнал свой автобус прочь. Через несколько минут жестяное дребезжание смолкло.

— Просим извинения, товарищи бойцы, — мужчина в наушниках хрустнул суставами рук и виновато откашлялся, — вышла накладка. Мы вас по ошибке выбросили с самолётов вместо другой группы. Случаются проколы...

Они вскарабкались в кузова.

Через какой-нибудь час они уже разминали затёкшие лодыжки перед входом в родную казарму и обстукивали грязные комья с отсыревшей обуви, а Сомоса чертыхался, слушая рассказ про карту чужой местности и грозился кому-то что-то припомнить. Он шагал по кругу и временами потрясал кулаком с рыжеватыми волосиками на суставах. Сильно нервничая, он постоянно путал слова и вместо «недоносок» говорил «недовесок».

В помещении крепко пахло болотной тиной. По тумбочкам и кроватям валялись сухари, крошки и консервные банки, вытряхнутые из рюкзаков. Возле электрической розетки пытел чайник, подходил кипяток.

Заспанный фельдшер с поросячьими глазками и роскошным пеликаньим зобом повёл бледного от незатухающей боли ДБ в лазарет. Не предвещая ничего доброго, над крышей невысокого зелёного строения метались тревожные вороны. Над дверью лазарета чья-то рука, движимая природным талантом и энтузиазмом, вывела неровный красный крест, справившись с ним, как с многолинейным китайским иероглифом.

Пока худошавый бритоголовый солдатик отмыкал дверь, ДБ топтался на месте перед крыльцом, вокруг которого метра на полтора белым кирпичом была замощена площадка.

— Гипсу замеси, — булькнул фельдшер, — сейчас товарищу герою руку лепить будем. И шприц готовь.

В крохотном помещении, где на стене, обложенной белым кафелем, висела треснувшая ровно пополам умывальная раковина, ДБ остался ждать. Левой рукой он придерживал раздувшуюся кисть правой руки и следил за двумя усатыми тараканами, которые сидели по разным сторонам трещины, слушали стук капель и гипнотизировали друг друга.

Вошёл человек в белом халате, не знакомый ДБ. Он нёс лохань

с мутной жидкостью. Из коридора хрипло дрыкнула музыка и сразу оборвалась, так как радиоприёмник не слушал приказов человека. Человек, как заправский фокусник, извлёк из лохани с помоями набухший рулончик марли с гипсом и обернул её вокруг пузатой руки ДБ.

— Орёл, — похвалил он и скрылся.

Затем, покачивая зобом, заглянул фельдшер и предложил уколиться.

— Я при исполнении, — деликатно отказался ДБ, и пеликан исчез.

Бледное солнце уже шарило по стёклам казармы и заглядывало в любимый всеми нужник. Слышался дружный смех. Казарма была полна возбуждения и полураздетых суперменов.

— Завтра в Москву! — радостно заорал кто-то в ухо ДБ. — В столицу двигать будем! Домой!

ДБ тяжело провалился в свою кровать, не раздеваясь, и зад его опустил до самого пола, затем пружины напряглись и со скрипом подняли его чуть вверх. ДБ выпустил вздох облегчения и мгновенно уснул.

Во сне ему привиделся жаркий пыльный день и человек в жёлтой замшевой одежде.

Каратели

Человек сощурил глаза и облизал губы под соломенными усами. Ветер трепал его красный нашийный платок, и то и дело один из концов прыгал через жёлтое замшевое плечо на спину, за которой виднелись в расплавленном воздухе сгорбившиеся всадники.

— Генерал, скауты настаивают, что деревня слишком велика, — облокотился на луку седла подъехавший капитан. По его грязным щекам стекали струйки пота, волосы прилипли ко лбу.

Генерал оттянул пальцами нашийный платок и тяжело выдохнул в лицо говорившему:

— Надеюсь, они не заблуждаются. Чем больше краснокожих попадётся нам в этот раз, тем меньше останется на следующий. Вам ли не знать этого, Кио?

— Где Кастер? — донеслось сбоку, и появился, мягко правя лошадью, начальник разведчиков по кличке Чарли-Одиночка. Его лицо было черно от усталости. Он остановился перед генералом и сказал тихим голосом:

— Сэр, впереди индейская палатка, — вниз по его виску тянулась тёмная мокрая полоса.

Кастер взмахнул замшевой рукой и последовал за Чарли. Кони громко фыркали и побрякивали сбруей. Перевалив через холм, они увидели кожаный конус индейского жилища. Вокруг копошились в клубах пыли индейцы-проводники. Движения их были быстрыми, как у пантер, а коричневая кожа маслянисто сверкала на солнце. Некоторые из них рылись в ярко расшитых сумках, которые они вытащили из палатки наружу в надежде поживиться. Солнце жёлтыми полосами пронизывало дымящуюся пыль.

— Там внутри лежит мертвец, — доложил Чарли и отёр рукавом лицо и взмокшую шею, —дохлый Лакот.

— Я велел вам скакать вперёд! — закричал раздражённо Кастер на скаутов. — Почему вы задерживаетесь? Неужели дешёвое барахло покойника вам дороже заработанной в бою славы? Или вы боитесь Лакотов? Тогда убирайтесь прочь! Если не хотите воевать, то я возьму назад оружие, которое я дал вам, и вы, как слабые женщины, отправитесь по домам.

Кастер выглядел совершенно измученным. Его лицо всё обвисло, словно акварельные краски портрета поплыли вниз по мокрой бумаге.

Лишь глубоко в глазах горел странный огонь. Но это не было похоже на прежний удалой блеск в зрчках полководца, уверенного в победе. Нет. Это был огонь безумства.

— Вперёд, — прошептал он и взмахнул рукой.

Он спешил сцепиться с дикими индейцами, хотя бешено устал, почти выдохся. Солдаты его имели истерзанный вид. Совсем недавно он поражал всех своей выправкой и выносливостью, совершая переходы, во время которых люди его отряда буквально вываливались из сёдел без сил. Он же оставался бодр и подтянут. За это его прозвали Крепкой Задницей.

Теперь он устал. И всё же некая мрачная сила заставляла его спешить. Весь предыдущий день он вёл кавалеристов под палящим солнцем, не позволяя сделать остановку. Но люди вымотались. Вечером пришлось устроить привал. Неподальёку разведчики обнаружили следы большого лагеря. Несколько шестов торчало в земле, на них покачивались русые волосы и две срезанные с кожей лица бороды. Кастер долго стоял перед ними. Ему казалось в темноте, что он видел не военные трофеи дикарей, а живых людей. Вот губы над бородой, вот нос над обвислыми усами. Вот и глаза, печальные и всё знающие.

— Куда ты торопишься? — он будто бы глазами увидел голос.

— Я спешу вперёд. Это моя работа, мой долг, — ответил он молча.

Призрак сделал в сторону Кастера пару беззвучных шагов и взял двумя пальцами пуговицу генеральского мундира.

— Ты знаешь, что такое долг? А ненависть — долг? А сумасшествие — тоже долг? Тобой всегда двигала ненависть. Ты сделался героем, заполучил славу. Но ненависть делает однажды человека больным...

Кастер недовольно дёрнулся.

Перед ним покачивались на ветру привязанные к шестам волосы. За спиной потрескивали костры. Ночь казалась безмятежной. И вдруг непонятно откуда, будто из-под земли, донеслась тоскливая индейская песня. Генерал огляделся и понял, что это его следопыты-Арикары, уединившись подальше от армейского лагеря, расположились в глубине ущелья и затянули песню смерти.

Тут внезапно рухнуло полковое знамя, воткнутое в землю. Кто-то поторопился поднять его и укрепить древко поглубже, но оно свалилось снова.

— Дурной знак, — вынырнул из темноты лейтенант Макинтош, на что Кастер странно оскалился и скрылся в палатке.

Чарли-Одиночка, давнишний спутник Кастера, весь день перехода хранил тяжёлое молчание и теперь вдруг стал раздавать свои вещи: табак, чистое бельё и прочую мелочь, оставляя себе только патроны. Солдаты забеспокоились.

Ближе к полуночи Кастер резким шагом вышел из своей палатки и велел немедленно сниматься и двигаться маршем дальше. Гремя копытами и снаряжением, кавалеристы продолжили путь в кромешной тьме. Отовсюду доносилась солдатская брань и шум осыпавшихся по склону камней.

Лишь когда занялась заря, полк остановился. Многие повалились на землю и сразу заснули, не меняя случайных поз. С лошадей текла пена. Скауты-Вороны поднялись на обдуваемый свежим ветром утёс, откуда далеко просматривались окрестности, и долго вглядывались в голубоватый горизонт. Потом солдаты услышали, как со скалы полилась заунывная погребальная песня. Разведчики прощались с жизнью. Индеец по кличке Половина Жёлтого Лица, поправляя на голове синюю армейскую фуражку, приблизился, мягко ступая по камням, к генералу и знаками объяснил, что впереди ясно видно громадное облако, поднятое пасущимся табуном Лакотов. Кастер нетерпеливо поднёс к глазам бинокль. Верхняя губа его, лопнувшая посередине, нервно вздрагивала.

— Ничего не вижу, — отнял он бинокль от лица, угрюмо сверкнул глазами и перевёл взгляд на стоявшего с другой стороны темнокожего дикаря по имени Кровавый Нож.

— Нас убьют, — сказал тот на плохом английском.

Кастер лишь загадочно хмыкнул в ответ.

— Их слишком много, — настаивал Кровавый Нож.

— Да, да, конечно, — генерал снял шляпу. Ветер зашевелил его коротко остриженные волосы, редеющие на затылке.

Он сделал шаг в ту сторону, куда скауты указывали руками, и тут что-то невидимое толкнуло его в грудь, преграждая дорогу. Порыв ветра за клубился пылью и соткался в прозрачные огромные ладони, которые жестом запрещали ему идти вперёд. Кастер сжался, побледнел, взгляд его потух. В одно мгновение он сделался похож на старика.

— Да, конечно, их много, — прошептал он, посмотрел вперёд и вдруг побагровел. — Но никто не остановит меня! Слышите?!

Капля густой слюны налипла на его небритом подбородке.

— Бентин! — хрипло позвал он. — Вы отправляетесь с тремя эскадронами на прочёсывание местности на левом фланге. Ступайте,

не надо медлить. — Он повернулся к одутловатому майору Рино, посеревшему лицом., — Майор, вы с тремя эскадронами езжайте прямо. Если обнаружите Лакотов, атакуйте их, не теряя ни минуты! Я с пятью эскадронами зайду справа.

Пока мятая замшевая фигура генерала, подрагивая бахромой, отдавала распоряжения, из индейской палатки шагнул чернокожий кавалерист, бережно неся на руках тело мёртвого Лакота, оставленное соплеменниками в палатке. Лицо покойника было густо покрыто алой краской, в расчёсанных на пробор волосах торчало широкое белое перо. Негр, тяжело переставляя ноги в сапогах, донёс мертвеца до журчащего ручья и бросил его в воду. Постояв недолго, он расстегнул пуговицы синего мундира и сел на песок.

— Генерал, — капитан Бентин облизал губы и прищурился, солнце отсвечивало от жёлтой одежды Кастера, — не лучше ли нам оставаться вместе?

— Прекратить разговоры! — рявкнул Кастер. — Что там за человек отдыхает на берегу?

— Дормэн! — резким голосом позвал чернокожего солдата лейтенант Пэйн, — почему не в седле?

Негр неспешно выпрямился, поглаживая взмокшую рубаху, и направился к лошади. Ноздри его широкого носа сильно вздувались, на них подрагивали капли пота.

Кавалерийские колонны, поднимая густую пыль, поползли по взгорбленной прерии, шелестя вялой травой и бряцая амуницией, отяжёлённые усталостью и унынием. Жаркое воскресное солнце пекло всё сильнее, и воздух, недавно ещё по-утреннему свежий, теперь сгушался духотой. Позади плывущих в мареве кавалеристов кто-то из краснокожих скаутов подпалил палатку, и чёрный столб вонючего дыма потянулся в ядовитую небесную лазурь, где уже растаяло последнее облачко.

Кастер постепенно забирал вправо и после получаса езды, перевалив через холмы и впадины, далеко слева увидел кавалеристов майора Рино. Они мчались во весь опор. Распластавшаяся впереди долина угрожающе вспучилась крутыми холмами возле русла реки.

К Кастеру подскочил проводник-метис и придвинул к нему своё покрытое сильным загаром лицо. Его палец указывал на густое облако пыли за рекой.

— Нам не справиться с таким количеством дикарей. Это пыль их табуна. Слишком большой табун. Слишком много Лакотов.

— Если боишься, можешь остаться здесь, — Кастер нервно дёрнул

головой, стряхивая выступивший на лице пот.

— Я ничего не боюсь, мой генерал, и я еду с вами. Но мы погибнем. Не понимать это может только безумец!

Кастер снял шляпу, обмахнулся ею и пришпорил коня, сопровождаемый горнистом. Кроша пересохшую на склоне горы землю, их кони взобрались на вершину. Чуть поодаль скакали прочь человек двадцать индейцев.

— Вон они! Удирают, — оскалился Кастер и ожесточённо замахал шляпой над головой, показывая эскадронам, куда надо двигаться. В зыбком раскалённом воздухе фигуры мчавшихся дикарей казались призраками, манящими измученных солдат в страну небытия.

— Вперёд!

Колонна тяжело двинулась с места и исчезла в расщелине. Генерал учащённо дышал, глотая горячий воздух. Постепенно он настиг голову колонны и поскакал впереди.

— Никакой пощады! — хрипел он.

Внезапно скалы расступились. Перед глазами возникла тихая зелёная роща на берегу тенистой реки. Сквозь листву просматривались светлые конусы индейских палаток. Видны были испуганно заметающиеся женские фигуры.

— Вперёд! — голос генерала сорвался.

Навстречу кавалеристам, рассыпая вокруг себя искрящиеся брызги, пересекли реку вброд несколько длинноволосых всадников. Откуда-то сбоку вылетели, пронзительно крича, ещё человек десять Лакотов. Все они держали в руках винтовки.

Кастер вырвался вперёд, и тут с противоположного берега ударили выстрелы. Генерал качнулся в седле и схватился за грудь, почувствовав острое жжение внутри.

— Проклятье! — почти пролаял он. Перед глазами вновь возникли огромные прозрачные ладони, но теперь они не делали никаких жестов, а просто закрывали собой индейскую деревню. — Эскадроны, стой!

Кавалеристы осадили тяжёлых коней. Кто-то выстрелил. Потянулся едкий дым. Индейцы с воплями ринулись на растерянных солдат. Из лагеря выезжали новые группы дикарей. Пронзительное улюлюканье всколыхнуло горячий воздух. Горнист опять дал сигнал. Эскадрон Серых Лошадей капитана Йатса первым сорвался с места. Из-за коричневых утёсов накатила внезапно целая волна стреляющих индейцев. Пыль затянула всё сплошной стеной.

Кастер слышал тяжёлый шум крови в голове. Рядом возник кто-то

из офицеров.

— Что случилось, мой генерал?

— Пуля, чёрт её подери! Пуля... — и медленно пополз с коня вниз.

Офицер подхватил его под локоть, взмахнул рукой и поскакал прочь от индейской деревни, увлекаемый лавиной однополчан. Душераздирающие крики вертящихся Лакотов резали уши, летя со всех сторон, даже сверху.

Индейцы прибывали нескончаемым потоком. Они смешивались с кавалеристами и яростно вонзали в синие мундиры солдат лезвия боевых палиц. С визгом и храпом спотыкались обезумевшие армейские кони, давя мощными телами своих наездников. Бледные от ужаса лица покрывались яркими брызгами крови.

Когда генерал опомнился, он увидел себя уже на гребне холма. Вокруг кишели в густых клубах бесчисленные, как муравьи, фигуры индейцев. Он лежал возле кучки израненных людей. Рубашка на груди уже насквозь пропиталась кровью.

— Значит, это конец, — спокойно прошептал Кастер, глядя на мелькающих вокруг него людей. — Значит, я ошибся, где-то переступил черту... А ведь всё начиналось так славно...

Он протянул руку и слабо подёргал за рукав яростно отстреливающегося солдата.

— Мне жаль, что я затащил вас сюда, дружок, — бесцветно произнёс Кастер, — но теперь уж поздно...

В это мгновение сзади вылетела тень, и через залёгших солдат перепрыгнул обнажённый всадник с копьём в руке. Обмотанное конскими волосами древко с длинным наконечником ударило сержанта слева от Кастера и пригвоздило его к земле. В следующую секунду добрый десяток разъярённых дикарей ворвался в ряды последних сопротивляющихся белых людей и затоптал их в пороховом дыму...

Когда над холмом осела пыль, утихли боевые крики, вдоль по усыпанному окровавленными телами склону стали бродить, переговариваясь, в поисках трофеев победители. Среди них неторопливым шагом ехал на чёрной лошади воин лёгкого сложения, обмотанный ниже пояса в красное одеяло. На затылке его висело привязанное к волосам чучело ястреба. К нему подскакали несколько всадников, один из них воскликнул:

— Ташунке! Какая быстрая победа!

— Да, — повернулся к говорившему молодой вождь, — сегодня Великая Сила стоит на нашей стороне.

— Я не слышу радости в твоём голосе, брат.

— Мне бы хотелось, — спокойно ответил Ташунке, — чтобы не было этой победы, но не было бы и дальнейших горестей, которых теперь не избежать.

Ташунке Уитко остановил коня и посмотрел в небо.

В раскалённом воздухе колебались очертания огромной фигуры, стоявшей над полем брани на широко расставленных ногах. Призрачное тело великана держало в одной руке громадную боевую дубину с перьями и прядями волос на круглом набалдашнике и в другой сжимало невероятных размеров лук, увенчанный на одном конце острым наконечником от копья. Гигант, никем не видимый, кроме Ташунке Уитко, взирал на копошащихся возле трупов солдат дикарей и грустно улыбался.

Дым победы

Казалось, что мглистый утренний воздух застыл, будто кто-то вобрал его при вдохе и напряжённо затаился, боясь внезапным движением пробудить дремлющий ещё мир. Впереди серебрился изгиб реки у подножий сумрачных холмов. Несколько минут висела томительная тишина, затем послышалось далёкое птичье посвистывание, слегка потянул ветерок.

Лейтенант Брэдли поднёс бинокль к глазам и осмотрел мутные склоны, на которых белели неясные предметы. Это могли быть оставленные в спешке туши свежёванных бизонов — вон сколько пятен, похожих на груды снятых шкур. Вероятно, индейцы охотились, и Кастер застал их врасплох, обратив в бегство.

— Вполне возможно, что это именно так, — сказал лейтенант и бросил косой взгляд на угрюмого кавалериста справа, — но я не уверен, слишком далеко. Что скажешь, Рой?

Рой Шелдиг поднял брови и пожал плечами. На рукавах синей куртки лежала пыль. Солдат был сравнительно молодой. Армия кишела такими людьми, не имевшими призвания и ничего толком не желавшими. Один из многих, он завербовался на военную службу пару месяцев назад, получил, как и все в полку, жалование за два месяца вперёд и с ироничной улыбкой новичка двинулся в поход, надеясь на стремительную схватку с дикарями. Но события не разворачивались, прерия уныло горбилась холмами, ветер горячо оглаживал лицо изо дня в день. Палящее солнце превратило усталость в чугунный груз. Отряд лейтенанта Брэдли, в котором находился Рой Шелдинг, давно должен был встретиться с кавалерией генерала Кастера. Но Кастер исчез.

Рой откинулся в скрипнувшем седле и яростно растёр осунувшееся лицо, заштрихованное рыжей щетиной. Верхняя губа заметно вздулась от укуса какой-то ночной твари и безумно чесалась. Рой задел припухлость грязным ногтем и негромко ругнулся.

— Едем вперёд, — распорядился лейтенант Брэдли и взмахнул рукой.

Тяжело затопали копыта мощных кавалерийских коней. Отряд медленно въехал в долину реки. Низко ползли тучи, готовые вот-вот прорваться и рассыпать по земле дождевые капли, которых так долго дождались измученные солдаты.

Из-за крутого склона появилась густая зелёная роща, за ней тянулось чёрное пространство, где совсем недавно располагался громадный лагерь кочевников. Теперь деревни не было, валялись многочисленные мелкие вещи. На две-три мили трава была выжжена. Кое-где вились прозрачные струйки дыма, виднелись оставленные шесты палаток, сложенные конусом, обгорелые, покрытые тёмными лохмотьями.

— Всё-таки они удрали, — сказал кто-то, — значит, Кастер задал им трёпку.

Проскакав немного дальше, солдаты увидели несколько индейских жилищ, стоявших в неразобранном виде. Поблизости, поджав хвосты, скулили собаки, готовые пуститься наутёк в любой момент.

Держа винтовки наготове, кавалеристы рассеялись по пожарищу. Куда ни ступи, всюду набросаны топоры с металлическими и каменными лезвиями, грязные одеяла, закопчённые котелки, поломанные старинные ружья, куски мяса, клочки бумаги.

— Шелдинг, — окликнул Роя сержант в примятой фуражке и указал перед собой револьвером, — если здесь и пахнет победой, до никак не победой генерала. Чтоб мне никогда бабу не тискать больше, если я ошибаюсь. Тут пировали Лакоты, а не белые.

Рой приблизился к говорившему и похолодел от затылка до пят. Перед ним торчал из земли шест, на котором висели три связанные между собой человеческие головы, сильно обожжённые огнём. Немного в стороне на земле лежали ещё три головы. Все принадлежали белым людям. Они смотрели пустыми глазницами друг другу в лицо. Сержант опустил на корточки и взял в руку одну из голов.

— Острой штукой отсеки, — констатировал он, пальцем проведя по гладкому срезу мяса, на котором налипли песчинки и мокрый от крови стебелёк травы.

— Что там в типе? — спросил Рой, отворачиваясь, и сделал шаг в сторону безмолвной индейской палатки.

— Сейчас узнаем, — выпрямился сержант.

Вокруг ближайшего жилища лежало с добрый десяток застреленных индейских лошадок, повёрнутых мордами к центру. Осторожно откинув кожаный полог и выставив перед собой оружие, оба солдата вошли внутрь.

— Лакоты. Мёртвые Лакоты, — крикнул сержант, и Рой ощутил, как ночной укус зачесался с новой силой.

Слабый утренний свет упал через отброшенный полог на двоих дикарей, которые лежали, окутанные терпким запахом, на ярких

одеялах в пышных облачениях. Рой нагнулся над одним из них. Лицо было выкрашено пополам в жёлтую и чёрную краску и лоснилось. Длинные косы с вплетёнными центами из медвежьего меха ровно тянулись по груди вдоль полосок ярких узоров на кожаной рубашке. Ожерелье из обработанных клыков медведя отчётливо выделялось между чёрными косами. Жилистые руки сложены на животе, и в них покоился веер из кукушечьих полосатых перьев. Рой склонился ниже, глядя в рельефное лицо индейца. Складки губ и морщины под глазами казались живыми. Черты лица были выразительны под слоем краски. Широкие белые перья обрамляли голову. Словно причудливое существо из сказки развернуло перед полётом крылья и застыло в ожидании.

Тут рой ясно ощутил, что индеец не мёртв. Дикарь был живой, он лишь притаился. Он готов был в любое мгновение вспрыгнуть, оттолкнувшись от земли ногами в расшитой обуви, и издать звериный рёв. Вот его боевой топор на поясе с пёстрыми связками нитей и металлическими клёпками на рукоятке. Может быть, этим самым лезвием отрублены те головы около палатки.

Рой ткнул винтовкой в грудь индейца и положил палец на спусковой крючок.

— В этой раскраске они, дьяволы, словно живые, — услышал он голос сержанта из-за спины. — Прихвачу на память этот томагавк.

Уже заметно рассвело.

Из-за тёмно-зелёной массы деревьев появился лейтенант Брэдли и с ним ещё пятеро. С их лошадей стекала вода, крутые бока животных и сапоги кавалеристов блестели. Они возвращались с противоположного берега реки.

— Что там?

— Это вовсе не бизоны, — повернулся в сторону Роя кавалерист с бледным тонким лицом. Тёмные пятна — трупы лошадей. А то, что мы приняли за ободранное мясо буйволов, это солдаты Кастера. Голые и мёртвые. Все в крови.

Столпившиеся солдаты качнулись, как в полусне, и зашептались.

— Все мертвы, — повторил лейтенант. — Кастера больше нет.

Воцарилось молчание. Более неожиданной и страшной новости нельзя было представить. Отважный до безрассудства офицер, успевший снискать славу чуть ли не национального героя, погиб. Шелковистые золотые волосы, локон которых остался на памяти в медальоне на груди его жены, теперь, возможно, были грубо сорваны с головы; а тонкие черты лица обезображены широким лезвием ножа.

Два следопыта в потёртых кожаных куртках ударили пятками в бока лошадей и поспешили на тот берег, где лежали трупы. Кавалеристы не двинулись с места без Приказа. Сержант негромко скомандовал: «В колонну».

— Вестовой! — Крикнул Брэдли, рассеянно глядя куда-то перед собой и подергивая щекой.

— Сэр...

— Отправляйтесь навстречу генералу Терри. Доложите устно, что Седьмой Кавалерии больше нет... Мы ждём здесь. Индейцы скрылись... Сколько их тут было? Тысяча? Две?

Его слова оборвал взволнованный всадник, по всей видимости, из дозора.

— Лейтенант! Там краснокожие, разрази меня гром!

Солдаты переглянулись, защёлкали затворы. Рой Шелдинг украдкой поднёс к губам флягу и сделал большой глоток, с наслаждением прислушиваясь, как спирт заполняет внутренности огнем.

— Начинается. Видать, дикари не насытились!

Тёмная на фоне мрачных туч фигура лейтенанта Брэдли застыла с биноклем возле глаз, изучая далёкие фигуры людей, о которых только что доложили. Они суетливо передвигались по мутному гребню, но, похоже, не проявляли враждебности.

— Белые, — уверенно произнёс Брэдли, — солдаты.

— Кто же они? — воскликнул возле самого уха Роя рядовой Уайт, до белизны в пальцах стискивая винтовку системы Генри.

— Белые, — повторил лейтенант, — может быть, выжившие...

— Кастер?

— Генерал мёртв, вокруг него сотни трупов, — отрезал офицер — невозможно поверить, но это так. Тэйлор, поезжайте к тем людям, возьмите с собой пятерых на всякий случай. Узнайте, кто такие...

Тяжёлая духота разливалась по воздуху вместе с наступающим днём. На несколько минут туча распустила своё рыхлое брюхо, и посыпались мелкие капли дождя, прибивая пыль и пепел к земле. Рой снял шляпу и подставил лицо воде, но подул ветер; и тучи быстро уползли на юг.

Вскоре со стороны, откуда Брэдли привёл свой отряд, показалась ленивая колонна всадников. Впереди скакали Арикеры — индейские скауты генерала Терри. Едва завидев останки стойбища Лакотов, своих заклятых врагов, скауты подняли вой и пустили коней во всю прыть. Десяток минут спустя они уже рыскали среди обгорелых шестов,

поддевая винтовками разбросанную утварь, и ветер трепал их распущенные длинные волосы.

Рысцой приближалась труппа офицеров, за спинами которых хлопали на древках треугольные флажки. Колонна густо заполняла долину.

Отирая рукавом лицо, возле Роя остановился оскалившийся доктор Поулдинг.

— Где Уайт? — гаркнул он. — Где это дьявольское отродье? Куда он подевал мой саквояж?

— Держу пари, он собирает сувениры, — скривился Рой и почесал верхнюю губу. Ему хотелось спать. Хотелось стащить сапоги и вытянуть онемевшие ноги. Хотелось, чтобы исчезли все звуки вокруг, чтобы прерия сделалась уютной маленькой комнаткой, чтобы на столе на белой скатерти стоял громадный бокал с прозрачной холодной водой, от которой ломит зубы. Но вокруг шумно топали лошади, звенело оружие, скрипели колёса повозок и возбужденно переговаривались люди, обсуждая новости и высказывая сотни предположений по поводу сражения.

Рой осмотрелся. Угрюмое равнодушие заполнили его.

Вернулся Тэйлор и сообщил, что на горе обнаружена добрая сотня солдат майора Рино, половина которых тяжело ранена. То была малая часть Седьмой Кавалерии генерала Кастера, которую он послал в обход индейской деревни. Тэйлор вкратце сообщил, что они были окружены дикарями и держали оборону два долгих дня, лишённые пищи и воды. Колонну лейтенанта Брэдли они приняли за Кастера. Они ещё не знали, что он погиб. Они поведали, что весь лагерь индейцев снялся вчера вечном и ушёл в Сторону Волчьих Гор. За собой краснокожие подожгли траву по всей долине.

Возле Роя прошагал доктор Поулдинг, похлопывая по спине рядового Уайта, лицо которого имело зеленоватый оттенок. В их руках болталась связка яркой индейской обуви.

— Это всё из-за жары, — объяснял Поулдинг, морщась, — трупы пролежали пару дней в страшной жаре, стали уже разлагаться.

— Что случилось? — окликнул Уайта кто-то.

— Утварь для коллекции подбираем, — ответил доктор Поулдинг. — Стали с одного краснокожего стаскивать мокасины, а он распух, чёрт проклятый, обувь крепко сидит. Я потянул сильнее, так мокасин прямо с кожей индейца соскользнул с ноги. Уайта стошнило... Ничего, сейчас оправится... Тут не такое увидит ещё...

— Займитесь делом, доктор, — крикнул лейтенант Брэдли, — тут

много раненых... Шелдинг, что ты торчишь на месте? Поехали на тот берег...

К вечеру, когда духота заметно смягчилась и солнечный красный диск низко завис над холмистым горизонтом, похоронная партия приступила к работе. В полусне шептала о чём-то измятая трава, и от реки доносился лёгкий плеск воды, такой нежный и ласковый, такой неуместный на поле страшного боя.

Рой вёл лошадь под уздцы, и она нервно встряхивала головой, пятась от сильно пахнущих мёртвых тел. Трупов было много, большинство раздето, все сильно окровавлены. Рой старался не разглядывать несчастных, но глаза сами нащупывали в вечернем свете жуткие пятна ран.

Когда он взялся за лопату, присоединившись к товарищам, он повернулся спиной к ближайшему покойнику, голова которого была раздроблена сзади, а от белой, густо облепленной мошкаркой спины отслаивался, кусок мяса.

— Не тяните время, — прошагал мимо сержант Райн, запихивая что-то в сумку. — После захода солнца все должны быть в лагере. Утром продолжим.

— Джон! — окликнул сержанта доктор Потер, ковыляя вниз по склону. — Я отрезал для Элизабет пучок волос генерала...

Сержант что-то невнятно буркнул в ответ.

— Не думал я, что Лакоты так над трупами измываются, — сказал Рой, надавливая ногой на лопату.

— Да это, приятель, ничто. Эти раны в бою получены. Топором зацепили спину, но не насмерть, а добили в голову. Это не издевались. Вон там, чуть повыше, лежит один... сухожилия на руках разрезаны, кишки выпущены, нос отрезан, — устало проговорил пожилой солдат с пышными усами и грустными голубыми глазами.

— Обратите внимание на лица, — вздохнул Рой, забрасывая лопату на плечо, — у всех выражение ужаса.

Говорили негромко, боясь собственных голосов. Под ногами хрустел песок, иногда под каблук попадалась стрела, постоянно позвякивали задетые мыском сапога гильзы.

— Он должен был погибнуть, — ясно прозвучал чей-то голос, и все поняли, что речь шла о Кастере. — Раньше у него были шикарные волосы, он ими гордился не меньше, чем краснокожие своими лохмами. И вдруг остриг. Это был дурной знак.

— В форте Линкольн я видел миссис Кастер. Она долго шла возле его стремена и не хотела отпускать его, — сказал Эдам.

— Ему все говорили, что этот поход плохо кончится, — встрял в разговор рядовой Колмэн, — и Чарли-Одиночка, и Мич Боуэр, и Кровавый Нож, а у них на опасность нюх как у зверей. И все мертвы... Сейчас переносили раненых с горы, где майор Рино держал оборону. Я слышал, что Кровавому Ножу насквозь череп прострелили, а майор в этот момент рядом стоял, и ему всё лицо мозгами забрызгало...

— Тут всех забрызгало, — вздохнул Эдам, — это место долго будет вонять трупня тиной, поверьте мне. И не только это. Мы теперь будем гнать этих краснокожих гнид, пока всех не передадим...

Ночь прошла тихо, но без сна.

Ближе к утру вокруг Роя столпились тени. Он разглядывал их сквозь приопущенные ресницы, но не мог различить ни одного лица. Затем просочилась мысль, что это были лазутчики; Лакотов, но он не шевельнулся, даже наоборот, ощутил какую-то особую расслабленность. Не чувствовалось ни намёка на беспокойство. Он открыл глаза и увидел стоящие тени вдоль всех холмов, подобно варварским тотемным столбам. Тогда он поднялся, встряхнул головой, и тени растаяли.

— Призраки... Души Погибших, — прошептал он.

Трижды крикнула в мутной утренней дали вспугнутая кем-то птица.

— Снова в поход. И опять будут такие же смерти, — подумал Рой и обвёл глазами тихий лагерь. Фыркнули лошади. — Нет, не хочу, — прошептал он и вдруг, сам того не успев осознать, зашагал прочь.

Мимо проплывали восковые тела мертвецов на тёмной от высохшей крови земле, торчали стрелы, как таинственные растения, тянулся густой трупный запах. Один раз Рой оступился и упал руками на свежий холмик земли.

— Могила, — сказал он.

Он брёл, не думая ни о чём, пока не стало совсем светло, и тогда его тело застыло, словно оцепенев. В ушах звенела летняя тишина. Рой обернулся, чтобы определить, далеко ли он ушёл от лагеря, и совсем близко от себя увидел двух всадников. Оба неподвижно сидели на невысоких лошадках рыжей масти. Вокруг лошадиных глаз были нарисованы ярко-красные круги, в гриву вплетены несколько перьев. Наездники были совершенно голые. За спиной одного из них виднелся круглый кожаный щит, у обоих за плечами торчали колчаны со стрелами и луки. Лицо левого всадника было покрыто ровным слоем белой глины, другой индеец украсил себя только жёлтым отпечатком ладони

на правой щеке.

Тот, что с белым лицом, поднёс к плечу карабин и прицелился в Шеллинга. Несколько секунд он оставался в таком положении, притягивая к себе остекленевший взгляд солдата, затем издал губами негромкий звук, словно подражая выстрелу, и мрачно засмеялся. Его соплеменник тоже оскалился, и жёлтый отпечаток ладони на его лице шевельнулся.

Рой медленно опустился на землю, ничего не понимая. По всему телу выступил пот, в голове звенело, но зрение оставалось на удивление ясным. Он видел мельчайшие детали, даже прилипшую травинку на голом бедре одного из дикарей. Опустившись на землю, он замер, ожидая настоящего выстрела. Но индеец не нажал на спусковой крючок. Вместо этого он лениво взмахнул оружием и произнёс что-то на своём языке, обращаясь к Рою. После этого оба всадника приткно развернулись и исчезли за холмом. Рой не мог понять прозвучавших слов, но ему показалось, что индеец сказал: «Вот видишь, я тебя уже убил. Теперь тебе тут нечего делать».

Сомнения

Страшна Москва летом. Ужасен зной её пустеющих улиц, когда горожане устремляются толпами на дачные участки. Стихи о Москве умирают, не успев родиться. Бродит поэт, мучимый жарой, одёргивает мокрую от пота рубашку, и мысли копошатся устало в голове: «Что-то ждёт тебя завтра, Москва? Есть ли у тебя завтра? Сделалась ты по чьей-то воле адской сковородкой». И дальше шагает, оттирает пот с грязного лица. Воздух дрожит над вытоптаннами газонами. По побелевшему от жары и пыли асфальту текут чёрные струи из-под обмочившегося аппарата с газированной водой. И солнце клубится в жёлтом расплавленном воздухе вместе с мошкаррой.

Страшна Москва летом. Не выручают рассыпчатые тени деревьев в Сокольниках и на Воробьёвых горах, а мутные воды Москвы-реки, кажется, густеют от зноя, и боязно купаться, потому что вода вяжет ноги и потому что на дне лежит битое стекло.

Но вот осенняя пора разворачивает свой золотой веер, нагоняет ветер с секущими брызгами дождя, и хочется уже, чтобы возвратилась летняя духота, лишь бы не превращались улицы в покрытые пеной болота. Нельзя расположиться осенью в парке добропорядочной дамочке с клубочком и спицами. Всюду разлились грязные озёра, растекающиеся дальше и дальше и соединяющиеся в морские безбрежья. И вечно спешащий транспорт испарывает гладь великих луж, поднимает стены воды и обрушивает их на невинных прохожих. Вздрагивайте, люди!

В эту обрызганную с ног до головы Москву вернулись с боевой подготовки счастливые организмчики.

Строгий незнакомый начальник встретил их в просторном холле, где среди пальм и фикусов маскировался чей-то гипсовый бюст, и распорядился, чтобы все немедленно приступили к двухдневному отпуску, дабы нормально отмыть тело и расслабить нервную систему любым доступным способом.

— И я прошу вас не забывать, что вы на специальной службе, друзья, — внушительно подвёл итог начальник. — Никому ни слова о том, где вы были и чем занимались. И вообще никому ни слова. Помните также, что мы всё время бдим. Если кто-то из вас вдруг не возвратится на объект во время, мы немедленно объявим общегосударственный розыск. Так что будьте столь любезны

и предупреждайте заранее, если у кого что-то не так. Теперь собирайтесь по домам. Я поздравляю вас с заслуженным отдыхом.

Выйдя из зала, ДБ глубоко вздохнул.

— Пожалуй, я должен открыться Лене. Кто я, что я... Погано чувствовать себя человеком с чужим лицом. Эх...

Он шёл по бесконечному коридору, в разные стороны от которого тянулись точно такие же коридоры. Сотни. Один похож на другой. При каждом шаге пол и стены приобретали резиновую гибкость, эластично растягивались, теряя квадратную форму. Растягивались и двери с металлическими пластинами номеров. Выгибались белые лампы, и при этом их свет начинал раскачиваться, мерцать. Из резиновых дверей высовывались суетливые люди при чёрных галстуках, простирали к ДБ длинные руки, угрожающе шевелили пальцами.

— Нельзя! Зарубите себе на носу, ДБ, нельзя думать, что вы с чужим лицом!

ДБ увиливал от хватающих рук, как акробат, подпрыгивая к резиновому потолку. Грезилось ему это или происходило на самом деле, он понять не мог. Из едва заметных пазов в потолке и стенах высовывались бляшечки микрофонов. ДБ заметил, что они потрескивали и искрились от напряжения.

Из огромной вытяжной трубы вдруг вывалился клоун и, отскочив мячиком от стен, принялся тараторить:

— Я всё записал. У меня всё со мной. Вот они, бумажки про вас. Вы теперь мой. Отныне мы неразлучны!

Он высыпал огромный ворох бумажных листов и провалился сам в подземный люк. Бумажки завертелись перед глазами. Строгий гражданин в белом фраке и чёрных очках сложился из падающих листков и ухватил ДБ за локоть.

— Вы что такое о себе думаете? Что вы лучше нас? Хотите умыкнуть из Организма и остаться чистеньким? Я вижу ваши мысли. Наивный! Это невозможно, вы уже приложились к нам, вы уже один из нас. А среди нас не бывает чистюль! Работа такая-с!

Он махнул рукой, и из рукава белоснежного фрака брызнула коричневая жидкость. ДБ зажмурился, чтобы капли не попали в глаза, а когда разлепил веки, то увидел совершенно пустой коридор. Откуда-то доносились далёкие звуки жизни, хлопала дверь, ведущая наружу. ДБ без оглядки побежал в свою комнату.

— Ты что глаза вытаращил? — встретил его Саша Скифский.

— Чепуха какая-то мерещится, — отмахнулся ДБ.

В полдень ДБ покинул Теоретический Центр на автобусе, битком

наполненном коллегами. У ближайшей станции метро их выпустили. В метро Саша Скифский ловко увязался за ДБ, совершенно профессионально не отставая ни на шаг.

— Мне нужно в круг семьи, — объяснил ДБ, краснея от необходимости лгать, потому что никакой семьи у него не было.

— Брось врать, тебе просто к бабе охота, — ничуть не смущаясь, отозвался Скифский, и ДБ понял, что нахала придётся прихватить с собой. — Да ты не смущайся меня, старик. Я мешать не стану. Может быть, твоя подружка и для меня кого-нибудь притащит?

Вагон раскачивал их вместе с другими пассажирами, и никто из окружающих не догадывался, что бок о бок с ними ехали, скрываясь под личиной обычных людей, сотрудники секретной службы, герои невидимого фронта, на котором никогда не затихают невидимые баталии. Впрочем, наши герои тоже не знали ничего о тех, кто ехал рядом. Вполне могло быть, что весь вагон был наполнен сотрудниками Организма, и каждый из них думал, что он — единственный одинокий волк спецслужбы в этой людской толпе. Могло быть, что в том же вагоне ехали также одинокие волки совсем других спецслужб. И все они работали друг против друга, устраивая подкопы и кражи, подкладывая друг под друга завербованных шлюх, подсыпая в бокалы медленные яды, подстраивая скандалы, ненавидя друг друга по долгу службы и крепко любя по-человечески...

Поочерёдно поплескавшись в ванной, причём ДБ из-за своей руки плескался медленнее и с меньшим удовольствием, они сели за стол. Ночь уже просочилась сквозь стекло в кухню и растворила все предметы, оставив лишь свисающий с потолка плоский белый плафон и желтоватое пятно расплывчатого света на поверхности обеденного стола. В пятне оказались два стакана, бутылка перцовой настойки и толстая колбаса с надрезанным боком. Иногда в свет вползали человеческие руки, опрокидывали бутылку горлышком в стаканы, перцовка смачно булькала, затем стаканы исчезали во тьме и возвращались на свои места пустыми. По их стеклянным граням ползли дрожащие капельки.

— Я слышал краем уха, что ты хочешь рапорт подать, уволиться, — заговорил Саша Скифский, и с его стороны накатила запах тщательно пережёванной колбасы, — а я тебе дружески рекомендую не спешить. Откуда мысли-то об уходе взялись?

— Да я не думал ничего такого, — растерялся ДБ, — с чего ты взял?

— Кончай пирожки валять, старик. По твоей роже всё видно. Надо держать себя в руках. Мы же профессионалы.

Саша расслабленно вытянул под столом тонкие, как у голодного Ромео, ноги. ДБ вздрогнул, ощутив холодное прикосновение волосатого колена, к которому не испытывал ни малейшей привязанности.

— Организм — штука серьёзная. Что тебя не устраивает? — Саша плюнул на пальцы и церемонно прилизал брови. — Ответственная работа, строгая... для избранных... Мы же с тобой избранные. Ты понимаешь это?

— А я люблю дым костра, запах земли и сырых грибов, ровненько срезанных ножичком, — зашептал мечтательно ДБ. — Люблю опавшие листья. Ссыпать бы и в огромную кучу, пусть себе преют и осенний аромат источают...

— Хорошие стихи, — крикнул Саша. — Сам сочинил?

— Это не стихи.

— Тогда прошу извинений, хорошая проза.

— Просто мысли вслух.

— Замечательные мысли вслух, — воскликнул Саша и внёс свою голову на длинной гусиной шее в световое пятно. — Но я бы посоветовал тебе избавиться от этой дурацкой привычки думать вслух. Стены имеют уши. А знаешь что? Лучше вовсе не думать! Плюнь на это. Это, поверь мне, очень дурная привычка. Вредная, как курение.

— Откуда ты знаешь?

— Житейский опыт, любезнейший ДБ, практика, — Саша опять спрятался в темноте, и ДБ почудилось, что перед ним сидел Булочкин в своём бежевом плаще. — Да ты не напрягайся, старик, нам отдыхать нужно. Жизнь будет теперь чертовски напряжённой.

— Слушай, а мы с тобой какую по счёту уже пьём? — ДБ зевнул. — Кажется, мы уже здорово набрались.

— Привыкай. Служба такая. Шпионская работа держится на рюмочках. Тут поговорить по душам за стаканчиком, там кого-то обработать за бокальчиком. Мы и сейчас с тобой на службе. Я за тобой шпионю, ты — за мной.

— Я не шпионю, — ответил ДБ.

— Ну и дурак. Наша работа не знает выходных.

Рано утром пришла Лена. ДБ встретил её налитыми глазами. Голова его, казалось, должна была задевать за все углы, потому что раздулась от пьянства, и происходившее в ней гудение вырывалось даже на улицу, распугивая дворовых кошек.

— Лена, дорогая, я очень рад. Прости нас, подлецов, что мы в таком размазанном виде, это мы с Шуриком командировку обмываем... Кстати, это Шурик... Чёрт возьми, какая банальность. То ли дело раньше было: Борис Николаевич Бугаев, а это, позвольте представить, Цветаевы — Марина и Ася... Не то что нынче — Шурик-придурик... Отсутствует само очарование знакомства. Игры нет высокими именами. Да и высоких имён-то нет, — ДБ кисло помусолил губами. — Что такое фамилия сегодня? Ничего-с. Клеймо в паспорте, номерной знак, жетон для различия инкубаторских куриц, и то полным-полно одинаковых. А раньше за именем стояла история, род, племя. Бешеные Псы, Медвежьи Люди, Неистовые Лошади...

— Милый мой, давай-ка ты присядешь, — Лена нежно обняла ДБ за плечи и подвела к табуретке. — А что это Саша у тебя дома торчит? Ты разве не взрослый мальчик? Вытолкал бы его давно в три шеи. Мне ведь с тобой наедине хочется побыть, я так соскучилась.

— Ему деть себя некуда, он не москвич, мы работаем вместе, — ДБ сморщил лоб, стараясь улыбнуться. Он то и дело постукивал загипсованной рукой о край стола. — Елена ты моя прекрасная, знаешь ли, как я тебя люблю, как ты мне нужна? Я, оказывается, просто тряпка, нужна твоя поддержка...

— Откуда такие тоскливые мысли? — Лена отошла в коридор, где стоял телефон, набрала номер, позвонила куда-то и негромко сказала несколько слов. Продолжая улыбаться, она положила трубку телефона и вернулась к столу. Едва она опустилась на стул, телефон зазвонил.

— Ну его к собакам, — воскликнул Скифский и потянулся к бутылке.

Но телефон продолжал надрываться, полный твёрдого желания добиться своего взаимности.

— Алло, — ДБ угрюмо поднёс трубку к уху, и тут его брови взлетели вверх. Он повернулся к Саше и протянул трубку: — Тебя... Булочкин...

Скифский удивился не меньше ДБ, но трубку взял. Через минуту он торопливо одевался, бурчал что-то про начальство, отдых и какие-то документы.

— Вот видишь, как хорошо всё повернулось, — прижалась Лена к ДБ. — Сашу твоего на работу выдернули. Поделом мерзавцу, не будет больше влюблённым мешать. А теперь давай откушаем кофе.

— Давай займёмся любовью, — предложил ДБ, — если я не очень тебе противен с моей пьяной рожей.

— Не станем терять времени, — Лена задорно засмеялась и вприпрыжку направилась в душ.

Визитёр

Есть вокруг Москвы множество лесистых участков, обнесённых высокими заборами, по которым тянутся электрические провода и колючая проволока, торчат многочисленные антенны. Москва доступна всем, но простому гражданину никогда не доведётся приблизиться к тайным зонам вокруг столицы и некоторым объектам внутри златоглавого города. Но если вдруг случай занесёт какого-нибудь гражданина к одному из таких заборов, то появится откуда ни возьмись внезапно человек (а то и два или даже три) в пригожем костюмчике и прогулочным шагом направится наперерез нашему гражданину, сбивая брючинами с травы хрустальную росу.

— По ягоды или по грибы? — вежливо поинтересуется чисто выбритый встречный. — Не грибное тут у нас место.

— Виноват, заплутал-с.

Тогда костюмчик понимающе кивнёт и проводит до самой автострады. Но может и документиками полюбопытствовать, если прочтёт в глазах заблудившегося что-нибудь подозрительное. Проверит всё и опять же доведёт до цивилизованного места, где объяснит, что в лесу расположен важный оздоровительный комплекс и посторонним находиться поблизости никак не рекомендуется и даже опасно.

Много таких мест под Москвой, но мало кому известно о них. И тем лучше. На душе как-то легче, когда не знаешь о них. ДБ тоже не слышал об этих зонах, покуда сам не попал туда для постижения тайн Организма.

Этап теоретической подготовки обрушился на будущих героев невидимого фронта с яростью атакующих войск. После первой же лекции с глаз ДБ упала пелена, и мир предстал в подлинном виде. Земной шар оказался оплетённым тугой паутиной агентурной сети. Люди превратились в бесчисленных шпионов и в доверительно нащёпывающих граждан. Доносчики разместились за каждым столом, из каждой щели высовывались длинноносые соглядатаи, торчали широкие розовые уши, подвижные, как локаторы.

— Вы должны стараться завоевать доверие вашего потенциального агента, то есть любого встретившегося вам человека. Вы просто обязаны сделать это. Купить его преданность за звонкую монету можем не только мы, но и другие службы, а вот дружить умеет только настоящий агент! — гремел с кафедры отставной шпион

с толстенными стекляшками на мясистом носу. — Человек не должен думать о том, что он превращается в предателя. Он и не должен предавать. Он должен служить своим принципам. И вы, друзья мои любезные, тоже не должны чувствовать, что совращаете человека с пути истинного. Оставайтесь честными до конца. Но никогда не расслабляйтесь, друзья мои. Помните, что тот, кого вы вербуете, запросто может оказаться сотрудником враждебной службы. Так что держите ухо востро! Народ у них такой же, как и у нас. Сплошные сволочи! Доносчики! Кляузники! Впрочем, все мы одинаковые, ворует друг у друга тонны информации. А для чего? Для чего? Я вас спрашиваю со всей серьёзностью: какого чёрта мы проводим такую сумасшедшую подготовку? Скажу вам по большому секрету, что я лично считаю, что весь Организм надобно разогнать, и на деньги, которыми он кормится, купить всю необходимую информацию. Обошлось бы гораздо дешевле, чем нынче...

Нездоровая боязнь новой информации об Организме переросла в изнурительную болезнь, и ДБ всерьёз беспокоился о состоянии своего рассудка. Теперь он ясно понял, откуда в сотрудниках Организма появлялись корни великой подозрительности.

— Вы могли бы прилагать больше усилий на занятиях, — как-то вызвал его к себе старший куратор.

— Почему вы думаете, что я мог бы? — откровенно удивился ДБ.

Начальник скрипнул суставами, откинулся на спинку крутящегося стула и положил пухлые ладошки на свой зыбкий живот.

— Вот вы какой горячий!

— С чего это вы взяли? — ДБ ощупал пальцы и кончик носа. — Вовсе я не горячий.

— Мы, братец, успели хорошо вас изучить, — старший куратор положил на стол перед собой пачку ровненьких листков. — Вот на этих бумажках расписана вся ваша жизнь, весь характер и все самые неожиданные повороты ваших мыслей.

ДБ тяжело и как бы виновато вздохнул, представил, что к этим бумагам ляжет всё-таки ещё самая неожиданная для руководства Организма: рапорт об увольнении. Но как к этому подступиться? Войти однажды в кабинет и так прямо заявить, что больше он не желает сотрудничать? А вдруг это обидит их? Они ведь такие ранимые, душой болеют, горят на работе. Впрочем, что ему за чёрт? Какие тут могут быть переживания? Скифский вон намекал по пьяному делу, что шею свернут, как гусю, и не поморщатся. Да и другие болтали что-то в этом роде.

Пошаркав мыском башмака, ДБ дослушал начальственные слова и побрёл в свою комнату. Мысль зрела и наливалась сладким соком решения.

В учебной зоне стояла тишина, словно спала вся страна. Между тем ДБ точно знал, что за высокой оградой жизнь не спала, а шумела, смеялась, требовала немедленных чувств.

Сбросив башмаки, он повалился спиной на кровать, не снимая костюма.

Минут через пять он вздрогнул и решил, что ему вздремнулось: как иначе объяснить, что он не услышал вошедшего человека, который теперь сидел напротив ДБ на стуле возле умывальника и без определённого выражения на вытянутом лице взирал на лежащего ДБ.

— Привет, — пробормотал ДБ, заметно смутившись, и приложил все усилия, чтобы опознать незнакомца, но тщетно.

— Вечер добрый, ибо на дворе уж сгущается сумрак, — ответил тот приятным тембром.

Нет, мелькнуло в голове ДБ, решительно имелось что-то подозрительно знакомое в облике этого человека, нечто с давно поблёкших фотоснимков, даже уголок носового платка высывался из нагрудного кармана пиджака.

— Вы ко мне? — спросил ДБ, пытаясь растянуть время.

— Ну, милейший, это уж вовсе не гостеприимно, — всплеснул руками незнакомец. Сами изволили думать обо мне регулярно, чуть ли не мечтали о встрече, а теперь прикидываетесь изумлённым.

— Однако я не знаком с вами... Вы, правда, напоминаете мне кого-то... Ах, вы похожи на Михаила Афанасьевича, — неуверенно произнёс ДБ.

— Вы находите?

— Натурально.

Визитёр обернулся к зеркалу над умывальником и скосил на себя глаза.

— Вот уж ничуть не похож, — заявил он, изучив себя, — вы заблуждаетесь. Я вообще не могу быть ни на кого похож. На меня, случается, кое-кто смахивает, а я — нет. Решительно нет. Что же до Михаила Афанасьевича, то я рекомендую вам оставить этого замечательного писателя в покое. Он очень желал покоя, так что прекратите вы все дёргать его имя. Есть у вас его книги, вот и читайте их.

Станный гость улыбнулся и закинул ногу на ногу, небрежно откидываясь на спинку стула. Что-то вспыхнуло тускло на его бедре.

ДБ показалось, что это была шпага, он даже успел заметить золочёный эфес, однако, всмотревшись пристальнее, он ничего не увидел. Визитёр оказался невооружённый.

— Вас что-то смущает? Не стесняйтесь, друг мой, — произнёс человек на стуле, лицо его стало безразличным (или величественно-спокойным?) — Вам представляется странным мой визит, но пусть он вас не беспокоит. Пускай это будет сон.

— Но что есть сон?

— О, да вы, как я вижу, философ, — хмыкнул гость, — тогда я готов вас послушать.

— А я подумал, что вы сами хотите сказать что-то мне.

— Полно вам дурачиться-то. Обычно говорят что-нибудь мне. Просят, умоляют, требуют, жалобы приносят... А мне зачем говорить? Вы же, люди, всё одно не верите нашим словам.

— Да кто же вы, наконец? — воскликнул ДБ, приподнимаясь с кровати.

— Я не могу назваться, потому что в языке вашем нет моего имени, нет слова, подходящего ко мне. Я посланец. Я гость. Я часть всего. Я ничто и сразу всё. Найдите имя для меня, и вы немедленно сделаете меня чем-то одним. Но я не что-то конкретное, — он вдруг щёлкнул пальцами и постучал себя по запястью, где громко тикали старинные часы. — Я, если угодно, время.

— Но вы же в конкретном человеческом облике, я лицезрею вас.

— Это ровным счётом ничего не значит. Вы можете увидеть меня и в другом виде. Это зависит от вас. Но перейдём к делу... Вы желали перемолвиться словом со мной, и вот я перед вами. У вас сомнения? Не так ли? В чём дело, любезнейший Странник?

— Почему вы называете меня Странником? — удивился ДБ.

— Таково ваше имя в Большом Мире.

— Разве я живу ещё в каком-то мире?

— По-вашему, вся эта трепуха есть единственный мир? — визитёр обвёл рукой вокруг, и из воздуха посыпались всяческие предметы. ДБ углядел монеты, книги, букеты цветов, гаечные ключи, документы, газеты, телевизоры и целый поток иных вещей. Все они пронеслись стеной сверху вниз и сгнули где-то под паркетом без следа. — Ужели вы полагаете, что это истинный мир?

ДБ вскочил, сделал несколько шагов, заматавшись, и подступил к окну. Там, в мутной вечерней синеве, стояли вдоль асфальтированной дорожки берёзы и клёны. За ними виднелось просторное футбольное поле, где резвились в ту минуту

организмщики, дружно мутузя футбольный мяч. Между берёзовых стволов беззвучно пролетели очертания белой лошади с наездником в меховой одежде. ДБ без удивления проследил за всадником, растаявшем где-то в сумраке, и повернулся к гостю.

— Всё это очень странно, — произнёс ДБ.

— Не сомневаюсь. Но такова действительность. Она слишком многогранна, дорогой Странник. Именно поэтому вы и бродите из времени во время. Вы ищите ответ.

— Я? И что же? Я уже приблизился к нему? — ДБ заволновался сильнее.

Гость внезапно захохотал. Запрокинув голову, он откинулся назад и свалил стул. Из-под него звонко поднялись прозрачные брызги, с пронзительным криком взлетела длинноногая серая цапля.

— Простите, — успокоился посетитель и принял прежнее положение, но теперь он выглядел совсем иначе. На нём виднелась длинная чёрная ряса, голову покрывал капюшон. Босые ноги были облеплены грязью.

— Простите, — повторил он, — но вы так насмешили меня. Вы задали такой глупый вопрос! Поинтересуйтесь-ка лучше чем-нибудь другим. Что у вас на душе? Вы ведь надумали уйти из Организма?

ДБ вздрогнул, как от укуса.

— Откуда вам такое пришло?

— Знаю вот. Что уж тут мудрёного?

ДБ отмолчался, сделал в мыслях кое-какие калькуляции. Визитёр, конечно, был странен, но он мог быть обыкновенным провокатором, а вовсе не...

— Глупости, — гость взмахнул рукой, — перестаньте думать чепуху! Мне стыдно за вас! Взгляните правде в глаза в конце концов. До чего же вы тупы, милейший! Я бы просто ушёл, если бы не был с вами тесно связан... Итак? Я слушаю.

— Я надумал оставить Организм.

— Похвально.

— Но я боюсь. Мне говорят, что это невозможно.

— Кто говорит?

— Посакаев говорит. Насикин, Трибуналов, Скифский, да и другие тоже. Говорят, что каждый из нас слишком много знает, поэтому из Организма никого не отпускают. Никогда не отпускали.

— Врут, — решительно щёлкнул пальцами гость и подался вперёд, — просто никто из их друзей никогда и не помышлял уйти из Организма. А что до того будто вы «слишком много знаете», так это

глупость. Что вашему Организму вообще известно? Поверьте мне, мой любезный Странник, что Организм не знает ничего, кроме правил игры, которой занимает себя. Все тут во что-то играют, и все наивно полагают, что их игра и есть корень жизни. Увы, это нелепое заблуждение правит умами людей с тех древних времён, когда люди стали людьми на этой Голубой Планете. И ничто не изменилось, хотя все с глубокой уверенностью утверждают, что цивилизация растёт, взгляды меняются, жизнь становится иной... Какая, простите меня, дикая чушь! Какая ограниченность! И вы туда же! Неужели вы совсем ничего не помните? Встряхните себя хорошенько, поглядите внутрь себя, внутрь всего! Ведь было столько жестоких уроков, столько испытаний. Ужель всё зря?

За спиной гостя фыркнула лошадь, в тени прорисовались начищенные рыцарские латы, заходящее солнце вспыхнуло на шпиле крепостной башни, скрипнул на ветру жестяной флюгер в форме дракона. Гость наклонился вперёд и заслонил видение.

— Чего вы боитесь? Смерти? Но в игре не случается смерти. Вы можете изображать её сколько угодно, но оценят эту игру только те, которые считают, что в правилах есть смерть. Младенец не расплатится, когда ему скажут, что вы скончались. Он не знаком с глупыми правилами. Он начинает бояться смерти только тогда, когда его заставят верить в неё, а до тех пор он живёт вечно. Он живёт до того, как родился, и после того. Он просто переходит из формы в форму. Он не умеет объяснить этого, но он знает это. Станьте же таким младенцем. Забудьте всё, чему вас научили. Сделайте шаг. Вы боитесь, что вас прихлопнут, как муху, за то, что вы покинете Организм? Пусть убьют. Этот спектакль затянулся. Вы играете эту роль тысячи лет. Сделайте же шаг в сторону. Посмотрите на всё со стороны. Без этого вы никогда ничего не поймёте, Странник. Поверьте, я достаточно осведомлён в этом вопросе, — гость поднялся и напялил поверх капюшона неизвестно откуда взявшийся берет тёмно-серой окраски с небольшим мягким пером чернильного цвета. — Что же касается смерти, то помните, раз уж вы считаете, что смерть существует, что нет такой крепостной стены, за которую смерть не проникла бы. Всё может случиться, и пуля в затылок тоже. Но не стоит топтаться на месте из-за такой мелочи. Ступайте своим путём. Шагайте сквозь страх. Страх это тоже игра. Он есть у всех, у каждого свой. Без страха только блохи живут... Так что в добрый час, Странник, в добрый час...

Он выпрямился и сделался невероятно высоким, шагнул к двери,

открыл её и обернулся из дверного проёма на ДБ. Опять вспыхнула шпага, затем качнулся круглый щит за спиной, выглянули оперённые черенки стрел из колчана. Гость всё-таки был вооружён. Он вежливо кивнул и скрылся.

ДБ торопливо подбежал к открытой двери и выглянул в коридор. Незнакомца простыл след.

— Было бы очень хорошо, если бы вы вспомнили себя, Странник, — услышал ДБ густой бас в воздухе.

Волчьи Горы

Старики говорили, что наступившая зима была самой плохой на их памяти. Они невольно пускались в путешествия по заросшим тропам воспоминания, вороша далёкие героические дни, когда они вольны были мчаться в обнимку с ветром в любую сторону. Теперь же по пятам бежала оскалившаяся смерть в вонючих синих мундирах. Теперь голод подкрадывался исхудалым взъерошенным волком к костру. Всё реже встречались тёмно-курчавые бизоны на равнинах, но чаще торчали из-под снега их скелеты.

Ветер тащил всё новые хлопья, заваливая путь, превращая деревья в ледяные столбы, а будущее — в бесконечную мглу.

Та зима была самой плохой, так утверждали старики. Возможно, Великая Тайна показывала, что этот снег будет их последним вольным снегом, что стонущая выюга навсегда сокроет от Лакотов дух свободы? Многие понимали, что время поворачивалось к ним новой стороной, что образ жизни изменился окончательно. Но никто не верил, что вскоре из тумана покажется пропасть...

И вот снова чей-то крик разрезал ночь: «Солдаты!»

Заслышав это слово, люди бросились из лагеря. Некоторые скручивали палатки, многие мчались прочь без них, оставляя жилища на растерзание карателям. В темноте мелькали мутные тени. Белые вспышки выстрелов озаряли переполошившийся ночной свет. Кучка голых воинов на вздыбленных конях перерезала дорогу солдатам, размахивая луками и винтовками. Фигуры их внезапно возникали и тут же пропадали в оглушительных сполохах, и в холодном воздухе летели стрелы. Мужчины старались сдержать навалившихся кавалеристов в обледенелых куртках, бросались на них, выбивая из сёдел боевыми дубинами, сшибали с ног пеших стрелков. Женщины и дети торопливо взбирались по склонам заснеженной горы, растворяясь в ночном снегопаде. Они шагали в темноте на голоса соплеменников, как распуганные звери.

Постепенно наплывало утро, тоже залепленное снегом. Лакоты сгрудились на утёсе, мерцавшем ледяными глыбами, и взбудоражено переговаривались, разглядывая солдат, двигавшихся вниз чёрными точками. Женщины испуганно прижимали к себе ребятишек. Старики устало сидели в снегу, кутаясь в тряпье. Тут и там взвизгивали перепуганные собаки. Те, кого воины называли беззащитными,

не хотели уходить без своих мужчин в мутный снежный омут. Слишком пугал ослепший зимний воздух. И впрямь не было такой зимы раньше.

.....

...

Ташунке Уитко слез с коня. Внизу, как во сне, из плывущей белой массы появлялись солдаты. Они продвигались медленно, глубоко увязая в сугробах. Было видно, как некоторые вскидывали тонкие палочки винтовок и стреляли в индейцев, но пули не долетали, будто застревают где-то в глубинах застывшего воздуха. Некоторые синие фигурки скупивались, разводили огонь, очевидно, намереваясь стать лагерем. Вождь видел, как в белом болоте несколько раз вспыхнуло пламя — то стреляли пушки. Прокатилось гулкое эхо, и на белых склонах горы развернулось чёрное земляное мясо.

.....

Что ждало Лакотов впереди? Долина Жирной Травы была выжжена летом после большой битвы на Маленьком Большом Роге. Успела ли там вырасти трава? Или земля под снегом всё ещё покрыта чёрным пеплом? Чем кормить лошадей? Где достать одежду? Где укрыть тех, у кого ничего не осталось? Воины ещё держались, прикрываясь обрывками засаленных шкур, но как быть с детьми? Чем согреть женщин? Много дней племя Ташунке Уитко голодало. Много дней люди мёрзли. Слишком много. Вождь не должен позволять такого. Но другого пути нет. Других дорог белый человек не оставил Лакотам. Медленная голодная смерть или жизнь за колючей проволокой резервации. Ташунке Уитко предпочитал смерть на равнинах. Но это — его личный выбор, а не выбор народа. За его спиной было племя, сотни измученных, ослабших, потерявших надежду на будущее. Они хотели жить, жаждали жить, стремились жить.

— Но ведь в резервациях нам жить не дадут, — говорил он иногда людям. — Я ездил туда, видел. Это не жизнь, а прозябание. Белые не хотят, чтобы мы жили, потому что наша жизнь не похожа на их жизнь. Мы разные во всём! Вы много лет слушали меня, братья, послушайте же ещё раз. Не успеет снег выпасть снова, как вы будете плакать, вспоминая наши сегодняшние страдания, потому что мучения наши не ради смерти, а ради жизни. Пусть на крохотном клочке земли, где нет ещё бледнолицых врагов, но мы попытаемся жить по-прежнему. В резервациях нет ничего, к чему мы тянется наша душа. Сможете ли вы, дети свободного ветра, кормиться с руки белого человека и существовать на обрезках земли, за пределы которых вас не выпускают белые начальники?

Люди опускали головы и прятались в своих палатках, где горели костры, пахло над огнём мясо, и скудная жизнь казалась похожей на прежнюю. Но с наступлением утра женщины выходили на пронизывающий холод и принимались сворачивать палатки, чтобы двигаться дальше. На фоне свинцовых туч вдали маячили фигуры дозорных. Лагерь снимался, чтобы в очередной раз пуститься в бегство.

Казалось, ещё вчера Лакоты стояли огромным лагерем на зелёных берегах Маленького Рога и были непобедимы. А сегодня отдельные группы жалко ютились в ущельях и лесах, пережидая зиму. Многие ждали наступления лета, чтобы по первой траве направиться в сторону резервация, покорно склонив головы...

.....

.....

Слова в цепях

Нет на Земле человека, который избежал смерти. Нет ни одного живого существа, которое однажды не прекратило бы своего существования. Каждый выпускает свою душу туда, откуда она пришла на время жизни. Как бы долго ни жило тело, оно умирает. Нет вечных деревьев. Нет вечных цветков, даже самых совершенных в своей красоте. Русло реки постоянно изменяется, и никогда не бывает в нём одной и той же воды. Даже горы, эти древние и чуть ли не вечные как нам кажется, гиганты, стареют и разрушаются.

Чем конкретнее, чем отчётливее формы, тем больше вероятности у этих тел превратиться в мёртвые обломки или прах.

Так рассуждал ДБ, бродя вечером по мокрым дорожкам Теоретического Центра.

Ощущая на себе дуновение ветра, ДБ думал о том, что невидимый ветер неуловим и неразрушим, что вода льётся и заполняет любую встречную полость, не имея собственной формы и потому не теряя её никогда. Эти гибкие, бесформенные стихии не имеют рук, чтобы держать оружие, не имеют ног, чтобы топтать ими, но они, случается, сметают самые крепкие стены.

Музыка, которую не ощутить руками и в которую не нырнуть телом, как в прозрачные воды озера, способна держать человека в полном подчинении. Музыка заставляет людей танцевать и петь. Она живёт веками и не подчиняется разрушительному влиянию времени, от которого гибнут живописные полотна и мраморные изваяния.

Материальные тела старятся и рано или поздно умирают, как бы ни противился этому человеческий ум.

Ум подчинил себе человека. Ум хитёр и коварен, проворен и беспощаден. Он властелин тела, потому что сам живёт в теле, прячась в глубоких лабиринтах мозга. Ум — это мозг, осязаемый, живой, омываемый кровью, как и любые другие части тела. Но это — часть тела, чрез которую плотная материя организма соприкасается с неведомым тонким миром, через которую проникает, как через двери, мысль.

Ум не порождает мыслей, он лишь выпускает их, и мозг, впуская мысли в тело, становится диктатором, заставляя тело подчиняться мыслям. Всякая мысль становится болезнью. Она терзает человека. Принуждает его совершать поступки, на которые свободный

индивидуум никогда не пойдёт. Если ум завладевает человеком, он перекрывает сознание. Чистое сознание замутняется, засоряется миллионами догм. Человек становится игрушкой мысли, фанатичным последователем каких-то идей. Он отправляется убивать, разрушать, одержимый мыслью поживиться лёгким способом. Испытывая чувство голода, он просто отбирает кусок у ближнего. При этом он способен запросто объяснить свой поступок и оправдать его, ибо считает себя человеком разумным.

Разумный человек обдумывает свои шаги, вынашивает планы, взвешивает, что может принести выгоду. Им управляет ум. Питаясь мыслями, человеческое существо наполняет себя заготовками, чурбанчиками, штампами. Способность мыслить и рассуждать лежит далеко от умения осознавать.

Сознание, как зрение и слух, нельзя ощупать. Можно притронуться к ушам и глазам, но это лишь тело. Можно пристально всматриваться в зрачки, но зрение от этого не станет более видимым. Так и сознание не имеет внешних форм, оно — не мозг, не нервные клетки.

Ум заставляет человека вертеться, чтобы выжить и благоустроиться. Ум делает одних людей сильнее других. Именно ум совершает научные открытия и создаёт новые виды оружия. В течение тысячелетий человеческий ум толкает людей на защиту своих богатств, дворцов, денег. Он заставляет людей уничтожать друг друга, прикрываясь благовидными предложениями необходимости и интересами государства. Наконец, ум вселил в людей страх смерти.

Смерть. Что это такое? Это смерть мозга прежде всего. Сам мозг знает это прекрасно. Этот хитрый монстр понимает, что смерть заставит его выпустить из своих цепких объятий на свободу наиважнейшую сущность человека — душу. Свободная душа, открытое сердце — это конец власти ума, поэтому ум навесил над телом страх смерти. Чем дольше страшится человек смерти, тем сильнее дорожит телом, тем самым продлевая власть ума и болезнь мыслью.

Ум заслоняет собой душу и вселяет в человека мысль, что тело и есть сущность человека. Кости, мясо, кровь и, конечно, мозг. Да и как не поверить, когда тело растёт, стареет, болеет и умирает. Именно тело, а не какая-то неведомая душа, окружённая таким же неведомым сознанием. Телу бывает больно и бывает приятно, именно тело ощущает материальную жизнь, полную других тел и форм. И раз жизнь представляется человеку телом, ум без труда подводит человека к мысли, что необходимо бороться за своё тело. Он прилагает все силы, чтобы окружить себя удобствами, роскошью, оградить

от посягательств других тел, которые тоже бьются за собственное существование.

Такой человек легко оправдывает любые свои поступки. Незаметно для себя он попадает под влияние людей, чей ум более изощрён и натренирован. Тысячи и тысячи людей со сходными мыслями собираются в толпы, в партии, движения, точно так же, как люди, поражённые одинаковым вирусом собираются в одной больничной палате, где над ними воцаряется власть общей болезни. Политик и священнослужитель, врачеватель и популярный музыкант — они поднимаются каждый над своей толпой, каждый над своими пациентами и клиентами и легко манипулируют массой, прекрасно понимая, с какими идеями и желаниями сгрудились перед ними люди в стадо. Миллионы людей с одной мыслью — это всё равно что одно человеческое существо. Мысль сливается воедино. Не нужно много усилий для того, у кого ум поживее, чтобы поддерживать и управлять идеей, пульсирующей в толпе.

— Это как кипящая каша — чтобы масса не выбежала из котла нужно лишь следить за силой огня. — ДБ вдруг заметил, что заговорил в полный голос, и от неожиданности остановился.

— Вот ведь как у вас всё в голове перевернулось, друг мой сердечный, — слышалось со стороны.

ДБ огляделся, но не увидел никого.

— Прячетесь, стало быть? — недобро ухмыльнулся он. — Наушничаете?

— Что вы, очаровательнейший ДБ, как можно! — под фонарным столбом что-то вспыхнуло, попав в световое пятно, и ДБ увидел золотистую пряжку на высокой шляпе, затем к нему шагнул человек в пышном наряде времён Людовика Четвёртого. При каждом шаге одежда человека менялась, наконец, превратившись в чёрную робу с капюшоном.

— Ах, это вы, — ДБ узнал черты таинственного незнакомца, недавно посетившего его. Но облик мгновенно изменился, и перед ДБ остался весьма прозаической наружности мужичок в длинном прорезиненном фартуке и с метёлкой в руке. Мужичок явно прикидывался дворником.

— А известно ли вам, — заговорил дворник, — что есть люди, которые пропускают мысль сквозь себя, оценивают её, любят её изящностью, но не оставляют в себе. Они не позволяют замусоривать себя, и мысли текут в них, подобно реке, ополаскивают ум, но уходят. Нельзя оставлять в себе мысли, они заражны. Человек,

не позволяющий идеям властвовать на собой, осознаёт себя полностью. Он никогда не решит, что сам додумался до чего-то. Нет, он знает, что мысли приходят и уходят сами, как воздушный вихрь. Разве станет кто-нибудь утверждать, что выходя на улицу, он вызывает порыв ветра? Нет, ветер налетает сам, налетает на многих одновременно... Всякая мысль кружит в воздухе. За долгие годы истории человечество не сдвинулось ни на шаг в своём развитии.

— Я позволю себе не согласиться с этим вашим утверждением, — покачал головой ДБ.

— Сменились одежды, внешний вид домов, техническое оснащение. Но цивилизация не есть техническое оснащение, — продолжал дворник. — Цивилизация — это сам человек, а человек остался прежним. Его одолевают всё те же мысли, те же вопросы, те же страсти. Он дрожит за своё тело и всё время во имя его двигает науку вперёд и губит на войне людей. Во имя удобства тела. По прихоти мысли. Мышление привело человека к убеждению, что он — венец природы. И этот самый венец окружил себя противоречивыми правилами морали, враждующим религиозными воззрениями и ничем не обоснованными гражданскими законами. Венец воспел себя в миллионах книг. И при этом он остался всего лишь кратковременным цветком среди бесчисленных видов, в каких проявляется сама природа, не имеющая единого лица и единого тела, природа, никогда не рождавшаяся и никогда не умирающая.

— В этом я согласен с вами полностью, — закивал возбуждённо ДБ. — Ум заставляет человека считать своё тело и обуревающие его мысли проявлением личности. Человек выделяет себя из толпы, опираясь только на ясно очерченную форму своего тела и горстку разных мыслей. Он чувствует себя, осязает. Именно это представляется ему неоспоримым доказательством того, что он — личность. Однако он остаётся лишь частицей толпы, частицей единого целого.

— Точно! Именно так! — подхватил воодушевлённо дворник и засунул в рот сломанную сигарету, — Придумывая теории и учения, организуя партии и общества, провозглашая манифесты и лозунги, человек сковывает себя по рукам и ногам. Он сочиняет законы для своих сограждан, но забывает о единственно верном законе, который нигде не выписан буквами, даже в Библии, которую многие не без причины величают Книгой Книг.

— То есть вы хотите сказать, что Библия — ничто? Это вы-то, вынырывающий из потустороннего мира? — поразился ДБ.

— Библия, мой добрый друг, это всего лишь мелкая крошка,

украденная с необъятного стола Большого Мира. К тому же крошка, выраженная в литературной форме, а это уж вовсе никуда не годится, — захихикал мужичок в фартуке, бросил сломанную сигарету на дорожку и принялся двигать её туда-сюда метлой. — Библия полна слов, а человек цепляется за слова. Став однажды зависимой от проникшей в мозг мысли, личность уверенно шагает по следам предков, своих или чужих, это уже не играет роли. Предки точно так же служили этим идеям, но ничего не изменили в мире. Служа идеям, человек превращается в рабское и больное существо. Достаточно взглянуть на лица толпы, чтобы немедленно заметить страшную болезнь, которая превращает людей во взбешённых животных. В толпе нет места человеку. Это стадо, стадо управляемых кем-то животных. Стадом всегда кто-то управляет, — дворник подобрал с асфальта сигарету и сунул её в рот. ДБ увидел, что это была дудочка, и дворник, закатив глаза в блаженстве, принялся дудеть в неё, не прекращая при этом говорить. — Чтобы сбросить ярмо, освободиться от цепей, нет надобности требовать что-то от кого-то, трясти за воротник, угрожать кулаками. Достаточно взглянуть на себя осознанно и не бояться увидеть собственные ошибки, вчерашние и сегодняшние. Нельзя стыдиться своих ошибок. У каждого их полным-полно. Ошибки — наши уроки. Их нужно видеть и помнить. Любые ошибки исправляются, даже самые страшные, но лишь в том случае, если люди признают их. Бессмысленно идти в церковь на исповедь, ставить свечи, замаливать грехи. Это лишь загромождает ум совестливыми мыслями, от которых начинаются новые болезни. Жизнь состоит из поступков, а не из грехов. Грех — точка зрения, а поступок — факт. Добродетель и греховность, добро и зло — лишь умственное деление. Но факт остаётся фактом. Вы просто сломали ветку дерева. Вы просто убили живое существо. Нет смысла клеймить кого-то позором или петь гимны. Осознающий всегда видит, какой он делает шаг. Это позволяет исправлять ошибки. Сознание освобождает человека от самых крепких оков — от подчинения чужим мыслям, от рабства. Но заметьте, что я снова и снова повторяю «сознание». Сознание, но не разум освобождает человека, потому что разум подобен парусу в стихии страстей. Умозаключения, все до единого построенные на логике штампов, влекут людей по волнам под парусом одной из теорий, которую кто-то вдруг извлёк из древности и слегка подкрасил под современность. Идея — вирус, бактерия сумасшествия. Люди, к сожалению, обманываются, считая себя вполне самостоятельными в рассуждениях. Всегда есть кто-то более ловкий.

В гушу человеческой толпы забрасывается приманка на крючке, и толпа заглатывает её, всегда уверенная, что поступает осознанно, в то время как её просто захватывает мощный психологический наркотик — мысль...

ДБ стоял перед дворником, сосредоточенно размахивающим метлой и дудочкой, и молчал.

.....

Ростов-на-Дону

Ростов встретил ДБ сумрачной зимней погодой, но Лена сияла, и это делало атмосферу куда более тёплой и светлой.

— Ты знаешь, я так соскучилась, — проворковала она, тычась ему под мышку.

— Леночка, скажи мне прежде, что ты делаешь в этом городе?

— После, об этом как-нибудь после. Сейчас мы поедem ко мне.

— К тебе? Разве у тебя тут есть дом?

— Вроде того, — улыбнулась она, показывая свои очаровательные зубы. — Родственники попросили приехать, а у них случилась неприятность, и я осталась одна во всём доме.

— Вот это подарок влюблённым! — ДБ хлопнул в ладоши. — Едем прямо туда?

— Почти прямо. Сначала я заеду к подруге, затем домой.

Такси, в котором они ехали, остановилось на неширокой улочке, запорошенной снегом. Елена легко вынырнула из машины, что-то шепнув водителю, и скрылась в темноте.

— Я разомну ноги, не возражаете? — в свою очередь обратился ДБ к таксисту. — Что-то я засиделся в самолёте.

Водитель равнодушно пожал плечами.

Вечер гудел снегом и ветром. По промёрзшему асфальту струилась позёмка. ДБ прошёл шагов двадцать, притопывая, и повернулся, чтобы возвратиться к машине. Тут он увидел вывеску на противоположной стороне улицы. Вывеска гласила, что в доме располагалось главное управление Организма города. ДБ вздрогнул и поспешил сесть в машину. В следующую секунду хлопнула другая дверца, и в такси нырнула Елена Прекрасная.

— Почему мы остановились здесь? — ДБ наклонился к ней и кивнул на привлёкшую его внимание вывеску. — Ты сюда бегала?

— О чём ты говоришь, милый? Я зашла к подруге в институт.

— Какой институт?

— Педагогический. Он с этим Организмом бок о бок стоит. А что, собственно тебя беспокоит?

— Ничто, — ДБ небрежно пожал плечами, — просто я удивился, что ты могла зайти в Организм.

Елена придвинулась к нему и прошептала в лицо:

— Ты должен мне верить! Я не знаю, что тебя беспокоит и где ты

работаешь, но если ты не будешь верить мне, то кому ты будешь верить? Мы ведь любим друг друга?

— Доверие — ответственная ноша, — медленно проговорил он, держа её за руку. — Есть вещи, за которые нельзя искупить вину.

Она опустила глаза на мгновение, затем подняла их к нему:

— Поехали? Нас ждёт пустой дом.

Дом на самом деле оказался безлюдным. Большой, старинный, слегка покосившийся особняк звучал эхом их шагов и тиканьем маятника в одной из комнат.

— Мне чудится, что здесь бродят призраки, — сказал ДБ, — я слышу таинственные звуки.

— Таинственные?

— Необъяснимые. Пошаркивания какие-то. Покашливания. Я слышу.

— Брось. Ничего такого тут нет. Ты просто утомился с дороги. Есть хочешь?

— Нет.

— Тогда сразу в постель.

Он не ответил, но сердце его задрожало от волнения. Он жаждал соприкосновения с Еленой всем телом.

...Они легли в постель.

— Ты меня любишь? — спросила вдруг она.

— Мне не нужен никто, кроме тебя. Мне вообще ничто не нужно — только ты, Елена моя прекрасная.

Она прижалась к нему грудью и опустила руки вниз.

— Возьми меня, — её ноги разошлись, и ДБ ощутил нестерпимый жар, исходивший из того места, которое скрывали женские ноги.

— Ты как настоящий демон, — прошептал он, — вместилище огня.

Он навалился на неё, но в ту же секунду за окном отчаянно залаяла собака. Грозная тень с наострившимися ушами ударилась в окно. Лай был настолько громким и устрашающим, что ДБ застыл в испуганном недоумении.

— Что это за псина?

— Это собака родственников.

— А какого рожна она лает? Взбесилась, что ли?

Собачья тень заполонила всё окно и внезапно приняла очертания человека, закутанного в меховой плащ. На голове человека лежала собачья морда, отчётливо выделялись крупные клыки. Фигура протянула руки вверх, запрокинула голову и завывала.

— Не смотри на эту псину, пусть себе лает, — прошептала Лена, целиком отдаваясь влечению своего горячего тела, и привлекла голову ДБ к своей груди.

Он молча повиновался, но чувствовал, что былой запал исчез. Искоса он поглядел на окно. Собака продолжала скалиться, тычась мокрым носом в стекло. Её глаза напоминали разнокалиберные объективы фотоаппаратов, один — широкоугольный, второй — длиннофокусный.

— Это вовсе не собака, — прошептал ДБ.

— Не смотри в ту сторону, милый. Не смотри! — Лена притянула его голову к своей груди.

— Может быть, ещё разок?

— А ты не устала?

— Если хочется, то это хуже, чем болит, — сказала она. — Хочу тебя постоянно, милый.

Полёты во сне

Он летает, легко, легче птиц... Вспомнить разные сны, соединить их в одно целое.

Уклоняется от погони, поднимаясь в небо. Небо — не символ ли Бога в моих снах?

Летает за какими-то авоськами по просьбе женщин. Не ужасно ли — использовать дар полёта для таких мелочных целей?

.....

В один прекрасный день Елена Прекрасная признаётся, что она — кадровый сотрудник Организма. ДБ с трудом принимает эту информацию. Он считает, что Лена обманула его. Но любовь есть любовь. Кроме того, теперь ДБ может говорить с Леной откровеннее, как и она с ним.

Лена не выдержала:

— Как ты не понимаешь! Система раздавит каждого, кто сопротивляется ей.

— Значит, я прав: система жестока, кровожадна, — грустно сказал ДБ.

— Она не жестока! Система не может быть жестокой или доброй, ДБ. Она просто система. Она бездушна. Она работает механически.

— Тогда какое ей дело до меня? Какое ей дело до тех, кто хочет жить вне системы?

— Никакой организм не может допустить, чтобы его клетки жили сами по себе. Самостоятельность клеток грозит онкологией, поэтому Организм давит такие клетки.

— Вот видишь, значит, Организм не равнодушен.

— Он борется за своё существование.

— А я борюсь за мою жизнь, Лена. Моя жизнь вовсе не сводится к тому, чтобы только есть и пить. Я имею и другие потребности и не желаю быть частью бездушной системы... Знаешь, я никогда не отличался храбростью, всегда был немного трусоват. Но сейчас понимаю, что лучше принять смерть, чем жить в постоянном страхе перед чем-то и под постоянным давлением Организма. Человек

рождён для счастья.

— Кто мешает тебе быть счастливым? Мы будем счастливы вместе. Разве ты не хочешь этого? — она схватила его за руку и прижала к своей груди.

— У нас не получится. Ты согласна жить в оковах, а я должен двигаться свободно.

— Это лишь точка зрения, ДБ. Человек может чувствовать себя свободным в любых обстоятельствах.

— У меня примитивные мозги, Леночка, — ДБ уныло покачал головой. — Я не способен поверить, что нарисованные на тюремной стене горы или берег океана могут заменить настоящие горы и настоящий океан. Я не готов жить в строгих рамках какой бы то ни было системы. Я чувствую себя индейцем, которого загнали в резервацию.

— Опять ты со своими индейцами! Хватит этого ребячества, ДБ!

— Вот видишь... Тебе не нравится... Мы по разные стороны...

— Но я люблю тебя!

— И я люблю тебя, Прекрасная. Но мы разные и по разные стороны.

— Перестань! Нет никаких разных сторон, милый! Мы с тобой живём в одном мире. Ничто не мешает нам быть счастливыми, кроме твоего мальчишества! Пора стать серьёзным!

— Ты так торопишься отправить меня на кладбище?

— Почему ты так говоришь?

— Потому что Организм убивает меня!

— Но ты же сам пришёл. Тебя никто не принуждал. Ты хотел быть одним из нас.

— Я заблуждался. Людям свойственно заблуждаться. Это тоже часть свободы: заблуждаться, осознавать это и исправлять ошибку. А ты пытаешься вынудить меня идти по ошибочной дороге. Есть люди-винтики, им хорошо, когда они выполняют приказы. А есть другие люди, которые не переносят, когда на них давит шуруповёртка. Я как раз из этих, из последних, Леночка. Неужели ты не поняла этого? Ты же не пустышка, ты всё понимаешь.

— Я также понимаю, что у каждого из нас есть долг перед государством, — сухо возразила она. — И у тебя тоже есть долг.

— Нет! Не желаю слышать ничего о государстве! Хватит! Из века в век людей заставляют вкалывать на этого бездушного и прожорливого монстра. Мы только и делаем, что укрепляем его, а этот монстр только давит нас.

....

....

— Хватит, Лена... Милая моя, любимая Елена Прекрасная... Зачем ты пытаешься переубедить меня? Это бесполезно. Я принял решение...

— Уйдёшь?

— Да, уйду из Организма.

— Не горячись.

— Я спокоен как никогда.

— Это может плохо кончиться...

— Будет плохо, если я останусь, Леночка. Я просто высохну, истлею на этой службе. Зачем Организму такой никчёмный сотрудник?

— Ты имеешь допуск к секретной информации...

— Брось ты... — ДБ отмахнулся.

— Послушай, мне поручено официально уведомить тебя...

ДБ изменился в лице, он не смог скрыть удивления во взгляде.

— Тебе поручили?

— Да, — она кивнула, — мне поручили предупредить тебя, что из Организма никто не уходит просто так... Отпускают только на пенсию или по состоянию здоровья...

— Так ты... Угрожаешь? Боже мой! Леночка Прекрасная... И ты ещё смеешь говорить о любви! Что происходит в этом чёртовом мире? Ты говоришь мне о любви, а завтра утром будешь составлять отчёт о нашей беседе... Силы небесные!

— Прекрати!

— Не смей приказывать мне! Всё кончено! Меж нами нет больше ничего!

— Тебя убьют, если ты решишь уйти. Тебе не позволят!

— Зато я умру свободным...

— Какой же ты глупец... Хуже всего в этом, что ты наивный глупец. О какой свободе ты говоришь? Ты бредишь...

— Интересно, не тебе ли прикажут пустить мне пулю в затылок?

— Дурачок, не обязательно стрелять, чтобы убить человека. Есть тысячи невинных способов.

— Невинных способов убить? Это что-то новенькое, — захохотал ДБ, откинувшись к стене.

— Потихе, милый, не так громко, — попросила Лена, наклонившись к нему. — Какой же ты всё-таки ребёнок.

Она коснулась губами его щеки. Он замолчал.

— Значит, решено? — спросил ДБ тихо. — Убьют?

— Если надумаешь уйти...

— Уже надумал...

В её глазах задрожали слёзы.

— Но это глупо! Какой же ты глупый упрямец! Что ты докажешь и кому? Никто не узнает о тебе. Тебя просто не станет.

— Мы не для того живём, чтобы о нас кто-то узнал, — отозвался он. — Мы живём, чтобы из наших жизней складывалась мировая душа. И я буду рад, если мне удастся вплести хотя бы тонюсенькую ниточку честности и свободолюбия в эту необъятную картину.

— Как это глупо, ДеБешка. Как печально.

С минуту она сидела, припав своим красивым лбом к его голове, затем ещё минуту целовала его, запустив пальцы в его густые волосы.

— ДеБешка, дураляшка... Неужели всё так и кончится?

Он мягко отстранился от Лены.

— Тебе пора... Мне надо... побыть одному...

— Ты хочешь быть похожим на своего выдуманного Ташунке Уитко?

— Он не выдумка. Он живёт во мне. Он знал, что его убьют в форте Робинсон, но он поехал туда. Он ехал навстречу своей смерти.

— Ты тоже так хочешь?

— Не хочу.

— Лучше бы ты совершил подвиг, который сделает твою жизнь и жизнь твоей страны красивой... Не ломай ничего. Скоро тебе поручат важное задание...

ДБ утомлённо провёл рукой по своему лицу. Лоб был покрыт испариной. Комната едва слышно звучала мерным тиканьем часов. ДБ посмотрел в зеркало и увидел своё белое, словно покрытое мелом лицо. Кисть согнутой руки, которой он только что отёр свой лоб, качнулась, раздался хруст, и кисть отвалилась. Она ударилась о поверхность стола и раскололась гипсовыми кусочками. ДБ застыл, боясь шелохнуться. Он не испытывал страха, не чувствовал боли — только недоумение.

.....

.....

— Очень рада вашему визиту, дорогой ДБ. Прошу вас не спешить и выкушать со мной кофе.

— Я бы рад был, Анна Саврасовна, но вчера у друзей моих я изволил выкушать так много разного, что нынче мой желудок не в состоянии принять ни одного глотка какой-либо жидкости, ни

капли.

— Как жаль! Не поверите, как мне жаль!

— Не поверю...

— Чему, простите?

— Не поверю, Анна Саврасовна, что есть ещё хоть одна женщина, столь обременённая материнской заботой о других.

— О, вы мне льстите, ДБ. Вы такой льстец, — она погрозила ему пальчиком.

— Как можно! Какая лесть? Сушая правда!

.....

.....

— К вам можно? — заглянул кривоносый.

— Кто там? Войдите.

Получив разрешение, кривоносый распахнул дверь, крутанул рукой, приглашая кого-то щедрым хозяйским жестом. Вошло несколько. Первый был особенно высок и нёс на себе печать неповторимой опрятности. Трое других кутались в таинственно побелевшие от частых стирок строительные куртки с капюшонами. Морда кривоносого разъехалась в приветственной улыбке.

— Нам бы технику установить, дражайший ДБ.

— Какую такую технику?

— Для прослушивания и проглядывания, если не возражаете. Разрешение мы получили, можете взглянуть на документик...

— Не нужно документиков, я всё понимаю. — ДБ поднялся, нахмурившись. — Да, я всё понимаю... Вы тут... работайте, товарищи, а я пройдусь пока...

Он вышел на улицу.

«Вот я иду и разрезаю телом воздух. Ему больно. Но он терпит. А я не хочу терпеть! Не желаю!»

Он миновал пивной бар. Возле верей стояли двое с небритыми и помятыми физиономиями. Один из них говорил:

— Вот почему-то всё время хочется быть хорошим, а на деле выходит всё как-то наоборот: всё больше похож на сволочь. И уж самое главное, самое плохое в этом то, что сам прекрасно вижу это. Готов даже не быть сволочью, но ведь такой уж я есть. И если вдруг перестану быть сволочью, то есть собой, то перестану быть вообще. И я всё ещё пытаюсь рассуждать! Не насмешка ли это над разумом моим?

ДБ остановился, прислушиваясь к монологу гражданина с помятым лицом.

— Почему люди спрашивают о смысле жизни? Откроешь

настоящую книгу, а там непременно вопрос о смысле жизни. И никто не даёт ответа. Но почему никто не спрашивает о смысле дерева? Или о смысле неба и плывущих облаков?

— Да, — крикнул второй мужичок в ответ.

— Не покидает меня ощущение, что чего-то главного я не понимаю. Но ведь понимаю это! Понимаю, что не понимаю. Значит, всё-таки понимаю. И при этом остаётся непонимание. И чем больше понимаю, тем понимаю меньше.

.....

.....

...

— Смотреть изволите?

— Изволю. А вы?

— А я не изволю.

Оба отвернулись от окошка, в котором виднелась полуобнажённая девица. Некоторое время они молчали, затем усатый заговорил.

— Милейший, а вам не кажется, что девушка не просто так показывает себя в окне? Заметили, как она пальцами постукивает себя по лбу?

— Не обратил внимания, — ДБ повесил на своё лицо маску непроницаемости.

— Она выстукивает азбуку Морзе.

— Я не знаком с этой азбукой.

— Ягодицами она тоже выстукивает что-то. Наверное, дублирует сигнал. Вам не кажется?

— Мне кажется, что у неё прекрасные ягодицы. И очень подвижные. Приковывают взгляд, — ДБ глубоко вздохнул.

— Нам с вами повезло: такое зрелище!

— Слава богу, — ДБ опять вздохнул, но теперь с очевидным облегчением.

Усатый протянул руку для пожатия.

— Рад встрече. Какой болван сочиняет эти idiotские пароли! Целую пьесу разыгрываем.

— Да уж, — улыбнулся ДБ.

— Прошвырнёмся на всякий случай? Проверимся? А то мне не нравится вон тот подозрительный тип.

— Пожалуй.

Подозрительный тип, искоса поглядывавший на них, пошёл было

следом, но остановился у окна, в котором продолжала красоваться девица, обнажившаяся теперь полностью. Подозрительный тип застыл, прищипленный к тротуару магией бесстыдной женской красоты.

— Вот мы и оторвались, — засмеялся усатый, затем сразу сделался крайне серьёзным. — Предполагалось, что я передам вам документы, которые мне удалось украсть в генеральном штабе НАТО. Однако я потерял их. Стыдно признаваться, но в нашем деле случаются и проколы. Мы вчера крепко выпили в компании, никто ничего не помнит. При мне был портфель с документами. Теперь портфеля нет. Я хочу выпить с вами, мой друг. Выпить так, чтобы забыть о моём непростительном проступке, о моём, будем называть вещи своими именами, провале...

.....

.....

Глянешь вокруг — ночь, огни города, окошки светятся, люди на кухне ужин греют и жизнь разговаривают. А помнишь ли ты, читатель, как было у Набокова: «Что за ночь случилась с памятью моей?» А помнишь ли ты, как было у тебя?

.....

— Стыдно быть частью *этого*. Надо бы гордиться, а мне стыдно.

— О чём вы, товарищ? — спросил заинтересованно сидевший в соседнем кресле мужчина.

— Я разве что-то сказал? — удивился ДБ и огляделся.

Он сидел в кинозале, неторопливо заполнявшемся публикой. ДБ любил кино, любил ходить в кинотеатры, где можно было, находясь в наполненном зале, оставаться наедине с тем, что происходило на экране. Он любил вкус угасающего света (именно вкус, ибо состояние, в которое ДБ погружался, всем своим существом ожидая начало фильма, зарождалось где-то во рту — предвкушение), любил вкус нарастающего волнения публики...

Стыдно... Наверное, ДБ думал об Организме в ту минуты и отвлёкся от самого любимого своего состояния. Он пробормотал что-то невнятное, откашлялся, смутился, хотел пересест на свободное место, но вспомнил, что этого делать нельзя, потому что он не ради удовольствия пришёл в кинотеатр, а по служебным обязанностям.

ДБ едва заметно подался вперёд, приблизившись к сидевшей перед ним парой. Мужчина и женщина. Оба элегантные и беззаботные. Оба

купались в любовной ауре своих чувств. ДБ наблюдал за ними уже полчаса. Мужчину ему «передали» перед входом в кинотеатр. Организм никем не интересовался без причины, для установления плотного наблюдения за человеком требовались веские основания, но ДБ ничего не знал о том мужчине. Выяснить, о чём вела речь та пара — вот в чём заключалось задание. Выяснить и доложить. И если хоть слово, хоть полсловечка покажется Организму подозрительным, то мужчине тому несдобровать.

ДБ чувствовал себя гадко. Кем был тот человек? Обыкновенный, нормальный, приятный. Чем он опасен и чем он полезен? Зачем он Организму? ДБ смотрел на женщину, положившую голову на плечо своему спутнику. Тот погладил её по волосам, и движение его руки было наполнено такой великой нежностью, что никакие доводы не заставили бы ДБ поверить в то, что этот человек представляет угрозу для кого-либо.

Смять самые чистые чувства этих двух людей? Разрушить их счастье? Но как можно?

ДБ заёрзал, кресло заскрипело.

Свет в зале начал гаснуть.

.....

Далее события разворачиваются следующим образом.

ДБ участвует в сложной многоходовой шпионской комбинации и добывает неоспоримую информацию о том, что Булочкин и Елена Прекрасная — агенты, работающие на иностранную разведку. Его повергает в шок сообщение о том, что она была подослана к нему Булочкиным специально. Он был объектом её разработки, а вовсе не любимым человеком. Но каков её артистический талант! ДБ ни разу не заподозрил её ни в чём. Цель вербовки ДБ и привлечения его к работе Организма состояла в том, что он не был пригоден для Службы и наверняка провалил бы любое задание. Булочкин и Елена Прекрасная вербовали людей заведомо непригодных к работе в Организме. Так они разваливали Организм по указанию своих заграничных хозяев...

ДБ осознаёт всю серьёзность ситуации и решает просто уйти из Организма.

Он полупьяно шагал по пустынной улице. Медленно поворачивал головой, купаясь в снежном ветре, и испытывал неведомое раньше

наслаждение от того, что руки горели и ныли от мороза. Ему нравилось, что ледяной ветер шарил под распахнутым воротником.

Что за глупая радость? Неужели чувство свободы способно сделать из человека полудурка, которого приводит в восторг холод и снег?

Он остановился и, качнувшись, бросил себя лицом в сугроб...

Похождения Булочкина

Валерий Изюмович Булочкин состоял на службе в трудолюбивом Организме добрых двадцать лет и поднялся, согласно устоявшимся взглядам сослуживцев, на заслуженную ступень соответствующего отдела. Дабы не раскрывать никаких тайн, я скажу общими словами: Организм был полон всякими отделами и подотделами, управлениями и главными управлениями. Все занимались строго указанным делом, не имея представления о том, чем занимались коллеги за соседней стеной. И это было вполне обосновано Общей Тайной. Провал одного приводил к провалу сотни других. Поэтому все и скрывали всё друг от друга, даже наименования блюд, которые приходилось брать на обед в общественной столовой. И всё же сотрудники тёрлись друг о друга плечами, чтобы почувствовать товарищескую надёжность, и разбавляли деловые беседы цветистыми анекдотами про неверных жён и сгоревших на службе коллег. Настоящий муравейник. Но без этого в мире суетливых людей было нельзя. Толкотня, ноги на ноги, локти под рёбра, из распахнутых глаз целеустремлённость вываливалась, как паста из тюбика. Люди спешили, оседлав время. Мчались каждый в свою контору сквозь запруженные коридоры, сосредоточив мысли на служебном кресле с натруженными до дыр подлокотниками. Мчался и Булочкин в служебном автобусе, направляясь в огромное строение под вывеской «Научный центр глубоких исследований».

В начале своего существования это учреждение таилось в зелёном бору за Московской Окружной Дорогой, прилагая все усилия, чтобы никто о нём ничего не узнал, но время брало своё, и вскоре враждебные службы пронюхали о местонахождении сердца Организма. Все сразу прекратили таиться. Здание без стеснения засверкало огнями, заискрилось электрическими разрядами, ошетинилось стеной серебристых антенн. Да, канули в прошлое времена настоящих тайн...

Булочкин с грустью посмотрел за окно автобуса, где люди в строгой милицейской форме перегораживали дорогу обычным машинам и пропускали колонну секретных автобусов.

— Ну и ладно, — вздохнул Валерий Изюмович Булочкин, ощупывая в кармане красненькую обложку удостоверения и пистолет. Булочкин чувствовал себя вполне удовлетворённым. Никто из его кандидатов не был отвергнут мандатной комиссией, и это означало ещё несколько

положительных галочек на его счёту.

У дверей кабинета Булочкина толпились в нетерпеливом ожидании пиджаки и галстуки с торчащими из них напряжёнными лицами. Он не был большим начальником, но и маленький начальник тоже начальствовал. Булочкин заправлял «молодняком».

— Доброго здравия.

— Утречко ясное какое, Валерий Изюмович.

— Как спалось?

— Не подпишите ли мне вот тут в уголке?

— Рады вас видеть, Валерий Изюмович, приветствуем...

Почтительно разгребая бежевым рукавом вьющихся подчинённых, Булочкин светло и радостно улыбался им и кивал головой. Он был добрым человеком, отзывчивым, но крайне уважал порядок и потому никогда не позволял себе заниматься в прихожей или коридорах рассмотрением бумажных дел. На то и кабинет ему выделен, чтобы со всей серьёзностью принимать по всяким возникающим вопросам.

— Кто первым будет? — обратился он запросто к выстроившейся цепочке посетителей и тут увидел в углу прихожей женщину лет сорока с небольшим. Её, судя по всему, с самого начала оттеснили плечистые активные сотрудники, и теперь она стояла одна, переполненная печальным состоянием души, чуть ли не готовая разрыдаться, а то и вовсе лишиться чувств.

— Лапита Катасоновна? — поразился Булочкин.

Объясню: Валерий Изюмович питал к указанной особе очень глубокие влечения, которые невозможно обозвать одним словом. Во-первых, он испытывал к ней любовь, дружбу и ещё одно чувство, очень похожее на непреодолимое желание хронического алкоголика просунуть язык в горлышко бутылки и слизнуть ту последнюю капельку вина, которая никак не желает вытекать наружу. Во-вторых, Лапита Катасоновна была секретарём его непосредственного начальника, и этим определяла по отношению к себе ещё целый букет чувств, в числе которых был и искренний научно-исследовательский интерес к своему продвижению по службе. Так могли всегда героически-настроенный Булочкин оставить предмет своего обожания без внимания?

— Лапита Катасоновна, — он галантно наклонился головой вперёд и сделал пригласительный жест рукой. Затем улыбнулся остальным. — Господа офицеры, разве вы не джентльмены? — закружил он около вошедшей. — Чем могу служить вам, обаятельнейшая Лапита Катасоновна?

— Я, Валерий Изюмович, женщина тонкая, — заговорила она, едва за ней закрылась дверь. — Со мной надо осторожно, как с религией. А то не всё получится.

— Что такое? — забеспокоился Булочкин, не забывая тем временем наслаждаться звуками её голоса, словно внимал исполнению старинной пьесы.

— Я бы, конечно, могла к самому Виктору Степановичу, но решила всё-таки к вам... Дело в том... Вопрос деликатный... Меня оскорбили...

— Как?! — он даже подпрыгнул. Пьеса оборвалась, и он увидел, как прекрасные женские глаза выпустили несколько слезинок, в коих плавала неподдельная тоска.

— Фамилия? — коротко поинтересовался он.

— Овидьева.

— Не ваша. Ответчика фамилия?

Лапита Катасоновна негромко, чтобы не услышали за дверью, назвала фамилию обидчика, но тут же взмолилась, чтобы Булочкин не вызывал его на ковёр военного трибунала, так как её хрустальная натура вовсе не требовала кровавой мести. Но попросила она направить провинившегося к ней лично.

— Он ведь должен понимать, что мне только-то и нужно получить от него сатисфакцию. И не надо никаких столбов позора...

Валерий Изюмович смягчил суровый взгляд и кивнул в знак согласия. Хорошо, пускай она сама сначала востребует с негодая, раз душа её не хочет скандала, а уж он при необходимости надавит... Ах, где Амур набрал столько стрел, что истыкал сплошь сердце Булочкина и сделал его похожим на дикобраза, истекающего любовным соком? О, эта женщина! Ради неё Булочкин был готов на всё.

— Ступайте, Лапита Катасоновна. Я сию же минуту позвоню этому хаму Евсею и направлю его к вам. Через часок лично загляну к вам и проверю. Не извольте волноваться.

Она вздохнула облегчённо и покинула кабинет. Валерий Изюмович остался один и принялся мысленно целовать её глаза, в которых видел отражения ламп дневного освещения и девичью чистоту. Но тут он вздрогнул и вспомнил о службе.

Оставим же Булочкина в жаровне деловой обстановки и проследим за шагающей по коридору ангельской фигурой Лапиты.

Существо это двигалось легко и элегантно, ловко переноса с ноги на ногу вес шикарного тела с пышным бюстом и почти мальчишескими упругими бёдрами. Посеребрённые искусственной сединой волосы были скромно заколоты на затылке шпильками.

Тёмно-синее платье, сшитое достаточно просторно, чтобы скрывать под складками непомерные объёмы груди, водоворотом плескалось вокруг гладких коленок.

Её кабинетик, обшитый тёмным деревом и заставленный десятком телефонных аппаратов, примыкал к широкой двери, которая вела в апартаменты начальника отдела. У входа в её владения стоял хрупкий человек с девственной добропорядочностью на лице и неумело скрытым страхом перед женщинами.

— Валерий Изюмович к вам зачем-то направил, — прошептал он, напрягаясь животом, как для отражения сильного удара. — Может, я не понял? Может, я не понял чего, может, не к вам, а к самому Виктору Степановичу?

— Виктора Степановича не будет до обеда. Это по моей настоятельной просьбе, товарищ Евсей, вас сюда прислали. Заходите ко мне, — она пропустила его вперёд и защёлкнула за собой дверь. В глазах её вспыхнули два средневековых факела. Где-то в зрачках, в самых их глубинах настороженный Евсей углядел длинные ходы инквизиторского подземелья.

— Ну? — вырвался из горла Овидьевой густой вздох.

— ?

— Я требую сатисфакции, — произнесла она и чувственно притронулась к нему руками. — I want you madly, I am dying for you, my love. Let me give you myself, so you could suck me to death. You would not mind, I hope, if I give you my sacred body... I need satis-fuk-tion... fuck-tion...

— Что такое? Вы бы иностранными языками-то не очень тут разбрасывались. Это может вызвать кривотолки, — он усиленно забарахтался, видя у самого лица бушующее море её глаз.

— Вы меня зажгли, коварный.

— Я вас не понимаю, Лапита Катасоновна! Вы сложно выражаетесь... Я отказываюсь понимать вас в конце концов, — он начал утопать в её объятиях и забился сильнее. Она сочно проглотила пухлыми губами половину его лица и продолжала свою жестокую ласку до тех пор, пока Евсей не испытал сильную нехватку кислорода. Он принялся барабанить в пышную белизну внезапно обнажившихся груди Лапиты Катасоновны Овидьевой.

— Ах, вы такой нетерпеливый. Я не успела ещё насладиться ароматом ваших уст, а вы уже в атаку кидаетесь. Не так сразу, мой герой, — она отбросилась на узенький диванчик для посетителей, не выпуская из объятий мужчину, и молочного цвета полушария

с торчащими сосочками сделали несколько мистических колыханий, явно гипнотизируя.

Евсей Кузмич Писарев, ибо таково было его полное имя, в течение нескольких долгих мгновений хлопал глазами, и взгляд его робко ощупывал поверхность трепещущего бюста, угадывая под чувственной тонкой кожей угрожающую стихию любви. Затем он вздрогнул, уловив внезапный толчок страха в самое сердце. Под потолком светился сальным взглядом глазок телекамеры.

— Я не понимаю вас, Лапита Катасоновна. Это провокация! Чего вам надобно от меня? Я думал, что вы по официальному делу, — задышался он.

— Не я, дорогой мой, а начальство. Начальство направило вас для совершения сатисфакции.

— Какой такой сатисфакции? — он смахнул выступившую на лбу испарину и почему-то вспомнил светлое своё детство и пионерский галстук.

— Вы вчера столкнулись со мной в коридоре, — заговорила строгим голосом Овидьева, — и вызвались помочь мне бумаги донести, у меня целая кипа была в руках...

— А вы отказались, Лап...

— Да, я отказалась, Евсей Кузмич. Нельзя же вот так у всех прямо на глазах начинать разговор... У меня, между прочим, бумаги секретные... Глаза вокруг... Я понимаю, у вас рыцарское сердце, страсть... Но ведь люди... Вы потянулись к бумагам... О нас могли подумать чёрт что...

— Помилуйте, Лапита Катасоновна, ежели б я знал, что вас это оскорбит, — Евсей Кузмич pokrылся густым девичьим румянцем.

— Не в том дело. Но вы коснулись моей руки... Обстановка напряжённая, а я натура легковоспламеняющаяся. Мне табличку «Огнеопасно» носить на груди надо. Что делать, природа... И все видели, что вы меня оставили воспламенённую. Все видели, что вы бросили меня в состоянии телесно беспокойном. И теперь я требую... Даже не я, а природа моя требует. Если бы я сама, так я бы и не унижалась, господин Писарев.

— Но позвольте!

— Позволяю. Позволяю, а вы всё упрямитесь. Кокет какой! Я же вам не только разрешаю, а настаиваю! — она ловко ухватила его за уши и притянула к себе. Он громко завизжал и ящерицей изловчился выскользнуть на свободу.

Когда он вылетел в коридор, от него валил пар, как

от свежескипячённого белья. Проходившая мимо тоненькая девочка-секретарша с радиотелефоном в руке испуганно шархнула к противоположной стене. Возле дверей лифта два чёрных костюма в затемнённых очках от неожиданности выхватили пистолеты, но тут же спрятали оружие.

— Что с вами, Евсей Кузмич? Вам не дурно ли? — заволновалась тоненькая и принялась набирать какой-то номер.

— Видите ли, дорогая девушка, — Евсей Кузмич Писарев покачался и ухватился за стену, — мечтательная жизнь кончена. Начинается пора зрелости с тяжкими уроками и опытами. Да, с тяжкими уроками.

— О чём вы? — девушка снова потыкала пальцем в телефонную трубку, и оттуда вылезло чьё-то розовое ухо.

— Я нынче слаб, дитя моё. В руках моих нет сил, чтоб достоинство собственное поддержать, — он смешался, замолчал, не устоял на ногах и упал.

Не знаю, что он делал дальше, но по Организму ходили слухи, что у него был сильный шок, в результате которого он попал в палату для нервноослабленных. Не знаю. Не хочу врать.

Но мне доподлинно известно, что Лапита Катасоновна находилась в ужасном состоянии духа и тела. Появившийся в её кабинете через час, как и обещался, пунктуальный Булочкин пришёл в негодование, узнав, что его подчинённый отказался удовлетворить требования Овидьевой.

— Вот уж я его к ногтю, сотрудника такого! Докладную немедленно! К эфиопам его зашлю, пусть бушменов вербует, подлец такой! А то привык, понимаешь, по Парижу щеголять, красавец.

— Не сможет он к бушменам, его уже в медицинский корпус забрали. Как же мне быть теперь? — рыдала Лапита. — Ведь никто другой не может. Огонь должен затушить раздувший его. Такова моя природа.

— О чём вы, милейшая Лапита Катасоновна? — не выдержал Булочкин. — Какой огонь? У нас с огнём шутки плохи.

— Огонь тела, который жжёт плуе огня душевного. И затушить его способен лишь раздувший это пламя. Но злостный поджигатель коварно отказался от меня, — она подхватила синий подол платья и принялась утирать бегущие слёзы. — Помогите мне.

И она кратко объяснила ему суть запутанного любовного дела. Валерий Изюмович пошевелил усами и по-военному пожал руку очаровательной женщины. Ощувив через это прикосновение весь аромат её сочного возраста, Булочкин заявил, что ему необходимо

удалиться на время к себе в кабинет для обдумывания некоторых деталей возникшей проблемы.

Шагая по коридорам, он пытался разобраться в обуявших его чувствах, разоблачить собственные глубины и открыть для себя всю скрытую бездну ума. Среди прочих дум он заметил одну весьма черноглазую и опалённую жарким солнцем Сицилии. И эта мысль его весьма насторожила.

Дело в том, что честный офицер Булочкин в дни своего поступления на службу скрыл от начальства свои далёкие сицилийские корни. Это не пугало его раньше, но очень испугало теперь. Итальянская ревность закипела в сердце, пробиваясь наружу. Булочкин уже видел себя над окровавленным телом бедняги Писарева. Чувство ревности было столь велико, что могло запросто расстроить всю его карьеру.

Валерий Изюмович понимал также, что вся сложившаяся ситуация могла быть не просто случайным стечением обстоятельств, но хорошо продуманной провокацией, чтобы выявить его далёкие сицилийские корни и вытрусить его за это из Организма. Бросать службу он не хотел, значит, следовало повести себя совершенно неординарным образом и тем самым утвердить своё положение. Мысль была сложной и требовала сложного подхода.

— Я понял! Я скрою мою итальянскую ревность за маской русского великодушия, — воскликнул он и от неожиданности даже икнул. — Поразительно, как это мне сразу не пришла в голову такая простая и замечательная мысль...

Разволновавшийся Валерий Изюмович Булочкин расправил плечи и бросился по коридору обратно. Он слышал, как под пиджаком его хлопали стиснутые орлиные крылья.

Через несколько минут Лапита Катасоновна, ещё не пришедшая в себя от нанесённого ей морального ущерба, таращилась на строго сведённые брови Булочкина. Пару раз она шмыгнула носом, пока он сурово молчал, но затем притихла, и даже поэтическая буря, бушевавшая в её груди, рассеялась под гипнотическим взглядом Булочкина.

Он отечески приложился губами к её мраморному лбу и тут же подробно и чётко, как это принято в Организме, изложил суть вопроса, чем вызвал на щеках обожаемой Лапиты заметный румянец, а в глазах её заметил мечтательный томный блеск. Впрочем, он не позволил Овидьевой находиться в состоянии лирических блужданий долго.

— Прекратите мечтать! — вернул он женщину в реальность. Она

вздрыгнула и увидела, как из-под пиджака его вырвались два взбудораженных орлиных крыла, расправились, превратились в чёрный плащ летучей мыши и тут же растворились. Лицо Булочкина обрело деловитость и решимость. Осветив несколькими романтическими лучами тайные уголки любвеобильной души Лапиты, Булочкин умело расставил всё по своим местам и заключил:

— Я избавлю вас от мук и подарю вам радость, божественная моя.

— Но как? — несчастная женщина принялась заламывать аппетитные руки.

Лицо Булочкина осветилось изнутри радостной уверенностью.

— Я замещу вам вашего Евсея.

— Но как? Он ведь неповторим в своём девственном огне.

— Откуда вам это известно? Прислушайтесь к старшему по званию.

Я всё смогу...

Она кивнула в ответ и сглотнула слюну.

— Дивная моя Лапита...

Произнеся это раз десять, он почувствовал, что стали подкрадываться и другие слова. Тогда он спешно заверил женщину в своей страстной любви к Лапите лично, её душе и телу, предложил ей руку и любовный огонь, который назвал испепеляцией. Какая женщина могла устоять после этого?

— Ох, — пропела она и, переполненная глубокими переживаниями через край, обвила Булочкина жадными руками.

Последующие действия не представляли собой ничего особенного, тем более, что все они сокрылись бы от самого любопытного взора под ворохом сброшенной одежды. Лишь временами из-под вздымающихся складок материи вываливалась нервная женская нога, пытаясь сбросить прицепившийся хлястик бюстгалтера, и верхняя часть женского туловища порывисто выползала то и дело из-под одежд и руками тянула к себе голову Булочкина.

— Ох, — восхищённо покрикивала женщина и прятала лицо Валерия Изюмовича в колыхавшихся волнах своих пышных грудей.

Внезапно всё стихло. Громкое сопение растаяло. Булочкин переполз на ослабших руках к краю дивана и упал неподвижно, раскрасневшийся и счастливый. Рядом глубоко и ровно дышала любимая женщина с шикарным телом и таинственной необъятной душой.

В следующую минуту дверь кабинета распахнулась. Вошли суровые сослуживцы, не постеснявшиеся разрушить атмосферу чувственности и любви.

- Гражданин Булочкин, вы арестованы. Наденьте штаны.
- Как так?
- Вы обвиняетесь в государственной измене...

— Ты больше не хочешь меня! — воскликнула Лена.

— Я не могу хотеть того, чего нет. Тебя больше нет для меня, — сказал ДБ. — Ты всё испортила, Прекрасная, и ты прекрасно знаешь это. Ты прекрасна во всём, даже в своей подлости. Ты предала меня, ты предала Организм. Не удивлюсь, если узнаю, что ты предела и тех, ради кого предала Организм. Ты прекрасная предательница...

Лена медленно поднялась и оправила юбку. В руке она нервно сжимала маленький пистолет.

— Запрёшь дверь за мной? — спросила она.

— Зачем? Мне бояться нечего. Меня всегда пугала только неизвестность, а сейчас всё предельно ясно. Да и можно ли спрятаться за дверью, если на тебя надвигается Организм? Я не собираюсь прятаться, я открыт и даже сам выйду на открытое пространство... Вы все старались запугать меня, и я боялся поначалу, но теперь не боюсь. Помнишь, я рассказывал тебе, что Ташунке Уитко ехал в форт Робинсон и знал, что там его убьют. Он не знал лишь, как это случится... Я не стану прятаться и поеду в форт Робинсон. А что будешь делать ты? Удирать?

Лицо Лены сделалось серым. Она быстро повернулась и в два шага оказалась у двери.

— Какая гнусная жизнь, — услышал ДБ её сдавленный голос, когда она отпирала дверь.

Щёлкнул язычок замка. Квартира наполнилась тиканьем часов. Никогда не казалось ДБ, что часы звучат так громко. Наверное, у него внутри никогда не царила такая тишина.

Он долго сидел без движения за столом, а когда вернулся к действительности, за окном уже начинало светать. Он поднялся и вышел на балкон. Такой лёгкости и свежести он давненько не чувствовал. Казалось, внутри перешёл какой-то рубильник, включив неведомый усилитель всего, что нравилось. ДБ не сразу заметил, что его лицо сияло улыбкой, а когда обратил на это внимание, то попытался согнать улыбку, но она не уходила, изливаясь на него изнутри, из глубокого источника, помещённого в сердце. Он стоял на балконе, держась за перила, и смотрел в бледное небо, чуть тронутое розовыми красками рассвета.

ДБ закрыл глаза, но небо не исчезло. Оно необъяснимым образом расширилось, заполнило собой всё вокруг. Балкон исчез, ноздри учуяли запах увядающей полыни...

Он качнулся, когда конь под ним сделал шаг и фыркнул.

— Не нужно ехать туда, брат, — произнёс кто-то рядом. — Моё сердце чувствует неладное.

— Я знаю, что там будет, — ответил ДБ и понял, что его голос был чужим. Голос звучал не как обычно, но принадлежал ему. Более того, ДБ знал этот голос.

Он посмотрел вниз и увидел свои смуглые руки, засаленные рукава кожаной рубашки, гриву коня. Впереди неподвижно лежала прерия, очерченная на горизонте кромкой скал.

— Всё в руках Великой Тайны, брат мой, — ответил ДБ и подумал, что о таком удивительном сне он мог только мечтать. Справа от него сидел на худой рыжей лошадке усталый индеец с распущенными волосами. Позади стояла повозка, в которой лежала молодая женщина. Несколько индейцев в синих мундирах неподвижно сидели на конях и пристально смотрели на ДБ...

Нет, он не был ДБ.

Он был кто-то другой...

Необъяснимое... Страшное... Счастливое... Умопомрачительное состояние величия... Быть тем, о ком всегда думал... Смотреть на жизнь его глазами...

— Ташунке Уитко так и будет ждать здесь? — с вызовом спросил один из одетых в синий мундир. — Ташунке Уитко не может решиться? Он боится?

ДБ улыбнулся в ответ. Впрочем, то была не улыбка, а почти не приметное движение потрескавшихся губ. Он понимал, что скаут хотел оскорбить его, вызвать раздражение, гнев. Но внутри не осталось места для гнева. Внутри звучала лёгкая песнь свободы.

Впереди лежала жёлтая осенняя прерия, темневшая тут и там коричневыми пятнами полынных кустов. Любимая, милая сердцу картина. И горная гряда с голубоватыми снежными вершинами.

Он обернулся к повозке. Жена спала, измученная болезнью и переездом.

— Форт Робинсон совсем близко, — индеец справа не отрывал глаз от горизонта.

— Едем, — сказал ДБ.

Он тронул коня, мягко ударив пятками по его крутым бокам. Сзади загрохотала повозка, дружно затопали кони. Все напряжённо молчали.

Никто не знал, чем закончится встреча Ташунке Уитко с армейскими офицерами. Всех терзало беспокойство. Исход встречи был известен только тому, кто сочинил эту пьесу. Ташунке Уитко ехал умирать. Тропа его жизни заканчивалась в форте Робинсон. Он не боялся, но ему было горько от мысли, что его жизнь не пошла на пользу людям. Было горько от мысли, что ничего нельзя изменить, потому что всё шло так, как было предначертано Великой Тайной: рождение, война, предательство, разочарование, смерть...

Возле стихов

Окно юности (1986—1989)

Как мне запечатлеть ушедший день,
в котором я не оставил ничего?

В погоне за чем?
За собой ли?
Сомнительно...
Кто ты?
Зачем ты бежишь так стремительно?
Кто впереди тебя?
Тень твоя?
Что с того?
Ведь нельзя заглянуть ей в лицо!
Да и зачем?
Ты — не тень. Тень — не ты.
Когда ты умрёшь, тень останется с ним,
С телом твоим...
Им двоим
Место здесь на земле.
Ты ж прозрачно уйдёшь.

Я — дом.
И двери, коим нет числа, распахнуты во мне
для чувств и мыслей — гостей всегда желанных.
Я — слово.
И трепетанье воздуха от звука моего пронизывает сердце,
дробя его на тысячи прекрасных лепестков.
Я — шаг.
И поворот планеты под ногами отмечен
пройденным путём осознанных ошибок.
Я — грань.
И мною делятся на плоскости пространства времени,
в пересечениях образуя жизни человеческой черту.
Я — дух.
И лик не нарисован мой никем,
дыханием же моим окутан каждый.
Я двигаю других,

другие же передвигаются во мне.

Краска по холсту
потекла
ярко-красной
кровавой каплей,
будто кто-то ткнул в холст
ножом
и разрезал набросок идеи...

Любовь, увы,
так скоротечна.
А красота
бациллой старости
поражена.

Вода чёрным стеклом
над глубоким илистым дном
без движений висит,
облака отражая.
Неизвестности белое лико,
на череп похожее,
дрожит под пластами
тяжёлой воды,
пустыми глазницами тину глотая.
Грустное небо
сверху взирает
на призрачный череп —
останки печальной любви
из прошлого века.
Утопленник спит одиноко...

Холодной колкой синевой
темнеет утро,
глубокий снег в тенях сугробов...
Февраль заледенелый завис
так низко-низко

тяжёлым сонным небом,
и медленно течёт к весне
запорошённая у берегов река.

Вокруг так много дверей,
а я не знаю, в какую мне стукнуться головой.
Я вижу спутанные следы на талом снегу,
вижу чьи-то грязные пятки в кровавом сугробе.
Хватаюсь за сердце,
рука примерзает к нему.
лёд сковал всё вокруг.
даже слёзы — корка на лице.
А кажется, что мир тает вокруг...
И вот, хромой на две ноги,
проковылял ко мне кошмар,
запратав голову свою под капюшон...

Вижу следы на талом снегу,
хватаюсь за сердце,
рука примерзает к нему.
Всё застыло кругом.
Корка льда вместо слёз на лице.
И тут замечаю — ко мне ковыляет,
хромой на обе ноги,
кошмар босоногий.
Не видно ни зги в тени капюшона.
И слышится хруст снеговой.

Крадучись, входит памяти изнанка.

Пройду в половину времени
Мой терновый путь.
Пусть всё окончится побыстрее,
Зато не будет скучно.
Пусть
время останется другим —
тем, кто любит существование.

Мне же так много не нужно,
я живу своим временем,
в котором осталось моё прошлое.

Суэта на стене в часах.
Тик-так, тик-так...
Тишина.
Остановилась.
Насуетились сполна.
Вот и вся суэта.

И комната была пустая.
И я стоял совсем один.
Постель помятая, немая.
Мне кажется, я очень мним...
Я помню всё,
я вновь с тобою,
я вижу волосы твои...
и мышцы ног, и грудь...
И линия спины — такая плавная...
И дрожь в руках
и на губах моих.
Но комната моя пустая.
Я сильно пьян,
и в голове кружит.
Мечты о прошлом...
Сладость...
Нежность...
Уж всё ушло.
Остался только бред моих воспоминаний...
И многоточье моих слов...
Я не могу сказать, что без тебя мне больно...
Тебе я не могу о том сказать,
иначе будешь знать,
что целиком в твоих руках...
Дурак...
Я не скажу... стерплю...
И знаю, что не в твоих сейчас руках...
В руках вина,
но от тебя я тоже не свободен.

Ведь ты — вино...
Ты тот же хмель несёшь.

Не знали чувств высоких.
Не знали, что есть воздух чистый.
Поэтому дышали пылью
и развозили друг по другу слюни
при каждом поцелуе,
считая, что такой и должно быть любви.

Соберу в ладонь твои слёзы,
стану чашей доброты
и прибежищем боли белёсой,
и глазами слепыми любви.

И снова дождь сверкает звёздами в моих руках.

Жизнь растаскивали по крохам,
сначала робко, рукой прикрывая движение,
затем смелее,
а нынче совсем уж нагло
заталкивают куски в рот,
давились, но глотали, пуская длинные слюни.

Повернувшись спиной,
ты пойдёшь по аллее,
туман раздвигая руками.
В тихом утре
твои смолкнут внезапно шаги.
Я ж останусь стоять
серым облаком
едкой печали,
словно в мутном сне
из раскрытого рта извлекая
бессловесные чувства мои.

Время
разбрызгано
вином по столу.

По голой холодной улице,
где серые стены — в небо,
уныло влачился ветер,
пыльный мусор таща нелепо.
И небо провисло над крышами,
взирая слепыми тучами
на длинную чёрную крысу,
одинокую и вонючую.
А ветер змеился по улице,
клочки мусора прыгали следом.
Город спал сном железобетонным,
сном холодным,
сном самозабвенным.

И чёрный ворон захлопал крылами,
разгоняя пыль по земле.
И ножами война в кровь изрезала счастье,
беспечное мне развалив бытие.

Скрипучими колёсами
по узким улочкам
века укатились
в туманы истории...
Из тьмы лабиринтов,
заполненных крысами,
смолистое пламя факела вырвется,
вздуетя, скорчится,
пеплом рассыплется,
страшным гигантским грибом всё накроет...

Кто доведёт меня до пучеглазой ведьмы?
Кто укажет дорогу в страну королей?
Не надо утверждать, что это мои бредни.
И не кричите, что у мыслей нет теней.
Ещё вчера я жил в тех дивных сказках
и лишь из любопытства заглянул сюда.
Но ведьма та, сама иль по подсказке,
в один конец билет мне продала.
И вот я здесь увяз, как в илистой трясине.
Кричу: «Ау!», но тишина в ответ.
Толпы людей, по скрытой от меня причине,
проходят мимо, словно меня нет.
Куда же подевались ведьмы?

Я вижу, как свеча тихонько затухает.
Не потому что догорела вся,
а потому что её кто-то задувает.

Ах, как хочется быть красивым,
сильным,
благородным,
смелым,
порядочным.
Хочется уважать себя,
хочется иметь на это полное право...

О, как ты бесхитростна, дорога любви!

Корни слов пустить по бумаге...

И вот я снова не умер,
Опять усталые глаза открыл.
Свет, яркий без меры,
На кафельных стенах застыл.
Тишина ватный рот распахнула,
спиной втиснулась в потолок...

И плывёт надо мною акула,
задевая хвостом мой висок.
В высоте океанской пучины
солнце воду качнуло, и вот
снова кран на стене различил я,
ноги тощие, дряблый живот.
Всё никак не умру. В теле томно.
В тесной ванне под пластом воды
невесомая кровь слишком сонно
жизнь выводит в иные миры.
Но уже меркнет кафель на стенах.
Бритва, рыбью надев чешую,
ещё раз проскользнула по венам,
унося в море душу мою.

Над голубой
пустынной дорогой
бесформенными пальцами
нащупывает путь густой туман.

По реке — гробы,
по чёрной реке жизни,
А вдоль реки — столбы
с распятым телом мысли.
Стаканы битые,
консервы, шины,
портреты лидеров,
авторитеты,
кители...
Истёртая бездумием тропа,
ведущая нас прямо
в никуда...

Ужели мне совсем ничто не светит?
Ни даже редкий ныне солнца луч?
Молчащий телефон, конечно же, за всё в ответе,
а воздух в комнате прохладен и колюч.
Любовь чиста и вместе с тем ужасна

своей наивною надеждой на ответ.
И всё ж у телефона я сижу напрасно,
как будто голос в трубке принесёт мне свет.
И вот звонок! Снова и скоро встреча!
Пусть известно мне, что впереди обман,
что счастья нет, но я хочу беспечно
рукой притягивать к себе твой стан.
Я целовать хочу и обнимать... О Боже!
О чём я грежу? Где глава моя?
На час, на два забудусь я, но позже
изголодавшийся кошмар сожрёт меня.
И всё замечется, умрёт, начнётся вновь.
Душа занает, боль засядет в сердце.
И будут немощь, слезы, скорбь и кровь.
И счастье будет...
только слишком мимолетно,
чтобы о нём упоминать.

И вновь я слышу голоса безмолвные,
кричащие от боли,
оттого, что правда глупостью своей
кромсает душу.

Оглохла тишина.
Глаза стеклянным ужасом залиты.
В немом опустошеньи замерла земля.
Ни голосов, ни шороха травы.
И опалённый взрываю ветер
упал бессильно
меж сгоревших рёбер разваленных домов.

Закапывали в землю трупы новобранцев,
и покрывалась язвами могил земля...
Слёзы в глазах при виде куч ненужных
школьных ранцев...
Уродливо крестами исчерчены поля.

Выстрел.
В небе дырка от пули.
Кровь сочится на землю с небес.
Боги плачут, как плачут люди.
А кругом — мертвечина.
Живых нет сердец.

Птица испугалась,
вскрикнув, зашумела крыльями,
разгоняя солнце,
смешанное с пылью.

Кто я?
Чей голос во мне говорит?
Чья смерть во мне
Невыносимой болью бьётся?
Кто я?
Чья жизнь во мне агонией прервётся?
Облив меня холодной пустотой?
Кто я?
И чьей печалью
Я переполняюсь?

Всё время один.
Людской омут вокруг
лишь затягивает,
суею пугая.
Я опять ухожу
в мир, где
ждёт меня друг,
от которого
душу я принял,
сам того не зная.

Венок из ярких цветов,

пестрота вокруг головы.
Сплетённая радуга рваных стволов.
Венок смерти и красоты.

Проснувшись в серый час оскала,
Я улыбнулся сам себе...

Я хочу рассказать стакан на свету,
рассказать следы пальцев на стенках,
солнца луч, преломлённый в стекле,
пыль, прилипшую к высохшей пене,
крошки хлеба, окурок на дне...
и убитую тень одиночества
во вчерашнем прокисшем вине.

Луна потерялась, скрылась в тучах,
и рыцарь остановился,
не зная, куда дальше путь держать,
где замок смерти и врата жизни...
Синий воздух густой слюной
покрыл брошенный меч,
выписывая на нём пузырчатые узоры...
Кладбище королев.
Кладбище королей.
Раскинулись в темноте распятия могил.
Мыши летучие мокрыми пятнами
по воздуху чёрному и холодному скользят.
Поднял забрало рыцарь и увидел,
как едва различимо
качается впереди многоногое Завтра,
заглатывая жирным красным ртом
умирающее Сегодня.
И вновь выкатилась белая луна...

Мне часто хочется услышать голоса умерших...
Но что именно должны они сказать мне?

Я лошадей поил водою лунной
под звёздными глазами ночи...
Куда всё подевалось?

Следы людей не видны на песке.
море слизало их языком волны,
оберегая девственность берегов.
Но люди вернулись...

Кто я?
Я просто слово.
Я просто голос.

Тишина щекой приласкалась ко мне

Без оглядки всё бегу куда-то,
ожидая чудес,
ожидая, что цветы вдруг
рассыплются под ногами
ярким добрым ковром.

Увядавшие буквы подобны осенней листве...
Они — предсмертие

Лес корявыми пальцами веток
зацепился за дымный туман.
Ветер тихо покачивает на дереве
длинное легкое платье.
Вода слабо плещет под стройными ногами.
Утро скрывает своей голубой пеленой

фигуру прозрачную девы,
купаться идущую.
Природа дыханье своё затаила.

Я любил её за всё:
за глаза, руки, лицо.
Любил её всю,
как жену,
как сестру старшую и
как самую нежную — младшую,
просто как женщину,
осыпанную красотой,
такой небесной и такой земной.
Взглянет — не устоять...
Упасть бы ей в ноги и молить,
чтоб кончиками губ к плечу
позволила притронуться,
целовать шею и руки,
вдыхать запах прозрачной кожи,
а затем схлопотать по роже...
За то, что нахал,
что цветы кому-то давал,
что готов таскаться за каждой,
мол, что-то уж было однажды...
И всё же мила и нежна,
хоть и ревнует иногда.
Но всё это чисто женское,
потому не поймёт никогда,
что нужна не она одна,
а нужен весь мир,
что я не раб ей и не господин,
что всё вокруг для всех, а не для одного меня,
что жизнь — для неё, для меня, для тебя!
Я любил её за всё:
за глаза, руки, лицо.
Ненавидел — за то же,
потому что этим она на других похожа.
Немного лучше.
Немного хуже.
Идеалов нет.
Идеал может быть простужен,
А, значит, он чем-то слаб,

Значит, не идеал,
а просто так...

Случается, что начинает падать звёздный дождь.
И руки, протянутые высоко в ночь,
ловят небесные искры.
И губы открываются в улыбке,
встречая мерцание дождя.

Как всплеснётся неожиданной волною
чувство странное — сродни печали.
С давних лет его ласки знакомы,
хотя имени ему не знаю.

Бывает так:
выходишь на порог
и смотришь
в чернеющую бездну неба.
И начинают рассыпаться
светом сказочным
далёкие огни.
И падает
в протянутые руки
звёздный дождь.

Опалённая одежда
рассыпается ветрами,
в клочья порвана одежда,
я бреду среди развалин.

Время раскрошилось...
Что мне делать с ним?
Куда мне его ссыпать?
Или отдать другим?

В рыхлую память вкопавшись,
ангелов не спугнуть бы стаю...

Может быть, мне приснилось,
а может, на самом деле
я видел, как серые лица
катились по старой аллее.
Опавшими листьями ветер
цеплялся за впадины глаз,
и жухлыми мыслями вечер
шуршал под ногами у нас.
А там, где кончалась аллея,
где небо шумело водой,
стоял человек с автоматом,
и бил эти лица ногой...

Я услышал однажды,
как вскрикнуло стекло,
когда в него швырнули камнем,
как скрипнуло оно потрескавшимися зубами:
«Подлец!»
и умерло,
вываливаясь мелкими кусками из оконной рамы.

Не жду предательства.
Ведь ждать его —
уже есть подозрение.
А подозрение само похоже на обман.
поэтому не жду предательства,
но знаю, что оно подстерегает где-то,
оголив клыки.

Первый снег на воде.
Первый снег на холодной чёрной земле.
Первый мазок краски по холсту.

Перстами моими не замараю
твою бестелесную наготу,
отрезанный от далёкого края
любви, я просто и тихо уйду.
Мне имя твоё неизвестно,
твой облик мечтами размыт.
Могла бы ты стать мне невестой,
но я — недостойный жених.

Облака пушистые такие.
Бывает, упадёшь в них
и запутаешься в ватной мякоти,
блаженство испытав.

О нет! Я вовсе не поэт!

Култ красоты спокойной
пусть правит в нашем мире.
Сумрак любовной страсти сокроется,
тяжесть желаний растворится.
И солнечной водой я напою людей.
Они пойдут, облитые
сияньем золотым.
Они не остановятся и не споткнутся,
взбираясь на высоты,
где дух живёт
в просторном храме,
что возведён на необъятной
для наших глаз ладони.
Мы будем жить.
Мы будем петь.
Мы будем танцевать.
Благодарю тебя за всё, мой Бог.
Я радуюсь Тебе.
Живу в Тебе.

Живу Тобой.

В меня швырнули вы обман.
И я ответил тем же,
прикинувшись, что верю вам
всё так же безмятежно.

И в тёмной комнате осталась память.
И робко изгибается язык свечи...
И бессловесный шепот тех,
кто в вечный сон ушёл...
И слезы тихие, которые унять нельзя.

Время не закончилось. Оно ушло само в себя.

Ущелье. Вместо голоса — эхо.
Глаза разлились дождевыми ручьями.
Останки сраженья.
Певучий поток, называемый жизнью,
завален рёбрами перебитых людей.
Перья птичьи летают под небом,
перемешиваясь с собственными тенями.
Как хочется укрыться крышей дома.
Но где наш дом?
Забрызган ржавчиной холодный лик клинка.
Спешу очистить музыкальную фразу от нотной строки.
Нигде, ни даже в зеркале не вижу чистоты.
На щите квадратном — рыцарский узор.
На узоре лепном — высохшая кровь.
Нет, не отмыть мне эту песню от тех клавиш,
которыми сыграна битва.
Озеро и рябь воды.
Крыльями плещет птичий клёкот.
Сутулая фигура в чёрном.
Тяжёлый небосвод свинцом упёрся в горный срез.
Тела покинутые брошены на склоне,

И ветер ласкает их сгнившие лица.
Шевеленье травы.
Владыка заскучал и бросил меч тяжёлый.
И в небе громыхнуло...

Они обглаживали трупы, разложенные по тарелкам,
Кто крылышко, кто ножку ел.
Светской улыбкой оглянувшись,
хрустящим кружевом промокнув уста,
они раскладывали друг для друга фразы,
вытаскивая их цепочкой из наполненного рта.
Глаза красивых женщин,
облепленные толстым слоем краски,
усиленно моргали...
Хозяин следующее блюдо поднесёт,
обложенное жёлтыми узорами ананасных долек.
И сладкую начнут черпать кровь из ананаса,
серебряные ложки окуная в чаши...
Они сидели, пировали,
прелести жизни обсуждали,
отточенной изысканностью в обращении щеголяли.
А мы не знаем слов таких.
Нет у нас лиц, так напомаженных.
У нас по-своему напудренные лица...

Завернуть женщину в ладони...

Тело. Полные чаши жидких капризов.
Губы тонут в сочном желании.
Нетерпеливый запах прикрылся
этикеткой одеколona,
Лепестками цветов осыпал себя.
Тужится рот торопливо, как промежность,
проталкивая жирную мягкость котлеты.
И соус льется на пол...
Приложить салфетку,
стереть следы отвращения к себе.
И скорее чулками и брюками
ноги прикрыть,

приодеться рубашкой.
И бегом!
Бегом в толпу себе подобных!

Мне всякая плоть — враг,
злее волчьего клыка,
черногривый пиратский стяг
проплывающего парусника.
Перетянуло горло — вздох.
Под руками трепещет тело.
В женском шепоте я оглох,
и душа моя закипела.
Рвать губами губы и млеть,
как лев антилопу — рвать,
ногти женские — страстная плеть,
и любовная плаха — кровать.
Что за низкая ложь — любовь!
Ниже только могилы смрад.
Но лицом в неё падаю вновь,
шаг за шагом спускаясь в ад.

Огромнейший зал, подёрнутый пылью веков.
Здесь никто не живёт
лет, наверное, сто или больше.
Я пытаюсь назвать в эту странную залу народ,
но никто не идёт.
Все толкутся в дверях
и боятся порог перейти.

Стоять и нервными руками прижимать к себе её тепло.
Губами пить любовь из её рта, глаза к глазам придвинув.

Ждал.
Устал ждать, когда голос друзей донесётся.
Быть может, слух мой не годеи?
Плюнул.

Ушёл.
На стене мелом оставил: «Я тут был».
Потомкам.
Значимость моя — крошки мела до первого дождя.
В душе ветер воет.
Лёг наземь — песком сделался.
Дети совочком берут меня, крепости насыпают.
Кошки нужду справляют в меня.
Ждал.
Время развеяло, не оставило ни песчинки.

О вы, мои отец и мать,
мои великие родные,
жена и братья! Умирать
нам всем придётся на чужбине.
Нет той отчизны дорогой,
не встретить уж того, что близко.
Воспоминания порой
всплеснутся, а затем всё — чисто.
Мы все, от мала до велика,
чужими бродим по земле.
И наши мысли — страшны, дики,
мы все в оковах, все во мгле.

Грядёт гроза.
В долине тихо.
Под душным небом вянет горизонт.
И перед взором
проплывает мимо
ушедших дней растаявший узор.

Раскрылся рот.
Из него вывалился ярко-круглый апельсин.
Он ударился о поверхность стола.
Подпрыгнул резиновым шариком и побежал.
Следом вывалились и побежали другие апельсины.
Они превратились
в красивую змеящуюся цепочку оранжевых шариков...

Они убежали за скалистый горизонт.

Поднимусь над землёю моей,
с криком стаи сольюсь лебедей.
И с небесных высот разгляжу внизу
сразу всю красу — землю русскую.
А на ней молчаливо стоит одна
церковь чёрная, обожжённая.
Словно символ она возвышается
веры нашей испотрошённой.
Я лечу высоко и под взмахом крыла
с изумленьем взираю на церкви бока.
Переломаны в них брёвна-рёбрышки,
дыры чёрные — раны мёртвые.
Но в своём обгорелом забвении
церковь всё же стоит с отражением
в голубой воде пробегающей,
и на ветер свой пепел бросаючи.
И пускай её стены разбиты,
пускай кажется, что забыта.
Но внутри, вижу я, люди молятся,
значит, русский дух не разломится.

Кто ты такая?
Зачем я утонул в твоих глазах?

Скатерть белая.
Вино разлито красными пятнами.
Словно белый халат врача в брызгах крови.
Мрут люди в крови, в вине.

Одна из самых чёрных смертей —
в белой комнате больницы.
Стены вымараны краской, где ни кровинки.
Кафель ледяного цвета.
Прозрачный блеск.

Сквозь слезливое вымя капельницы
видны белые тени врачей.
Мутно-стеклянный взгляд.
Усталый взгляд воды из шприца.
Не стоит смерти ждать.
То вовсе не её шаги, но капель стук из крана.
Ты хочешь мне помочь?
Тогда оставь переживания.
Мне слезы не нужны.
Ни твои, ни чьи-то ещё.
Они мешают, как стук капель.
Они — шаги по коридору.
Я устаю. Больница утомляет.
Вокруг всё так бело, что у меня в глазах чернеет.
Безвольно.
Нет сил говорить.
Я спать хочу.

Она жемчугом сыпала из глаз,
крича, что одиночество
пожрало её всю.
И алые губы пачкали жирно
хрустящий сигаретный фильтр.
Она рыдала в налипшую на стенах пустоту.
А равнодушный домовой
распутывал под лампой сизые табачные волосы.
Никто не отвечал на слёзы,
никто не утешал.
В безучастном ухе
брошенной на стол телефонной трубки
прерывисто гудело...

Страницы памяти моей
листаю в тишине.
И нахожу в них позабытые места.
Одни внезапной грустью вдруг меня охватят,
другие радостной волной нахлынут.
знакомые до боли
иногда встречаю закоулки.
Бывают и совсем чужие,

Они холодным ветром наполняют душу.
Ужель все это — я?
Неужто это все мои следы позади меня?

Скажите,
у вас на ладони
сидела когда-нибудь цапля?
Нет?
Значит, вы не знаете, как
скребут её похожие на спицы длинные ноги,
как тонкие пальцы
обхватывают вашу руку
словно скрученные корни деревьев.
И у меня тоже не сидела на ладони цапля.
Она же большая, а не дворовый воробей.
Но не думайте, что здесь
скрыт глубокий смысл.
Я просто спросил.
А вдруг у вас
всё-таки сидела цапля на ладони?

Из сверкающих на небе капель солнечной воды
Я медленно сплетаю косы любимой девы.
А дождь всё льёт и льёт.
Я жду, надеюсь, что придёшь.

Я понял недавно,
что облаком чёрным не укрывают тела постоянно.
Что облако тёмное нужно немногим —
тем, кто забыл о беде ежечасной.
Пускай окунутся в печальную тучу,
пускай ужаснутся, как может быть скучно,
как может быть больно и неразрешимо
от бед, навалившихся вдруг в изобилии.
Я понял недавно,
что радость дарить должен
тем, кто печалью своей переполнен,
кто хочет увидеть, но глаз не раскроет,

поскольку кошмарный сон
разум их моет
ужасным раствором — душевным измором.
Я сброшу оковы тяжёлых их мыслей.
Пусть будет дом светлым, а не могильным!
Пусть не надгробной плитой будет разум,
а книгою мудрой с солнцем прекрасным.

Бреду с собачьей стаей
и становлюсь похож на пса.
Такой же взгляд и также страшно лаю,
и пена с кровью изо рта.
Затравлены мы, словно волки,
Но только хуже — мы ведь не в лесу.
Мы мечемся среди помойки.
За нами люди — ружья навесу.
Воняет порох, кисло тянет кровью,
Повсюду дергаются раненые псы.
Свистит свинец. Люди резвятся вволю.
С цепи спустили себя подлецы.
Расстреливают всех собак бездомных.
«Выводим грязь!» — так говорят они.
Слова людей разумных, благородных,
быть может, правильны, но все же на крови.

Твой образ — туман... и дождь,
мокроволосое утро, тёмно нарисованные глаза,
усталость светлая,
коснувшаяся улыбающихся губ...
И взгляд, загражденный жестом мольбы:
«Не надо, иначе все станет обычным,
пусть ласково трепещущим,
пускай приятным,
но обычным.
Не надо!
Оставь всё, как оно есть.
Не начинай.
Пусть в теле моём та же жажда пену взбивает волной,
и океан зелёно-бесконечным глазом светится внутри.
Всё же не нужно.

Иначе всё спустится на землю,
а я хочу быть над землей.
Пушай только в словах,
пушай не в жизни,
но всё-таки летать,
а не ютиться тесно в мешке из одеял и простыней».
Я узнаю твою мольбу.
Она знакома мне.
Ты хочешь выпить дух мой,
Плоть стремишься съесть.
Уйди к себе в туман и стань невидимым.
Я потерять тебя хочу.

.

Чтобы как в печь залечь
в чувства твои и вспухнуть в них,
кусками лопнуть от взрыва оргазменного, плазменного.
Чтобы под скальпелем вновь
кровь не брызнула на стол хирургический.
Чтобы врач-мясоруб в жизнь не вернул,
а швырнул в земляную яму куском удобрения.
Чтобы не посмел мел на доске чернокожей
имя нацарапать моё.
Чтоб навсегда упасть в пасть смерти
без имени, без страсти.
Чтоб никто не знал меня.

Изогнулись вытянутые тени за окном.
Облака преобразились в человеческие формы.
В раме треснувшей завыл промёрзший ветер.
В ледяющей пустоте остановилось сердце.
Бесцельно тикают часы,
тускло маятник проскальзывает в полумраке.
Ночь наползает.
Привидения устало опускаются на землю,
где люди, в призраков не веря,
О них рассказывают небылицы.
А мягкая трава, подслушав бред людской,
от ужаса покроется холодной росой.
Жизнь, шелестя шагами по засыпающей листве,
откроет осторожно свою вторую сторону.

И время вдруг покажется обманом
и бессмысленной игрой,
которою увлечены так люди.
Нога наткнулась на оставленную кем-то рюмку.
Легко качнулось в темноте стекло,
блеснуло тускло и упало.
Остатки сладкие вина пролились на ковёр,
в глубокую щетину на лице ковра впитались.
Кто-то бокал оставил —
был пьян или забыл по старости,
или рассеян слишком...
А кто-то сбил ногой, в потёмках дверь искал,
руками шарил, ощупывая тёмный воздух,
набрёл на стул с высокой деревянной спинкой,
но дверь пропала.
Зачем вошёл он? Что он искал здесь?
Подглядывал, быть может?
Но скоро утро...
Оно так робко, так незаметно заплывет в окно,
что две фигуры в простынях просторных
не смутятся наготы своей.
Они объаты сном.
Они в блаженстве.
Они в ином мире.
Они ещё не возвратились с той стороны,
которая покрыта непостижимой тенью...
Утро скользнёт своим дыханием по их телам,
дотронется до рук их и до пальцев,
поцелует припадет к их бедрам и плечам...
И в комнату проникнет солнце.
И девы вновь прикроют груди, стыдясь своей красоты.
И юноши за голову схватились, осознав,
что проспали нужный час,
натянут тёртые одежды, нацепят нож,
на спину бросят лук и стрелы,
любимое лицо прощальным поцелуем наградят
и бросятся во двор,
где конь стоит нетерпеливый.
И сотни юношей,
оставив сотни женщин милых,
помчатся разрезать кинжалом небо,
терзать ударами копыт больную землю.
Они забудут убегающую ночь,
покрытую прекрасной тенью неги,

ласкающую ночь,
плывущую...
Зверьё спустилось с небосвода,
родившись из кошмарных сказок человека,
убило, напилось, ушло, оставило обглоданные трупы.

Я живу на кладбище. Я обитаю среди трупов деревьев.
Это кладбище кое-кто называет деревней.
Трупы сложены пачками, друг ко другу прибиты.
В них прорублены дыры, чтоб входить и
чтоб сквозь них видно было.
Трупы распиливают, из них делают доски.
Сколачивают ступени, которые под ногами стонут.
А рядом разворачивает зелень широкое живое дерево.
Оно принимает нас в прохладную тень,
когда мы устаем рубить
руки-ветви поваленного леса.

Музыка пылью покрыта.
В теле вчерашний ужин урчит недовольно.
Требуют песен глаза,
требуют изгибов рук и ног в гирляндах танца.
Но музыка пылью покрыта,
и крепко уснул дирижёр.
По девственному снегу страниц
жирными следами прошли пальцы в поисках нот.
Пьяный дым закружился змеёй в свете ламп.
Всё плывет и поёт, только музыки нет.
Она всё ещё спит, покрытая пылью.

Волнуйся подо мной,
Внезапное богатство
И бездна синих глаз...

Смотрю на жизнь увеличительным стеклом,
но лиц не вижу.

Похожи все на маски белые,
из гипса слепленные.
Замазан страх тяжёлым слоем грима.
Но пот холодный, ужасом насыщенный,
Просачивается всё же в трещины.
И в каплях этих душу видно...
Она трясётся и мерцает мутной солью,
слова обмана слиплись
горькой массой на губах.
Не разглядеть за этой массой краску правды...

Вздохнуть бы глубинно, да камни грудь придавили.
Размурованности не хватает —
железчатых зубов вскупоренной консервы
в повседневности нашей.
Наглупить бы шуток беззлобных,
начинённых залихватистым смехом,
сгрести б их в охапку и в веселящем обрамлении,
сыпучем, шелестящем,
бегом да перепрыжками
пуститься сквозь толпу, всех расцеловывая,
в пляс со всеми вкручиваясь.
Однако — нет!
То лишь неаккуратные мечтания,
раскляканные мною в пылу жестикуляции и спора.
Сдавили нынче с разных сторон каменные стены,
промогзлостью домов бездушных привалились,
а меж ними цедится людская цепочка
за милостью житейской.
И я — последний в очереди.

Кипятком круто обварило любопытство,
к сердцу прилипшее.
Превращусь глазами в протёртую гладь стола.
И будет свет тарелки играть в зрачках,
подобно расплывшемуся свечному воску
в сумраке квартиры.
Заснувший океан в стеклянной пучине банки
нагло разбужу плевком.
Но не утолить грусть.

Печаль не выпустить на волю из сгустка крови,
названного сердцем.

Страсть к буквам, которые
свинцово-чёрной бороздой на белой бумаге,
не одолеть.

Останется любопытство,
ошпаренное, сморщенное, побелевшее.

Но любопытство.

Будет слепыми пальцами
трогать шершавую дорогу под ногами,
щекой ласкаться к мокрому стеклу,
слёзы глазами заглатывать и
колодец рта наполнять кошачьим криком.

Будет, никуда не денется
жажда разглядывать и ощупывать
многоликую поверхность мира.

Крадучись, входит памяти изнанка.

Взглядом прилип к капле пота.
Она ползёт по моей спине.
Какой изгиб!
Какая грация!
Какая дрожь движений!
Но как кошмарно искажён в ней мир!

Никогда не жди меня.
Недостойн я.
Я уйду, себя любя,
Позабыв тебя.

Кто был первым,
пролившим чернила
На белую скатерть жизни?
Кто забрызгал слюнями картину,
обсуждая творение кисти?

Сколько помню тебя, столько разных портретов
в сердце осталось.

Упавшие узоры с крыльев бабочек
меньше разнятся друг от друга.

Но последний раз...

Как сейчас стоит перед глазами ужас той встречи.

Так хотелось пьянящей нежности твоих рук,
так хотелось запутаться в твоих густых волосах
и думать, что купаюсь в чёрных водорослях
бесконечного океана любви...

А получились
гранёные стаканы водки с мутными следами
от жирных пальцев,
колбасные очистки на исцарапанном столе.
И твоё тело.

Оно вылезало из платья,
как выдавленный банан из лопнувшей кожуры.

Пот капнул с бровей в глаза,
когда я подался вперёд.

Грязный привкус застыл на губах,
когда я жадно припал тебе между ног.

И ты по-животному закричала.

И умчалась поэтিকা, испуганная твоим криком,
шумно шевеля гипсовыми крылами.

Смогу ли захлебнуться я в тебе?

Ты говоришь, что ты не знаешь.

Мои желания и готовность всегда со мной.

Мне нужно твоё «да».

Где ж оно?

Я вижу молчаливое вечернее солнце.

Кристально-чистая душа
давно уж заросла.

И всё лицо её трава
сокрыла, как ковром.

Напоминает мне она

заброшенный могильный холм.

Память пишут на бумагах,
Память складывают в стопки,
Чтобы знать, что было раньше,
Чтоб помнить то, что не упомнить.

Стрелки часов мертвы, а время бежит...

Ты не заметила,
а я уже ушёл.
В окно взглянула,
но ничего не видно.
Следы мои давно размылись дождём.
а ты надеешься,
дрожишь ежеминутно.

Я помню этот дом.
В нём копошилась жизнь.
Как тени озабоченных людей,
толкались тут и сям кошмары наших чувств.
О эта Жизнь!
О этот дом!
Зачем он так похож на сон?

Я обернулся,
А из зеркала смотрит другой.
Я — не я.
Кто я такой?
О себе думал не так,
Как смотрят его глаза.

Навстречу — никого,

ни единой души вокруг,
мой единственный спутник —
моя длинная тень, да и она
насмешливо кривляется
на раскалённых камнях пустыни...

В скучнеющем саду ногой листву сырую загребать,
смотреть на грустный серый воздух, вдыхать его.
И ждать зимы, её прикосновения к запотелым окнам.

Я видел сон.
Во сне я встретил счастье.
Оно в цветах лежало.
Проснулся я
и захотел обратно в сон,
чтоб к счастью прикоснуться.
Но сон пришёл другой...

Серебряные дни (2007)

Когда это случилось?
Я говорю о нашей первой встрече...
Когда она произошла?
В тот ли солнечный день,
память о котором стёрлась?
В то ли сырое и серое утро,
тень которого смыта дождём?
В тот ли звёздный вечер,
растаявший в глубокой тишине?
Когда это случилось и зачем?
Сошлись мы для чего?
Чтоб вместе было сладко?
Чтоб горечь с губ и сердца
снималась быстро и легко?
Иль чтоб беседовать ночами,
забыв о времени?
А может, для того, чтоб удивляться
и не понимать, о чём вокруг толкуют,
жалуясь на горе и несчастье?
Когда это случилось?
Знаю, что давно.
Дорога была долгой и крутой,
и четверть века теперь вполне уж можно
прочитать в оставленных следах.
Ни пыль, ни камни, ни бурные потоки
не помешали одолеть подъём.
На стенах храмов, где молились мы,
начертаны священные рисунки нашей жизни.
Наш мир был полон и весом.
Испробовали мы все поднесённые напитки.
Понравилось не всё,
но всё нам нужно было пригубить.
Испробовав, узнали.
Узнав, понять сумели.
Поняв, мы научились быть...
Серебряная дверь распахнута,
и новая ступень
на новой лестнице
нас ждёт,
сияя светом,

укрывая тьмой,
лаская поцелуями уюта
и взбадривая свежестью желаний...

Теперь мы — словно фараоны.
Плывём по Нилу,
Осыпанные лепестками роз.
Повсюду раскрываются бутоны.
Сплетается трава
В цветочной прихоти любовных поз.
Мир нежен с нами.
Мы отдыхаем после битвы.
Причудливая пьеса удалась.
Над головою бурно плещет знамя.
А на душе покой:
Навоевались всласть.
Ни слуг нет, ни рабов.
И всё же опахала
Услужливо овеивают нежной теплотой.
Улыбчивые взгляды множества богов
Нас манят за собой
И во дворец ведут дорожкой золотой.

Серебряным ключом
Серебряный замок
В серебряной двери
Серебряно открою.
Серебряная песнь
Серебряно вспорхнёт
Серебряным числом
С серебряного поля.

Всё, что я делал,
Было для тебя.
Себя тебе доказывал,
Тебя любя
Без сил шагал
За силою,

Чтоб сильным стать,
Ища терял,
Но не переставал мечтать.

Упорно стену давит твой усталый взгляд,
Измучена тяжёлой думой ты.
Настало время провести обряд,
А потому отбрось ненужные мечты.
Мечты о прошлом не ведут вперёд.
Поток реки умчит вниз по теченью.
Прислушайся к судьбе, а вдруг наоборот
Пойдёт тропа, когда исчезнет тяготенье?
Пройдя обряд, ты лёгкость обретёшь,
Ты станешь невесомой и взлетишь,
Отбросишь без труда волненья дрожь
И светом твёрдой веры путь свой осветишь.

Мои стихи ушли.
Их не было.
Они не жили.
Они только хотели быть.

Сны

(из дневника)

Февраль 1995

Как можно вспомнить сон, если на самом деле не было того, что происходило во сне? И кто может поручиться, что мы вспоминаем действительные события, а не то, что привиделось во сне?

Слишком острые ощущения...

Ноябрь 2001

Сегодня приснился сон: я разговаривал по телефону с папой. Кажется, он сказал, что чувствует себя нормально. Однако в телефонной трубке были какие-то странные помехи, отчего папин голос плавал и ежесекундно менялся. Во сне мы находились в разных странах, хорошо помню, что я звонил из Испании. Почему? Что это за удивительная ситуация? Должно быть, так проявилось скрытое желание увидеться с ним, а ситуация (мы в разных странах) выстроена таким образом, чтобы показать невозможность этого. Или же это как-то связано с «Юриком»? Он ведь в Испании работает.

В другом сне, чуть раньше, я видел молодую женщину со светлыми волосами. Она давала мне интервью, лёжа на спине. Поначалу я видел только её лицо, затем угол моего зрения расширился, и я увидел женщину целиком. Она была голая, очень ладная. С одной стороны от неё лежала девочка лет двенадцати, с другой стороны — совсем маленькая девчушка. Все были голые и светловолосые. Что это за странное видение? Затем женщина села и широко раздвинула ноги (почти на 180 градусов). Я придвинулся к ней и сунул палец в её влагиалище. После этого этот сон сменился другим, как меняют друг друга сцены в кинофильме.

Май 2003

Сегодня видел странный сон. Будто бы я в Венеции. Но это в действительности совсем не Венеция, хотя воды и каналов очень много. Это даже не каналы, а городские площади, по которым плавают лодки и катера. Познакомился я там с каким-то русским пареньком, который возит туристические группы по разным маршрутам, возит на троллейбусе, но этот троллейбус ездит и по воде (слетает с проезжей части в канал и плывёт; «А то там светофоров много, — пояснил мне тот парень, — да и до отеля долго пешком топать. А так я вас со стороны канала прямо к воротам доставлю»). И доставил-таки.

Выглядело всё это странно. В этой Венеции было даже метро, а пешеходные дорожки к нему были усыпаны чем-то белым. Я поначалу подумал, что снег, но он не таял под солнцем. Тогда я взял

этот снег в руку и понюхал, он вкусно пах (какой-то восточной сладостью), и я рискнул попробовать его на язык. Оказалось — нечто похожее на сахарную пудру. Были там и большие участки, заросшие высокой сухой травой, а в траве журчала исключительной прозрачности ключевая вода.

Откуда все эти картинки взялись?

И в эту же ночь я видел войну. Бомбили Москву. Бомбили с вертолётов. Если вкратце, то досталось и нашему дому. Но его каким-то образом перевезли на новое место, чтобы он не мешал никому. Мы зашли в подъезд — а там только лестницы, лестницы и больше ничего; этакий скелет из лестниц. А вещи ждали нас в другом здании, их туда сложили какие-то администраторы; выдавали по списку, как если бы заранее была сделана опись — что кому вернуть.

От сна было неприятное ощущение, хотя я всё время понимал, что это вымысел, поэтому ни страха не было, ни паники. Скорее моё состояние напоминало любопытство. Но осадок неприятный.

Май 2007

Видел сон: мы с Ю зачем-то принесли в дом мешок со змеями и выпустили их всех на пол; змеи шипят, дёргают плоскими головами. Потом мы отправились гулять, а я шёл и думал о том, что домой может внезапно прийти мама. Она-то ничего не знает про змей, и её непременно укусит какая-нибудь из этих гадюк. В продолжение всего этого сна я размышлял, как нам выловить этих змей.

Тягостное чувство.

У каждого человека своя символика снов. Общего ключа к разгадке снов не может быть. Интересно, откуда вдруг пришли ко мне образы змей? Я только в детстве видел змей во сне — их всегда было много, они тянулись из земли вместо травы, то есть сплошной ковёр торчащих из земли змей.

Октябрь 2007

В больнице видел сон: большое помещение с колоннами, каменными лестницами, высокими потолками. Я ходил по этому зданию, разговаривал о чём-то с папой. Потом мне куда-то пришлось отлучиться, и тут я услышал (именно услышал), как случилось что-то страшное. Я побежал обратно и увидел папу. Его обступили люди, придерживали. Он терял сознание, вокруг рта у него были капли крови. Я подхватил его на руки и понёс куда-то по лестнице. Пока я нёс его, он умер. После этого ракурс изображения сменился, я

перестал видеть привычным взором и стал смотреть на эту сцену со стороны, издали. Я видел, как я нёс папу на руках, видел кучу людей, шагавших за нами, видел кровь, которая почему-то большими лужами расплескалась по полу, хотя на папином лице её было совсем мало (чуть-чуть вокруг губ). Всё было пропитано каким-то бледно серыми пастельными тонами, словно снято через специальный фильтр.

Почему приснился умирающий папа? Почему я нёс его на руках? Неужели до сих пор где-то на подкорке памяти лежат, время от времени оживая, те далёкие дни, когда он умирал? Неужели до сих пор это является для меня чем-то значительным, важным?

Ноябрь 2009

Снилась наша индийская квартира. Раньше я видел её чётко, ясно. Она всегда была тёмной из-за того, что на улице слепило яркое солнце. И в квартире всегда царила прохлада из-за включённого кондиционера. Холодный каменный пол. Всё это присутствовало во сне. А в этот раз я видел только то, что прямо передо мной, остальное растворялось в дымке, остального словно не существовало. Предметы появлялись, только когда я смотрел на них. Во сне всегда я приходил в ту квартиру один, но сегодня был с Ю. Мы ждали, когда привезут из больницы моего отца. Оказывается, он до сих пор снится мне — то больной, то здоровый, и в этом нет никакой логики. Сегодня он был болен. Он лежал рядом со мной. Близко-близко я видел его лицо. Мы о чём-то разговаривали. Он знал, что болен неизлечимо, и ему было больно.

Такой вот непонятный сон. Почему опять снится его боль?

Я совсем не помню теперь снов. Раньше хорошо помнил их, в подробностях, даже если сны были нелепые, бредовые. Теперь не помню. Про сегодняшний сон вспомнил случайно: мелькнула перед глазами какая-то картинка-ощущение, когда принимал душ. Попытался «раскрутить» её, но вспомнилось лишь то, что записал сейчас.

Декабрь 2009

Самое комфортное состояние сейчас — сон. Плохие сны не приходят ко мне, поскольку, наверное, засыпание теперь всегда желанно. Любой сон — хорошо. Не всегда удаётся войти в его двери, иногда только в пол-уха, в пол-глаза заглядываю туда, большую часть ночи провожу мучимый бессонницей, поэтому любой сон хорош — лишь спать. Это не самое хорошее из занятий и уж совсем

не продуктивное в смысле творчества, но оно мне теперь кажется самым приятным. Спать. Мне хочется спать. Это болезнь. Я не верю, что болен, но что делать, когда весь организм требует сна — руки, ноги, голова, мысли. Как путник в пустыне жаждет воды, так я жажду сна и не могу получить его.

Сейчас глубокая ночь. Поднялся, дабы не вертеться в кровати, не мешать Ю. Посижу немного, попытаюсь воспроизвести моё состояние в словах, разобраться. Почему не сплю? Что мешает? Мысли? Какие мысли? Я привык прятаться от них во сне, поэтому сон не идёт ко мне. Сон хочет, чтобы я думал и понимал, чтобы я додумался и прочувствовал, как мне вести себя, как вытащить себя из кризиса. Или сон не идёт, чтобы поскорее сломать меня. Это тоже выход из кризиса — растратить силы и перестать быть.

После вчерашнего разговора с Ю мне показалось, что я качнулся в нужную сторону. Однако сегодня опять заныли ноги, опять подкралось нытьё к глазу, опять тяжесть какая-то неуловимая, неопределяемая, но осязаемая внутри меня и вокруг меня. Видимо, спокойствие моё — фальшивое, поверхностное, а внутри — сжатая пружина, которую нужно немедленно разжать, но не отпустить, а плавно, мягко. Как сделать это? Я говорю, что всё у меня хорошо, а в дальнем углу моего мозга притаился сжавшийся перед прыжком зверёк, и его готовая разбрызгаться в разные стороны ядерная мощь не даёт мне расслабиться.

Убить этого зверька в себе.

Хочу спать.

Видел сон. Точнее — не сон, а предсонные видения. Я взбегал по лестнице нашего делийского бассейна и прыгал вниз головой. И вода вдруг исчезала. Даже не исчезала, а я представлял, что она в одно мгновение уходила, бассейн пустел. Я летел головой вниз в бетонный пол. Передать состояние не могу, потому что оно слишком многогранно. Но смысл в том, что за эти короткие мгновения я успел полностью отрешиться от мира, от всего, что меня держало в нём. Это было похоже на какой-то удар изнутри, будто каждый миллиметр моего тела взорвался испариной. И после этого из меня ушло всякое напряжение. Впервые я ощутил отсутствие привязок к миру. Лёгкость необыкновенная. Даже не лёгкость, а свобода. Мышцы расслабленные, мозг чистый. Я лежал и не понимал, как такое произошло. Абсолютная расслабленность и чистота.

Март 2010

Сегодня был необычный сон: пятичасовое ожидание. Мне снилось, что я жду отъезда (не то поезд, не то самолёт), разговариваю с кем-то, ничего не происходит, какие-то автомобили приезжают и уезжают, а я жду. И хорошо помню, что ждал пять часов. Всегда что-то происходит во сне, а тут, как в жизни, тянется и тянется.

Январь 2011

Забываю рассказать про сон, преследующий меня из года в год. Сон не один и тот же, он меняется, но по сути там одно и то же, несмотря на разные детали, обстановку. В этих снах я уже взрослый человек, но продолжаю посещать школу. Ситуация нелепа, потому что я должен сдавать выпускные экзамены, но я не собираюсь сдавать их. Всё время меня угнетает вопрос: как признаться родителям, что я давно уже не учусь. Почему я не учусь, я не знаю, но я и не хочу учиться. Я испытываю безмерное наслаждение от мысли, что могу позволить себе не ходить на экзамены (это чувство великой внутренней свободы), однако я испытываю ужас от того, что должен как-то объясниться с родителями.

Словом, невообразимо сложная ситуация. Нелепая, неправдоподобная и сложная. Сны часто неправдоподобны, если их анализировать, но мы не способны анализировать их, когда спим. Мы просто живём там и принимаем всё происходящее так, словно иначе и быть не может, даже если понимаем всю абсурдность сна.

Февраль 2011

Я приезжаю в Индию на пару дней и не знаю, как мне вернуться оттуда назад. Этот сюжет в разных вариациях снится мне постоянно. Возможно, не еженощно, но вижу его слишком часто, чтобы не обращать на него внимания. Обычно я прилетаю в Дели один и хожу по нашему посольскому городку, иногда заглядываю в нашу квартиру (в ней всегда пусто, людей нет). Сегодня я прилетел в Дели с папой и мамой. Ясно помню, как мама спрашивала у папы, сколько надо заплатить за ночь. Потом я опять остался один. Зашёл в детский садик, там всё незнакомо, похоже на яркий стеклянный магазин с игрушками, и там шло какое-то представление. Дверь в нашу квартиру открыли жильцы. Лица чужие. Впустили меня настороженно. Внутри обстановка другая, само расположение комнат другое. Мы остановились в прихожей, они принялись расспрашивать меня, кто я и что мне нужно. Объяснил им, что я когда-то жил в этой квартире.

Они удивились и принялись расспрашивать меня про моего отца. С гордостью ответил им, что он был разведчик.

А потом меня охватило беспокойство, тревога. Я почти проснулся и как бы завис между сном и явью. И ко мне пришло внезапное понимание многих вещей.

Стало понятно, почему я всегда боялся жизни. Дело в том, что я никогда не был в этой жизни «свой». Я был тут как турист, смотрел на всё со стороны, не имея ни малейшего желания принять участие в жизни. Она пугала меня раньше, пугает и теперь. Я воспринимал её, как зритель из зала воспринимает сцену: актёры живые, они не на экране, но они и я — разное, между нами нет ничего общего. Когда жизнь насадала, я ощущал себя, словно меня вытаскивали на сцену, а там всё чужое, мне туда не нужно, мне там нет места. Вдобавок ко всему происходившее в жизни никогда меня не интересовало. Одно и то же десятки тысяч лет подряд! Вот выдумка, искусство — тут иное, тут есть где развернуться.

Отсюда моя любовь к искусству. Настоящее искусство импровизирует на тему жизни, позволяет играть...

Я всегда чувствовал, что смерть была моим укрытием, дверью, через которую я вернусь домой из этого бессмысленного театра. У меня никогда не было желания умереть, но я никогда не цеплялся за жизнь. Да и можно ли цепляться за то, что пугает и ужасает?

Всё... Ощущение ускользнуло. Мне не удалось выразить его. Получилось то, о чём я уже говорил прежде не раз. Но где же тот великий объём понимания, в который я погрузился, просыпаясь? Нет следа от него. За старанием сформулировать навалившееся на меня откровение, потерялось это откровение. Ушло. Смысл этой записи потерян. Понимание главного рассеялось, не осталось ничего. Обман ощущений. Обман ожиданий. Обман очередной надежды, что я смогу это выразить...

Проснулся с ясным пониманием того, что человек состоит из двух материй: из материи сна и материи не-сна (не знаю, как назвать их точнее). Эти две материи «дышат», они сжимаются и разжимаются, тем самым поочередно поглощая одна другую. Когда расширяется материя сна, человек будто бы уходит в какой-то иной мир, но в действительности он никуда не уходит, сознание его не изменяется. Нет никаких других пространств, где человек соприкасается с чужими мирами и существами, получает откровения о своём будущем и т.п.. Эти материи не вытесняют одна другую,

не отделяют реальность от сна. Они именно поглощают друг друга, смешиваются. Поэтому когда материя сна расширяется и поглощает материю не-сна, она впитывает в себя всю «реальность» человека. Отсюда приходят ощущения, что сон показал будущее. Чем глубже проникновение в ту или иную материю, тем сложнее выход из неё. Отсюда бессонница или наоборот, тяжёлое пробуждение, когда никак не получается стряхнуть с себя сон, хотя кажется, что уже не спишь. Отсюда видения «наяву», галлюцинации.

Жаль, не получается передать словами то, что я так ясно ощутил и увидел: две пористые, нематериальные «губки» впитывают в себя друг друга, дышат друг другом, выталкивают друг друга и при этом не являются отделёнными друг от друга, а составляют единое целое.

Жаль, когда мысли вот так мелькают и — уходят... Чувствую себя обманутым.

Апрель 2011

Пару ночей тому назад Ю видела сон: бабушка зовёт её спать к себе в кровать, а там мумия дедушки; Ю не хочет к бабушке и перебегает к маме на кровать. «Миленькая» компания. В одну сторону покойник манит, в другую другой манит, а там ещё и мумия.

А мне вчера был другой сон: мы возвращаемся с Ю откуда-то (с прогулки, что ли) домой, и я никак не могу отворить дверь, потому что что-то мешает изнутри. Поднажал посильнее, а там, оказывается, мама лежит мёртвая.

Август 2011

Сегодня видел папу во сне. Неприятный сон. У папы отсутствовала кожа по всему телу, но он будто не обращал на это внимания. Он болен, как это обычно бывает в моих снах (значит, ум всё-таки твёрдо удерживает этот рубеж), но как-то не жалуется. Мясо по всей поверхности его тела рыхло подрагивало, было мокрым, но простыня не пачкалась. Голова тоже была у него какая-то разобранный, открытая на лбу, как аппарат, и там на какой-то пластине лежала губка. Папа попросил меня поправить эту губку, я вынул её и заткнул обратно. Потом мы легли спать. Ни ужаса, ни отвращения я не испытывал, только некоторое недоумение — как такое возможно?

Проснулся с тяжёлой головой. Глаза опухшие. Возможно, такие сны проявление какой-то «неполадки» в организме, которая складывается в таких «страшных» картинах.

Удивляет, что во сне самая абсурдная и фантастическая ситуация

не вызывает у меня сомнения в реальности такой ситуации. Раз «оно» происходит, значит, «оно» возможно. Есть лишь некоторое любопытство (хотя слово «любопытство» не совсем подходит), но это какое-то детское любопытство, которое не ведёт к изучению, а просто немного удивляет своей необычностью: надо же как! ух ты! Я вижу, разглядываю, участвую, но меня не поражает, не повергает в шок ни самая ужасная, ни самая омерзительная, ни самая светлая ситуация. Полёт во сне нормален, удивляет, пожалуй, когда летать не получается, когда тело только чуть-чуть висит над землёй, но не взмывает высоко, как должно быть. То есть должно быть высоко и легко, выше облаков. Я прекрасно помню эти полёты и ощущение невесомости тела. Или вытаскивание стеклянной массы изо рта — густой, липкой, колющейся, бесконечной, невесть откуда тянущейся. Она заполняет всю полость рта, всё горло, я вытягиваю её, однако она не заканчивается. И я не удивляюсь ей, я знаю, что такое уже случалось. «Оно» не то чтобы в порядке вещей, но не ново. Как не прекращающийся целый день понос — состояние не нормальное, но не пугающее, временное, случайное. «Оно» закончится, как заканчивается внезапно разразившаяся гроза, затянувшее небо от горизонта до горизонта.

Сон — не что-то постороннее, не что-то нереальное. Все события сна реальны, так как сон — реальность. Не материальная реальность, другая реальность. У каждого из нас много реальностей, некоторые из них сплетаются, проникают одна в другую. Так, например, пространство мыслей — это самостоятельная реальность, в которой мы легко перемещаемся, прокладываем коридоры, без усилий выстраиваем логику. Однако эта логика, соприкасаясь с материальным миром, часто не работает, хотя нам кажется, что в наших мыслях мы опираемся на окружающую действительность. Оказывается, у материального мира своя логика, своя реальность. Эти две реальности нахлёстываются одна на другую, как нахлёстывается на них реальность творчества (нахлёстывается, взаимодействует, но существует всё-таки отдельно, в собственном пространстве). А сон — совсем отдельно...

Сентябрь 2011

Вчера пытался запомнить состояние «проваливания в сон». Вспомнил об этом сейчас случайно. Попытаюсь передать то, что было.

Засыпая, организм вышел на улицу. На самом деле это была ещё не улица, а лишь геометрические формы, напоминающие очертания

домов, выстроенных в два ряда. Улица была как коридор. Но опять необходимо уточнение: это не визуальное присутствие на улице, а только ощущение её объёма, вытянутости, глубины «русла». И медленно-медленно очертания начинали проясняться, материализовываться в дома.

Я уловил абсолютно ясно, что будущая улица была вокруг меня, когда я ещё не видел её, потому что она не была ещё нарисована сном. Сон ещё не пришёл, не охватил меня, но его формы уже предугадывались. Получается, что в сонходишь не сразу, не как в дверь, а пропитываешься сном. Он входит в поры сознания, изменяет сознание, а потом, когда оно изменилось, сон становится реальностью, с которой невозможно бороться.

Декабрь 2011

Снилась баня. Как всегда, она была огромной, безграничной, тёмной, с подсветкой в некоторых местах. Много голых людей — мужчины и женщины. Посередине одного из помещений народ сидел по кругу, все весело подпевали звучащей откуда-то песне Slade.

Баню такого типа я видел во сне не раз. Не понимаю, что вызывает такой сон? Холод? Желание согреться?

Январь 2012

Сон. Часто вижу коридоры и помещения, из которых невозможно выбраться: они как лабиринт. Сегодня проснулся с пониманием того, что такие сны — призыв к пробуждению. Сон даёт понять, что по этим коридорам блуждать бесполезно, он посылает «шифровку», которая создаёт неуютность, призывая тем самым вырваться из сна.

Ещё о призывах к пробуждению. Бывает, что я хочу в туалет и начинаю видеть всевозможные неудобные туалеты. Во-первых, это всегда общественные туалеты. В-вторых, это неудобные туалеты. Например, высокие, под самый потолок, где надо усесться на корточки, а голова всё равно чуть ли не упирается в потолок. В-третьих, там всегда грязно, пол залит жижей, похожей на растаявший снег (ещё густоватый, ещё с комьями, но уже лужи).

И ещё бывают помещения, где много узких дверей. Это даже не двери, а створки высоких ящиков-ячеек. Человек не спрячется за такими дверцами. Но во сне эти створки распахиваются (обычно они помятые, неровные), и выходят оттуда люди. Сегодня вся стена распахнулась разом: двадцать, тридцать, сорок — сколько их было, этих створок? И оттуда начали выходить люди. Как из заводских ворот

в конце рабочего дня — лавина. И я пошёл со всеми, побежал, скользя по мокрому полу. И видел рисунок на кафельном полу: багровые вензеля на красно-коричневом фоне. И по всему полу тянется раздавленный грязный снег. Скользко.

Октябрь 2012

Проваливаться в сон или погружаться в него постепенно, наблюдая за изменением реальности...

Возникла в моей глубине картинка и стала медленно приближаться, заслонив в конце концов всё, выдавив только что окружавший меня внешний мир, заменив его собой. Затем что-то во внешнем мире щёлкнуло громко и спугнуло навалившуюся на меня картину. Она отдёрнулась, отдалилась, застыла, и я понял, что она только что была живая: не картина была, не фотография, а жизнь. Но теперь она превратилась в открытку, небольшую картонную открытку. Грубый картон, плотные края. Неподвижное изображение... И вот эта открытка опять начала увеличиваться в размерах, изображение сделалось выпуклым. Через несколько мгновений уже не открытка передо мной, а я — часть этой пробудившейся от неподвижности открытки, часть незаметно ожившей картины. Она превратилась в колодец, утянула меня в свою глубину, куда можно погружаться бесконечно. И сон стал полноправной жизнью.

Август 2013

Пару ночей назад видел плохой сон, где матушка завела себе кошек (нечто между сиамскими кошками и гепардами). Они разгуливали по квартире и били сильными струями мочи по стенам. А потом во сне матушка разбила унитаз. Вода залила по щиколотку, и всюду плавало дерьмо. Я что-то кричал матери, а она только пожимала плечами. Помню, я схватил её за лицо, за щёки, а потом за горло. Она — бледная и какая-то бесчувственная, как кукла. Мне сделалось не по себе. Белая кожа, смятая мелкими складками.

На следующий день мать показала мне на отслаивающиеся на кухне две плитки на стене. Давай, говорит, снимем их, чтобы не упали и не разбились. Я ей в ответ про ремонт: «Хватит заплатки ставить, пора делать нормальный ремонт. Всё разваливается. Трубы на верёвочках висят, а где-то досочки подложены». А она: «После моей смерти ремонт сделаете». Не выдержал я, рявкнул: «Ты позже нас умрёшь!», хотел добавить, что мне хотелось бы пожить оставшиеся мне годы не к хлеву, а в чистой квартире, но не сказал.

Ноябрь 2013

Снился Шебаршин. Я был у него в гостях, в Дели. Первый раз сон такого рода. Прежде никого знакомых не было в индийских снах. Он приглашал меня приезжать ещё, а я рассказывал ему о моих снах, в которых я езжу в Индию. Он приглашал и говорил, что всё устроит. Такой вот такой любопытный сон. В нём, похоже, собралось много всякого сразу. И то, что Леонид Владимирович сказал, что «всё устроит», соответствует моим «надеждам» на него. Я всегда ждал, что он поможет, не бросит. И вот оно даже в сон просочилось. И не в какой-то сон, а в индийский. Индия — это моё детство. Счастливое время. Оно было полно забот, но была в детстве важная составляющая — гарантия. Крыша и еда были гарантированы всегда. Неприятностей хватало, но счастья было больше. И гарантия, о которой я написал, усиливала это счастье.

Июнь 2014

Видел во сне окровавленное ухо. Кто-то дал мне в руки ножницы и сказал, что ухо необходимо разрезать. Я не смог, кто-то сделал это за меня: вставил ножницы в ушную раковину и разрезал ухо снизу вверх. Неприятный сон.

Сентябрь 2014

Сегодня мать сказала, что вторую ночь подряд видит Индию: «Это даже не сон, потому что я просыпаюсь, а Индия остаётся, она прямо здесь». Слова записываю приблизительно, потому что мысли она выражает теперь совсем плохо. Третий день спит, просыпаясь совсем ненадолго.

Ноябрь 2014

Сегодня во сне ко мне приходили какие-то зверьки.

Я проснулся от того, что кто-то покусывал меня в левый угол рта, за нижнюю губу. Проснулся и увидел их. Но проснулся во сне. То есть мне снилось, что я сплю, и я проснулся внутри моего сна.

Этих зверьков было много. Они похожи шкуркой на выдру, но мордочка остренькая. Они копошились вокруг меня, залезали ко мне на руки, а один из этих зверьков всё норовил куснуть меня, но кусал не больно, а как бы играл (заигрывал, может быть?)...

Июнь 2015

Сегодня плохо спал. То недолгое время, когда я проваливался в сон, я бродил с отрубленной головой белого медведя. Мокрая от крови шерсть перепачкала мою рубашу. Голова медведя иногда пыталась кусаться.

В это же время Ю видела во сне нашу кошку. Кошка плакала. Странные сны.

Сентябрь 2015

Сегодня Ю рассказала жуткий сон. Помню мало.

К ней приставала моя мать, вернувшаяся из больницы. Мать привела с собой много людей, все какие-то инвалиды, не способные передвигаться. Они как-то надоедали Ю. Что-то плохое делали. Ю хотела убежать, но увидела, что весь потолок набух от крови и вот-вот лопнет. Она выбежала из квартиры и вдруг услышала, как кто-то из инвалидов говорит: «Она поверила. Теперь мы с ней разделяемся». Тогда Ю вернулась в квартиру и стала проверять потолок. Обнаружила, что кровь не настоящая, что это декоративная бумага. Что-то ещё дальше было, какие-то разоблачения.

Меня удивила подробность сна. Раньше я так помнил сны — в деталях и часто от начала до конца, теперь совсем не помню. Ю тоже удивилась этому. Рассказывала спокойно, без чувств, словно далёкий фильм.

Апрель 2016

В дневнике Анаис мелькнула какая-то мысль, позволившая мне увидеть мои чувства в «облике» гигантской волны. Эта волна захлёстывала меня на протяжении моей жизни, но я не всегда умел насладиться моими чувствами. Только сейчас я осознал это. Любое сильное чувство было ураганом, но у меня не получалось полноценно насадиться им, как можно насладиться отдельной ягодкой. Чувства пьянили, вздували грудь, мутили зрение, наполняли дрожью тело, нарушали дыхание и т. п. Они проявлялись всевозможными способами на физическом уровне, но все эти проявления лишь разрушали меня, сжигали. Только сейчас я обнаружил, что те чувства надо было уметь останавливать, переводить их в иное качество, как бы брать их в руки. Из необъятного выбора разных удовольствий, я, например, умел наслаждаться по-настоящему только водой: лежать в ней или сидеть под струями дождя или под душем. В воде я растворялся. Я наслаждался каждым мгновением. В определённом смысле я погружался в сон, находясь в объятиях воды.

Но почему только это? А радость, печаль, ожидание встречи? Всё это было могучей волной, иногда — ураганом. Они сметали меня, подминали под себя, властвовали надо мной, словно демоны использовали меня, пили мои чувства, отнимая их у меня, лишая полноты момента, а меня оставляли пустым. Сначала — натиск, сумасшествие (сладкое или горькое), пламя внутри, а затем — опустошение.

Надо срочно научиться останавливать момент, чтобы чувства стали полными. Иначе даже музыка проскакивает сквозь меня, не затрагивая никаких струн. Во время последнего концерта Большого Джазового Оркестра я ощутил это с пугающей ясностью. Что происходит?

И вот словно в подтверждение моих мыслей вижу у Анаис: «Я тоскую по истинным восторгам, восторгам от только что написанного, только что прочитанного, по экстазу музыки, философии, созерцания».

Май 2016

Подростком я часто видел сон, в котором у меня росла борода. Мне снилась даже не столько борода, а то, как я нащупываю её на моём лице, удивляюсь незнакомому ощущению волос на коже. Откуда приходили ощущения, никогда не испытанные в действительности? Ведь щетина и борода другого человека чувствуются совсем не так, как мои собственные. А снились-то ощущения собственных волос на лице.

Август 2016

Шершено. Нас отвезла туда Нина на своей машине. Был и Том. Много мусора в доме, участок зарос, как джунгли, выкосить всю траву не удалось, мои силы иссякли. Как всегда, Ю разгребала хлам в комнатах, которые Виктор Александрович умеет завалить как никто другой.

На третью ночь случилось со мной состояние, не поддающееся описанию. Среди ночи я проснулся, потому что некая сила начала всасывать меня в какое-то пространство. Мне казалось, что пространство похоже на узор, напоминающий знак бесконечности. Узор этот также напоминал глаза, но не просто глаза, а глаза изнутри, будто меня через какую-то воронку затянуло в эти глаза, как в пробирку. И выхода оттуда не было.

Это не объяснить словами. Такого ужаса я не испытывал никогда. Я широко открывал глаза, чтобы оторваться от того «изображения», но в комнате было так темно, что я даже решил, что потерял зрение,

поэтому открывай, не открывай глаза, это не помогало. На четвереньках я добрался до окна, отодвинул занавеску и различил едва уловимый свет ночного неба. Меня сильно клонило в сон, но едва я закрывал глаза, я тотчас погружался в напугавшее меня неведомое пространство. Я всем телом ощущал, как меня затягивало туда.

Нет, словами не рассказать.

Думаю, что я видел Карму, её необъяснимость. Почему так решил, не знаю. Просто понял. Ничей голос не сказал сквозь гром и молнию, что ощущаемое мной — это Карма. В те минуты я думал, что я вижу просто бредовый кошмар, который тащит меня прямёхонько к сумасшествию. Я говорю про «узоры», «глаза», «пробирки», но в действительности не было ничего этого. А было состояние, не поддающееся разуму. И только сейчас я внезапно осознал, что символы и все качества увиденного и испытанного — это Карма. То, что я испытал и увидел, невозможно передать словами. Я попытался рассказать это Ю, но у меня не получилось. Нужно много мазать красками, кричать, рыдать, читать стихи, петь, блевать, биться головой, дабы создать хотя бы подобие того состояния, но всё равно не получится. Наверное, текст Апокалипсиса составлялся подобным образом — из попыток передать увиденное «необъятными» картинками и фрагментами из священных текстов, которые хотя бы приблизительно скажут что-то, хотя бы намекнут, создадут непонятную картину, напитанную ощущениями. Ведь ощущение невозможно передать словами. Я всё ещё слышу и вижу «тени» того, что было со мной. И я благодарю Бога за то, что мне удалось вырваться из того состояния. Разум не способен воспринять ту картину бесконечности и безвыходности из «колбы» пространства. Страшно. Настолько страшно, что хочется мгновенно умереть. Ни света, ни тьмы, только затягивающая бесконечность. Там нет человека. Там нет ничего. Кольцо. Спираль. Воронка. Пожирающая вечность.

Сейчас не страшно, но я боюсь, что не выдержу, если вдруг это повторится, потому что я был беспомощен. От меня как бы ничего не осталось в те минуты. А главное — всё происходило не здесь, а где-то в ином мире, и там невозможно проснуться и стряхнуть с себя неприятные ощущения. Там нет ни движений, ни мыслей, там нет ничего, что имеет отношение к человеку. Там всё по-другому. Там неведомая сила делает что-то с сознанием. Там переплавливается сознание, и я не могу повлиять на это, потому что меня там нет, вместо меня есть какая-то текучая субстанция, которая мчится куда-то, как по канализационной трубе. И никакого движения в обратную сторону,

только туда, где всё вывернуто. Меня пожирала, заглатывала бесконечность. При этом бесконечность была маленькой, словно пробирка. Как это всё объяснить? Как нарисовать? Как выразить? Да и нужно ли? Нужно ли пугать других?

Сентябрь 2016

Из всех людей мне чаще всех снится мать. Обычно её появление вызывает недоумение и растерянность, ведь она умерла, я знаю это. Недоумение связано с тем, как быть с ней: у неё нет никаких документов, а растерянность из-за того, что я не представляю, как объяснить ей, что она умерла. Но в этот раз ничего этого не было, я была попытка во сне разобраться, что мне снится, а что происходит в действительности: если она жива, то откуда во мне столько подробных воспоминаний о её смерти (правда, в воспоминаниях внутри моего сна мать была похоронена в могилу, а не кремирована). Я сравнивал мои впечатления, пытался проанализировать, что внутри сна есть сон, а что внутри сна — явь. Сложное состояние души.

Почему мать снится мне?

Часто думаю о её смерти. О её страданиях в последние месяцы жизни.

Раньше мне мешала боль моей беспомощности: я не мог облегчить её мучения. Теперь этой боли нет, но сострадание всё равно осталось. Сострадание к умирающему в мучениях человеку. Хорош этот человек или плох, не имеет значения. Страдания моей матери повергли меня в ужас.

В этой связи меня вдруг «сдавил» вопрос. Если бы мне был предложен выбор: избавить мать от страданий, избавив от болезни и тем самым вернув к выздоровлению, или же избавить её от страданий быстрой смертью, что бы я выбрал? Я не желал её смерти, но я не хотел её выздоровления. Я устал от неё. Но не хотеть выздоровления — это и есть желать смерти. И получается, что я хотел её смерти. Стоя перед иконами в церкви, я просил избавить мать от страданий, но её выздоровления я не хотел. Значит, молил о её скорейшей смерти.

Декабрь 2016

Опять видел сон, где я ходил по улочкам моего делийского городка. И опять там не было никаких людей. И вот что странно: я был один, но рассказывал кому-то, что всегда во сне эти улицы безлюдны. То есть я помнил про эти сны, но не понимал, что я опять вижу тот же сон.

Апрель 2017

Присутствие смерти. Такое ощущение, что я сплю в её объятиях, она нежно убаюкивает меня. Никаких страхов, никаких сожалений, никаких предчувствий. Только одно — обволакивание сном. Хочется погрузиться в тёплую ванну и уснуть там, как спит младенец в материнском чреве. Кажется, что лишь закрою глаза и не проснусь больше, усну навсегда. И не останется здесь никаких незавершённых дел, потому что у меня нет никаких дел. И не тревожит гамлетовский вопрос: «Но что за сны увидим в смертном сне?», ничто не тревожит.

Возникающие желания (как, например, острое вчерашнее — срочно научиться танцевать танго и кружить, кружить, кружить по залу, по гладкому полу) похожи на прощальный крик, который никто не слышит. Будто оставшиеся во мне силы хотят сконцентрироваться в последнем прыжке, выплеснуться каким-нибудь сальто-мортале, чтобы красиво и чтобы с удовольствием. И вчерашнее желание сделать фильм — такое же: «протанцевать» этот фильм, прокружиться в нём всеми моими чувствами и мыслями, обняв весь мир, расцеловав саму жизнь. Не сдерживаться, позволить себе то, что ещё не позволял, и так, как не позволял никогда прежде. И после этого упасть без сил и провалиться в тот самый сон, который засасывает меня всё глубже. Исчезнуть.

Быть может, отсюда у меня проистекают желания, связанные с женщинами: много женщин, обнажённых женщин вокруг меня, и всех я могу любить, каждую, в любую минуту. Они — красота жизни, они — сама жизнь. Утонуть в них, раствориться в этой жизни, излить себя без остатка, разложиться на атомы в этой женской природе так, чтобы получилось не только тело в теле, но картина в картина, скульптура в скульптуре, музыка в музыке. Моё тотальное проникновение во всё вокруг.

Всё, что сдерживалось во мне «правилами приличия», «воспитанностью», должно вырваться на свободу. Как сбросить тесную и грязную одежду с воспалённого тела. Освободиться. Взлететь. Пусть это будет коротко, но тотально.

Только вот не хватает сил даже на то, чтобы собраться для такого «прыжка», сгруппироваться, а уж про сам прыжок не говорю. Вопрос в том, каких сил не хватает — физических или духовных. Боюсь, что теперь уже не о физических силах речь, что дело гораздо хуже. Эмоционально я взлетаю слишком уж ненадолго. Этого взлёта мне не хватает на то, чтобы предпринять какие-либо конкретные шаги. Будет, конечно, прогулка с Никитой Брусиловским, будет и поездка

на море и, быть может, на очередной горнолыжный курорт. Но разве это — оно? Разве это хоть в самой малости похоже на то, чего жаждет моё сердце и чего я не могу выразить ни словами, ни делами?

Сегодня был сон с музыкой. Или о музыке.

Я слушал Первый концерт Чайковского.

Я шёл по коридору какого-то гигантского круглого здания, и до меня доносился шум. Проходя мимо очереди дверей, я вдруг понял, что это не совсем шум. Прямо, как в фильме «Сталкер». Сквозь стук паровозных колёс пробивается мелодия, но её трудно различить, она никак не угадывается, всё шум и шум.

Так и в моём сне. Музыка пробивалась, но никак не могла пробиться. Вокруг меня что-то невыносимо шумело, хотя источника этого шума я не мог понять.

Тогда я рванул первую дверь и увидел концертный зал. Огромный, необъятный. Видимо, он располагался внутри круглого здания, которое я обходил по коридору. В зале не было слушателей, там всюду сидели музыканты — море музыкантов. И звучала музыка Чайковского. Необыкновенный звук!

Когда я слышу музыку в моих снах, она всегда неземная. Даже самая простенькая мелодия звучит божественно. Она наполняет не только каждую клетку моего тела, но и каждый атом окружающего мира.

Я плохо помню, что было дальше, но позже я спустился каким-то образом вниз. Музыканты улыбались мне, кивали, некоторые приветствовали меня, помахивая смычками.

За дирижёрским пультом стоял голый человек. Он был плохо виден — как бы замутнён компьютерным спецэффектом. Он вытянул руки в стороны и был похож на крест. Только кисти рук мягко двигались, управляя музыкой. Музыка будто прилипала к его рукам, и он то надавливал на неё, то отпускал.

Я обошёл дирижёра вокруг и увидел, что по нему струится кровь. Он весь был покрыт кровью. Она вязко текла с его головы. И кровь была музыкой. Это не была музыка Чайковского, это не была тема Первого концерта, который наполнял воздух. Это была какая-то совсем другая музыка, ещё более торжественная и могучая. Но она необъяснимым образом соединялась с музыкой Чайковского.

Сон невозможно пересказать, никакие слова не помогут передать пережитое там, в его сказочных пространствах.

Но самое главное — я так и не смог разглядеть дирижёра. Пытаясь

сфокусировать на нём взгляд, я не мог сделать этого, резкость не приходила. Он был как бы за мутным стеклом, однако когда он поднял на меня глаза, я их увидел ясно. И меня пробрала дрожь, потому что я увидел Иисуса.

В этот момент я проснулся. Комната вся качалась — это кружилась моя голова. Мне казалось, что тело взорвётся от кипевшей во мне музыки, от переизбытка чувств.

Долго не мог успокоиться.

Июнь 2017

Сегодня проснулся, цепляясь за отголоски невероятно сложных снов. Всякий раз, когда хочу восстановить в памяти сны, ничего не получается. В лучшем случае удаётся восстановить отдельные картины, даже не сцены, а лишь картины, кадры. Сны отличаются от кино отсутствием «человеческой» логики. Невозможно, вспомнив одну сцену сна, распутывать весь клубок сюжета, потому что сюжета нет. Во сне происходит нечто такое, что не имеет названия, если говорить, например, об искусстве. Сон наполнен ощущениями, чувствами, изображением, которые лишь «внешне» (если так можно сказать о чувствах) похожи на то, что мы испытываем и делаем в жизни, вне сна.

Сегодня я подумал, что наша жизнь есть отдых от сна. Мозг не перестаёт работать ни в состоянии сна, ни в состоянии бодрствования, но в состоянии бодрствования наши мысли подчинены логике, а во сне логика отсутствует. Во сне легко можно узнать знакомого человека под личиной другого человека или под личиной зверя. Можно легко услышать мысли окружающих предметов. Можно без усилий менять собственную форму. Сегодня ночью я проникал в какие-то не то скважины, не то расщелины, не то коридоры (некоторые были в необъятной для глаз снежной стене, другие были вообще все всякой материи) и через них получал возможность выйти как бы в иное пространство, но при этом остаться в собственном теле, одновременно смотреть на своё тело со стороны (но не с воздуха смотреть, не из космоса, а из другого своего тела). Точнее сформулировать не могу.

Во сне есть всё. Во сне нам доступны любые возможности, самые непостижимые, самые невообразимые. Если черпать откуда-то «сюрреалистические» образы и ситуации, то это из снов. Однако весь сюрреализм, вся сказочность, вся небывальщина держится во сне всё же на привычных образах — снег, тело, улица, город, безлюдность,

то есть мы погружены как бы в привычную декорацию, однако эта декорация существует по законам, которых мы не знаем. В жизни бодрствующего человека таких законов нет. Случись с человеком в момент бодрствования то, что происходит во сне, человек бы сошёл с ума. Но во сне мы не сходим с ума. Во сне всё для нас «само собой разумеется». Мы летаем, мы проходим сквозь стены, мы проникаем в чужие тела, мы живём на иных планетах — и это всё «само собой разумеется». Во сне мы редко удивляемся.

Моё самое большое удивление связано с появлением умершего отца и умершей матери. Удивляло не то, что они вчера умерли, а сегодня вновь ожили, но то, что я не знаю, как им объяснить, что они вчера умерли. Сам факт их «воскресения» не удивляет. Значит, это не удивление, а попытка мозга вписать мир сновидения в отголоски мыслей из жизни-бодрствования.

Нет ни одного произведения искусства, которое воздействовало бы так сильно, как сон. Нет гениев, создавших хотя бы нечто приблизительно равное по силе и глубине. Нечто более сильное, чем мысль и чувство, сокрыто во сне. Непостижимое величие материи, из которой созданы мы все.

Человек создаёт понятное, человек хочет быть понят, поэтому разжёвывает так и сяк свои чувства и мысли, чтобы донести их до публики. А сон ничего не разжёвывает, он просто делает нас частью себя, превращает меня в ту материю, которой он является, поэтому мы во сне — в естественной среде, нам не требуются пояснения, мы всё понимаем. Но едва мы пробуждаемся, как понимание исчезает. Состояние бодрствования сильно ограничивает нас.

Август 2017

Странный сон был. Восстановить его не получится даже частично. Во сне было ощущение и понимание, что я вижу моё будущее, которого не может быть. Оно есть, но его не может быть. Как это объяснить? Точнее говоря, я видел я не само будущее, не линию жизни, а момент, от которого это будущее должно начаться. Единственное, что я запомнил — девушка, стоящая на коленях передо мной. Она голая. Я приближаюсь к ней, сажусь на корточки и обнимаю. Никакого влечения. Просто обнимаю и успокаиваю. Помню её плечо и ключицу. Всё происходит в нашей квартире, в большой комнате. Бывает кожа влажная, бывает сухая, у некоторых она горячая. У этой девушки кожа была будто присыпанная тальком. Никакого сцепления с моей кожей. Необыкновенная гладкость.

Тёплый мрамор, присыпанный тальком. Она — не живая плоть, но она была живая. Этого не передать словами. Наверное, таким мог быть человек, сошедший с экрана (как это случилось в «Пурпурной розе Каира») — он живой, осязаемый, но не имеет ни запахов, ни всего другого, чем отличается человеческая плоть.

Декабрь 2017

Сегодня был сон. Я мчался на каком-то грузовике по узким улочкам, сидели небольшой компанией в какой-то квартире на полу, были девушки (школьницы-старшеклассницы или студентки-первокурсницы, теперь я не отличу одних от других). Затем мы опять куда-то ехали, и одна из девушек легла со мной в постель — нежная, гладкая, голая. Я обнимал её, но ничего не испытывал, никаких желаний. Такого не могло быть даже во сне, но такое было.

Сразу вспомнился давний сон, в котором я занимался сексом с какой-то девицей. В помещении было темно, красно, душно, тесно — какой-то вязкий и липкий воздух. Её тело было мокрое от пота. Жуткий, безостановочный, головокружительный секс, а меня сверлила мысль, что я изменяю Ю и что в моей любовнице сидит какая-то венерическая зараза. Я занимался сексом, и ужас одолевал меня от мыслей о болезни. Но я не мог остановиться, меня как будто в воронку затягивало. Случалось и раньше, что во сне секс доставлял сказочное удовольствие, не сравнимое с тем, что происходит в действительности, однако в том удушающем сне удовольствия не было, была безудержная тяга к незнакомой девице, адское колдовство.

Сегодня было по-другому: девушка лежала на мне, скользила по мне, как лёгкая кошечка, ворковала о чём-то, я гладил её всюду, но во мне ничто не шевельнулось. Лёгкая товарищеская атмосфера, но елозила девчонка по мне совсем не по-товарищески. И я ничего не чувствовал, будто её не было рядом, будто её шелковистая кожа и длинные волосы не скользили по моему телу. И меня это не удивляло, словно только так и можно проводить время в постели с симпатичной девушкой.

Смотрели какой-то фильм, и там промелькнула сцена супружеской измены. Сначала я даже не обратил на неё внимания, но через некоторое время почувствовал, что меня беспокоит нечто неприятное внутри, в памяти. Включил внутренний локатор, прошупал мысли и обнаружил, что меня тревожит воспоминание о той женщине,

с которой я однажды занимался сексом. И только через несколько секунд осознал, что это не воспоминание, а тот самый сон, про который я написал здесь вчера. Сон вгрызся в память, как действительно произошедшее событие. И так бывало уже не раз — что-то бередит, пытается вылезти из прошлого, напомнить о себе, а потом, когда формулируется окончательно, становится ясно, что это воспоминания о сне, не о жизни. Время всё чаще совмещает их в одной плоскости. В детстве такое тоже случалось, но не пугало меня, а теперь пугает. Так можно вообще спутать реальности.

Октябрь 2018

Приснилась Ира Губанова. Я видел её в институте, будучи студентом третьего курса, а она была на первом. До этого дружил с ней в раннем детстве. Между нами не сохранилось никаких отношений, и вот она вдруг приснилась. Ира заговорила со мной так, будто мы не разлучались никогда и все годы оставались близкими друзьями. Это чувствовалось во всём: в словах, интонациях, взгляде. А я смотрел на неё и думал: «Она перепутала меня с кем-то, приняла за другого. Мы же не знаем друг друга, чтобы *вот так* разговаривать». Меня давило недоумение.

Откуда такой сон? Что за игры подсознания? За какие невидимые ответвления чувств и мыслей оно зацепилось и создало этот сон? Беспричинный сон.

Сегодня опять видел сон, где фигурирует общественный туалет. Это из категории «повторяющихся» снов. Повторяются не место действия, не ситуации, а некая «идея» ситуации, «идея» места, «идея» события. Общественные туалеты я вижу во сне такими, какие мне никогда не встречались. Там загажено всё: стены, пол, унитазы. Чаще всего унитазов там вообще нет. Есть кабинки, но унитазы отсутствуют. Нередко кабинки отделены от остального пространства тонкой занавеской. Нигде нет умывальников. И почти всегда в мужском туалете находятся женщины. Обычно места для испражнений размещаются где-то под самым потолком, там невозможно устроиться. В сегодняшнем сне я нашёл какой-то желобок в полу, встал над ним и понял, что нахожусь на гряде кирпичей, цемента и кафельных плиток, метра на полтора выше пола. И опять всюду серо-коричневая, скользкая грязь. Эти сны призывают меня проснуться. Сегодня я зашёл в этот ужасный туалет и понял, что я уже бывал там. Но после сна я также понял, что этот не какой-то конкретный обосранный

сортир, а просто образ. Такие же во сне образы дворцов и квартир, «где я бывал уже не раз». Они узнаваемы, но на самом деле я никогда там не бывал, потому что их просто нет. Однако мозг посылает сигнал «узнаваемости».

Довольно отвратительная игра подсознания, если принимать её близко к сердцу.

Нашёл в тетради недавнюю запись о таком сне:

Я возвращался домой. Навстречу выбежала соседка: «У вас за дверью что-то сильно скреблось, но я ничего не могла сделать». Открыл дверь, меня встретила собака-овчарка, у неё забинтован глаз, она стала тыкаться в меня мордой и облизывать меня. Из соседней комнаты, в приоткрытую дверь попыталась прошмыгнуть к нам кошка. Я испугался, что может начаться драка, и принялся выталкивать кошку. Собака начала жаловаться мне: «Все тут любят её (кошку), говорят её, что она хорошая, а она мне морду и глаз расцарапала» и т. д. Я успокаивал собаку, разговаривал с ней ласково, поглаживал её, прижимал к себе.

Когда сон закончился (словно киносеанс), я успел ухватить ощущение: собака не говорила со мной человеческим языком, а только скулила, но я прекрасно понимал её: все слова были человечески.

Как удивительно, что есть некий (пусть и очень короткий) отрезок времени, когда сосуществуют два состояния сознания (понимание речи собаки и понимание того, что она просто скулит, а не по-человечьи говорит). Наверняка есть возможность продлить это состояние и даже сделать его постоянным.

Октябрь 2019

Недавно видел сон, который не записал сразу, но даже если бы взялся сразу, то всё равно не смог бы рассказать его. Я видел, как вокруг разговаривали люди, они наполняли пространство словами, и слова были разных геометрических форм — квадратные, ромбовидные, треугольные, но больше четырёхугольные. Они были разного объёма: некоторые толстые, как куб, некоторые почти плоские. Я видел, что люди произносят слова, но слова не имеют смысла, они — просто формы. Этого не объяснить. Я удалялся, и чем дальше отлетал, тем меньше становились различимы отдельные формы, они словно впитывались в пространство, были немного похожи на детали непонятного пазла, вроде бы складывались вместе, сливались в единое полотно, но на самом деле они не могли слиться,

потому что были разных размеров и не подходили друг к другу.

Очень выразительный был сон. Самое сильное в нём то, что слова не были звуком, а были формой. И слова были скорее буквами, а не словами.

Март 2020

3 марта. Был сон. Во сне была необъятная кровать, чуть ли не от горизонта до горизонта (такое ощущение). На кровати лежали женщины, много женщин, обнажённые, смеющиеся. И среди них я, тоже смеющийся и тоже без одежды. Состояние беспредельной свободы — такое, будто я сам от горизонта до горизонта распластался телом (хотя это, конечно, не тело было, а дух). Женщины меня целовали, тормошили, перемешивались со мной (не понимаю, как это происходило). Эти объятия были необыкновенны, словно вовсе не тела наши обнимались, а нечто иное, находящееся вне тел. И всё было похоже на воздух, на ветер. Тела — как воздух, пьянящий воздух, сладкий воздух, терпкий воздух.

Проснулся из-за того, что переполнявший меня восторг мог разорвать меня. Ох уж эти сны...

Апрель 2021

Было несколько снов, которые я успел «перехватить» до того, как они исчезли. Уже и раньше я видел «детали», то есть то, из чего состоят сны, но это были разовые явления, а теперь несколько раз подряд (включилась какая-то бдительность, позволяющая «расшифровывать» то, что я вижу во сне). И вывод очень странный: я вижу (мы все видим) вовсе не те образы, которые составляют наш сон. Мы видим какие-то символы, зачастую не имеющие никакого отношения к окончательному «изображению».

Впервые, когда я усомнился в «правильности» изображения, я увидел диалог (то ли мой с кем-то, то вообще посторонний), но я «отлетел» от этого диалога на некоторое расстояние (не знаю, как ещё обозначить для понимания это состояние, поэтому пишу «отлетел»), и увидел, как слова, которые только что были точными и понятными, превратились в какие-то чёрточки, и чем дальше я отлетал, тем более бессмысленным становился диалог. Вернее, он перестал быть диалогом сразу и стал превращаться в некий «мокрый песок», из которого лепились какие-то «фигурки», а дальше это всё превращалось просто в набрызг точек и чёрточек. Но если я каким-то образом возвращался в прежнее, только что утерянное состояние, то весь этот абсурд

приобретал «смысл», и я успевал считать его... Сюжет не был сюжетом, а были только какие-то «эмоциональные» точки, россыпи точек, но сюжет легко «выдумывался», опираясь на эти точки. Вполне возможно, что сюжет мог «развиваться» не только в этом направлении, но и в каком-то ином, потому что каждая «эмоция» тех точек, думаю, могла иметь тысячи вариантов своего визуального (иначе говоря, сюжетного и смыслового) проявления.

После первого случая «озарения», произошедшего некоторое время назад, я несколько раз подряд увидел нечто похожее, что привело меня к мысли (ощущению), что всё видимое является таким же обманом, как и сон. Мы привыкли видеть конкретные формы, но не видим, что скрывается за этими формами. Несколько раз видел сны, действие которых воспринималось, как вполне «логичный» сюжет, хотя многое было абсурдным (я видел отца, но знал, что это вовсе не мой отец и т.п.), однако когда при пробуждении мне удавалось ухватить «хвостик» сна, когда только что виденное успевало предстать в «подлинном виде» тех самых «эмоциональных точек», мне открывался обман только что представших предо мной картин, как если бы на киносъёмках оператор отвёл камеру в сторону и показал декорацию, осветительные приборы и всю киносъёмочную группу, что привело бы к разрушению «подлинности» только инсценированных событий и превратило бы их в нечто принципиально другое по форме и содержанию. Впрочем, это сравнение не отражает сути того, что я видел. В моём случае это не так, я видел иное. Я видел, как изображение внезапно превращалось в то, что можно сегодняшним языком назвать словом «пиксели», хотя это вовсе не пиксели, а некая «компьютерная графика», не имеющая ничего общего с компьютерами...

Нет, всё, что я помнил до настоящего момента, уже ушло. У меня не получается объяснить это. Жаль. Наверное, точно так невозможно объяснить саму жизнь.

Единственное, что я могу написать с уверенностью, — жизнь не есть то, что мы видим.

То, как я увидел «составной материал» снов, принципиально отличается от того, что видит глаз человека, удаляясь от поверхности земли: сначала видна трава, затем она перестаёт различаться, видны деревья, затем — пятна полей и лесов, затем детали скрадываются ещё сильнее, всё обобщается, и в конце концов глаз видит круглую планету. Но это целостный объект. Не происходит разъятия на бессмысленные куски, не происходит разрушения цельности. А то, из чего «состоят»

мои сны, — хаос. Удаляясь от «поверхности» сна, я вижу, как исчезает сначала внятность, затем и цельность.

Получается, что в плотную материю можно погружаться сколько угодно далеко, и будут открываться всё новые и новые частицы, из которых состоит эта материя. А если удаляться от этих частиц, то они соединяются в цельное тело. Сколько не удаляйся, плотность тела будет лишь усиливаться, потому что составных частиц будет больше и больше. Но в тонком мире всё наоборот: чем дальше от материи, тем больше она разъединяется, распадается на какие-то немыслимые, бесформенные куски, никак не связанные друг с другом, а затем я выхожу из этой хаотичной, безостановочной, подвижной материи в плотную и вижу себя в человеческом теле.

Июль 2021

Вчера видел сон: у меня отвалились с зубов почти все коронки, упали на землю, я ползал на четвереньках, искал их, иногда подбирал какие-то битые куски пластмассы вместо моих зубных коронок. Вот какое сильное воздействие на психику оказала на меня расцементированная коронка. Страх? Да, теперь есть боязнь того, что это может повториться. Такой страх никогда не был мне свойственен, я мог запросто удалить зуб, понимая, что на его месте будет зиять чёрная дыра, но теперь вдруг поселился во мне этот страх из-за зубов.

Ноябрь 2021

Ю рассказала, что несколько ночей подряд ей снился один и тот же сон: какие-то полки и свет, и она должна была разложить себя по этим полочкам и то ли стать светом, то ли приобрести какое-то ещё качество, связанное со светом. Она не могла внятно рассказать эти сны, повторявшиеся на протяжении всей ночи и несколько суток подряд.

Затем, уже когда шла на поправку, Ю видела сон, в котором должна была стать открыткой (или улечься в эту открытку и уснуть в ней). Опять это очень схематичный пересказ, и я понимаю, что передать словами такое невозможно.

А вот какие сны преследовали меня, когда я всё-таки стал терять силы и куда-то проваливаться. Первые две ночи меня мучила одна и та же картинка, она никуда не девалась, назойливо висела передо мной. Я видел нечто вроде фантиков или мелких клочков бумаги, которые были вовсе не бумагой, а временем, протяжённостью то ли

10 секунд, то ли 10 минут. Или одиннадцать. Я должен был каким-то образом уснуть в этих фантиках и стать этим временем. Но едва я укладывался в клочок бумаги, как на меня «набрасывался» другой клочок, а первый словно исчезал. Всю ночь продолжалось это истязание. Две ночи подряд. На третью ночь мне стали сниться квадратные листы бумаги (нечто вроде открыток), на которых было изображено что-то мокрое (тонюсенькая тряпочка или бумажная салфетка) белого цвета, которую я пытался разгладить руками внутри изображения. Подробнее не могу вспомнить. И так всю ночь — разглаживание и усталость от этого.

Апрель 2022

Сон про секс. Наверное, сон навеян словами Райского из «Обрыва» о наслаждении женской красотой. Не прямое влияние, но всё-таки маленький камешек пустил круги по воде, и они, эти круги, затронули моё физическое состояние (влечение к женщинам).

Что было в том сне, точно не помню, но я был с женщиной, мы как-то причудливо обнимались, и не успел я проникнуть в неё, как из меня потекло, почти сразу. После этого я с кем-то разговаривал о том, что моё сексуальное возбуждение приходит быстро, но на короткое время. Душевное возбуждение не успевает возникнуть, а физическое уже исчезает. Весь разговор был построен каким-то образом на изображениях, но не могу объяснить, как это было. Слова были изображением.

Тема разговора вполне актуальна. Чем дальше, тем отчётливее я вижу, как моё возбуждение становится неуёмнее, но оно кратковременно, оно не успевает заполнить мозг и тело остаётся «без поддержки». Меня это огорчает, потому что всякий раз при возбуждении я не успеваю войти в то физическое состояние, когда тело готово вступить в сексуальную игру. Я угаसाю, не успев зажечься.

Июнь 2022

Недавно меня разбудил телефонный звонок во сне. Такие телефонные звонки начали звучать у меня в голове, когда Ю впервые попала в больницу. Я приезжал домой, выпивал много водки и крепко засыпал, потому что в больнице сон был слишком чуткий (я слышал даже, как тараканы бегали по прикроватной тумбочке). Возможно, с тех пор мой сон испорчен постоянной работой «локатора» внутри меня, меня будит малейший шорох, тихий прохожий за окном, даже шум дождя мешает.

Первые несколько раз я принимал телефонные звонки за реальные. Они были звонкие, пронзительные. Я дважды бросался к телефону и даже успевал поднять трубку, но там звучали прерывистые гудки. Затем я понял, что звонки звучали во сне. Бесспорно это стало, когда старый дисковый телефон я поменял на кнопочный, а будил меня прежний звонок старого телефона.

Сейчас я полагаю, что звонок выдёргивал меня из какого-то опасного сна, ведь звонок не был связан с «сюжетом» сна, он просто обрывал его, будил меня. Я просыпался, но сна не помнил совсем. Возможно, звонок выдёргивал меня из состояния, которое могло привести к смерти?

Понемногу эти телефонные звонки прекратились. Но несколько дней назад я проснулся от такого звонка. Опять тот же порыв броситься к телефону. А мы как раз поменяли радио телефон на прежний, который сделан под старину. Такое совпадение. Среди ночи в голове опять раздался телефонный звонок. Что это значит? Что это за звонок?

Июль 2022

5 июля, во вторник утром я потерял сознание. Это случилось без пятнадцати восемь. Пошёл в ванную, в голове был сильный холод, за которым обычно следует предобморочное состояние, поэтому лучше сразу лечь. Я не успел лечь... Шёл и думал, что в таком состоянии я не доеду до массажного салона (у меня на десять утра был намечен сеанс)...

Очнулся на полу в коридоре напротив входа в ванную, дверь туда открыта. Я слышал, как Ю кричала в телефон: «Муж упал, мой муж упал». Слышал это сквозь сон. Возможно, её голос разбудил меня.

Ю рассказала мне, что услышала грохот, позвала меня и, не услышав ответа, побежала в коридор. Я лежал и не дышал. Бледный, спокойный и красивый — так сказала она. Она меня трясла, я не отзывался. Тогда Ю бросилась к телефону, сначала звонила по 01, но это оказалась пожарная служба, она просила их приехать или вызвать скорую, они отказались, велели набрать 03. Наконец дозвонилась в скорую. Вот тут, наверное, я и услышал её слова.

Я поднялся сам, в ушах не свистело, как это обычно бывает после обморока. Было ощущение, что меня выдернули из очень глубокого сна. Я пошёл в спальню, чтобы лечь, и меня увидела Ю. по её словам, она испытала своего рода шок, потому что я был только что мёртв и вдруг ожил.

Врачи скорой приехали через пятнадцать минут. Измерили давление: верхний показатель 60.

Собственно говоря, вот и вся история.

В четверг я сходил на массаж, в субботу мы съездили на Delhi Bazar (Ю сказала, что у неё не покупательное настроение, но купила сыр, рис и поела в индийской кухне, а я купил три вида нашей любимой сухой индийской закуски). Все эти дни Ю пьёт феназепам, не может забыть мою «смерть».

Удивительно, но у меня состояние такое, словно ничего не произошло — ни страшного, ни внезапного. Я просто мгновенно провалился в глубокий-глубокий сон. Удивительно также и то, что Ю, испугавшись во время моей «смерти», не испытывает бурной радости от моего «воскрешения». Она пребывает в состоянии растерянности, граничащего с ужасом, потому что перед её глазами стоит «та» картина.

До смерти всегда два-три шага, если нет тяжёлого заболевания, надолго укладывающего человека в постель и медленно, день ото дня высасывающего силы. Идёт нормальный человек и вдруг чувствует себя плохо, например, головокружение, ощущение духоты, и через два шага лампочка отключается. Никаких предупреждений. Раз — и киноплёнка оборвалась, в кинозале темно, точнее говоря — вообще никак, потому что кинозала больше нет.

Помню, как я потерял сознание первый раз в раннем детстве, когда у меня брали кровь из пальца. Не от вида крови потерял сознание, а от чего-то иного. Очнулся на кушетке в кабинете врача, в ушах звенело. Врачиха спрашивает: «Как ты себя чувствуешь?» А я говорю, что машины едут, шумят, фары мелькают. Такое было впечатление от падения «туда». Второй раз потерял сознание на уроке литературы: как стоял у доски, так и грохнулся на каменный пол лицом вниз. Все перепугались, а позже удивлялись, как это я не разбил лицо. И опять были мелькающие огни и шум автомобилей в голове. Этот шум был каждый раз при потере сознания, а потом (по «возвращении» сюда), в ушах звенело... Когда меня оформляли в интернат, пришлось сдавать кровь из вены (первый опыт такого забора крови), я испугался — игла, вена, шприц наполняется кровью. Впрочем, я не потерял сознание, но был на грани. Мы вышли с мамой на улицу, я держался, но почувствовал, что ко мне «подкатывает», в голове зашумело, она увидела, что я побледнел: «Сядь, наклони голову пониже». Я быстро опустился на корточки, прижался спиной к стене здания, голову опустил, чтобы кровь прилила. Переждали, состояние нормализовалось.

Зная, что на меня плохо влияет забор крови из вены, я по возможности старался избегать этой процедуры. Когда ездил в поликлинику Метрополитена к Муравиной после первого удара ББ, она сразу направила меня сдавать кровь этажом ниже. Я потоптался у дверей лаборатории и не вошёл туда, вернулся к Муравиной. «Не буду сдавать кровь» — «Почему?» — «Боюсь. Обязательно упаду, потеряю сознание». — «Ты попроси, чтобы они тебя положили на кушетку, тогда не потеряешь». Поплёлся в лабораторию снова, объяснил всё медсестре, она уложила меня, взяла кровь, ничего со мной не случилось, голова ничуть не закружилась.

Не раз я испытывал предобморочное состояние, но всегда успевал «схватить» его, остановить. Последний раз это было после нашего возвращения из сочинского санатория в прошлом ноябре, когда мы слегли с ковидом. Мы целыми днями спали, но я поднимался чаще, чем Ю. Один раз пошёл на кухню и почувствовал «то самое» — голова холодеет, тело вот-вот исчезнет; я почти бегом вернулся в спальню и рухнул ничком, успел только шепнуть Ю, что сейчас потеряю сознание. Борьба сознания за то, чтобы остаться «здесь», проявляется у меня в обильном потовыделении (становлюсь мокрый насквозь, как из-под дождя), это своеобразная «ломка» — с одной стороны, я пытаюсь отключиться от этого состояния, закрыть глаза, расслабиться, уснуть, с другой стороны, я всеми силами пытаюсь удержаться «на поверхности», не потерять связь с этим миром. Была потеря сознания в тот раз или не была, не могу сказать, потому что я лежал. Если и была, то лишь на мгновение, но мне помнится, что обошлось.

Январь 2023

Вечером Ю попыталась рассказать свой сон: «Почему не рассказала сразу утром? Теперь совсем ничего не помню. Надо было утром». Во сне она видела себя как труп, к ней подошла какая-то женщина и оторвала ей руку, затем сделала что-то (как бы умылась) и таким образом надела на себя лицо Ю.

Наверное, сон был страшный, но во сне Ю не кричала и не стонала, как случается иногда (из-за чего я просыпаюсь и стараюсь успокоить её; порой она даже не просыпается или просыпается лишь на несколько секунд). Сегодня спала тихо.

Февраль 2023

Сегодняшний сон — сплошная каша из обрывков каких-то сцен, лиц, действий. Не просто из обрывков, а из клочков, выдранных

из другой «материи». Например, был дом, а дверь у него из бумаги, и к сюжету эта бумажная никакого отношения не имела. Я просто увидел, что она бумажная. Телега, перевозившая меня куда-то, имела края, похожие на солнечные батареи, но не настоящие, а какие-то фанерные. И это тоже не имело ни малейшего отношения к действию. То есть создаётся впечатление, что в декорацию нанесли кто что мог, у кого что заваялось, мол, и так сойдёт. И такие же «заплатки» в разговорах — полнейшая абракадабра.

Март 2023

День рождения Ю выдался солнечным вопреки прогнозам Гидромета (обещали плотную облачность, но солнце сияло с раннего утра до позднего вечера). В ночь на двадцатое Ю видела пугающий сон, ей приснилась, что она умирает, свет быстро погас, сжался, словно лучик прожектора. Ю испытала во сне сильный страх, пыталась кричать. Я успокоил её, но забыл об этом и вспомнил только после того, как Ю напомнила мне. А мне казалось, что это случилось пару дней назад. Вот такая каша в голове и в ощущениях.

Опять во сне летал и снимал что-то на кинокамеру. Кинокамера была старенькая, восьмимиллиметровая. Летал, как обычно, легко поднимаясь над землёй. Так сейчас летает коптер. Так всегда в моих снах — летаю легко, без усилий, импульсом мысли/желания отрываясь от земли. Чаще всего во сне я спешу заснять какой-то пейзаж (сельский или городской), озарённый закатным или рассветным солнцем. Это самый удивительный свет.

Проснувшись на мгновение, понимаю, что нигде я не летал, а был это лишь сон. Разочарования и огорчения нет, но есть тяжесть бытия. Летать в действительности не получается. Снимать кино тоже не получается. А сон показывает мне, что это — моя мечта. А несбывшаяся мечта — это тоска, даже если она не выражена словами.

Май 2023

Слушали Рахманинова в концертном зале «Зарядье». Сидели в девятом ряду партера, Звук сильный, я бы сказал, что проникает внутрь головы, но музыка так и не заполнила меня. Обычно мне кажется, что звук недостаточно насыщенный, но здесь всё было, однако оказалось, что звук и музыка — не одно и то же.

Играл Дмитрий Маслеев в сопровождении Московского государственного симфонического оркестра. Оркестр очень мощный.

Хор тоже могучий. Маслеев — виртуоз. Мы как-то смотрели «Энигму» с его участием, и обратили на него внимание. Теперь вот слушали вживую. Во втором отделении исполняли «Колокола». Я вытерпел, но удовольствия, мягко говоря, не получил; «Колокола» для меня — просто шум.

Ночью видел сон с девушкой. Не помню сейчас, кто именно, но какое-то известное лицо, возможно, актриса. Мы с ней лежали в кровати (где-то в тесной комнатёнке, похожей на сарай, куда в любую минуту могли войти люди). Мы вроде бы знакомились то ли перед совместной киносъёмкой, то ли репетировали что-то. Мы обнимались, но предполагалось, что секса у нас не должно быть. Однако у меня напрягся член, и не просто напрягся, а сделался длинным, как палка, и он лежал между мной и девушкой. Мы были одеты, но в то же время я видел её голое тело и моё голое тело. Во сне это нормально, во сне часто совмещается несовместимое, невозможные ситуации там в порядке вещей. Когда я целовал её, то одновременно с её лицом передо мной была её промежность. Вот такая дикая сцена приснилась мне после музыки Рахманинова.

Октябрь 2023

16 октября. Сон. Опять видел возвращение отца. Это не было его возвращение после смерти, но возвращение после многолетнего отсутствия, о котором он ничего не знал. То есть во все не было речи о его смерти, но, по сути, всё-таки возвращался из мира умерших. И я не знал, ожидая его приезда домой, как буду объяснять ему, куда делся Akai, магнитофонные ленты, пластинки и т. д. Это навязчивая тема в моих снах. Я думал, что она утонула, закончилась, но получается, что не закончилась, просто я не помнил сны. Если помнить их, то они все (каждая из так называемых навязчивых тем) вертятся вокруг одного и того же. Есть незначительные вариации, но темы одни и те же. Меня очень беспокоит навязчивость темы возвращения папы и моя попытка оправдаться перед ним за то, что я выбросил/раздал его «музыку», его аппаратуру. Я в этих снах судорожно пытаюсь придумать внятное объяснение, мол, вся эта техника уже не работает, мы живём в мире новых технологий. Но я оправдываюсь, я это чувствую. Получается, что чувствую вину перед человеком, у которого я в действительности ничего не украл, не выбросил на помойку. Но я оправдываюсь. Откуда же это чувство вины? Откуда и почему? Однажды я взял бобину с его музыкой и записал туда другую музыку, пока он работал в Женеве. После этого я восстановил его запись, но не полностью

и не в том порядке. Возможно, моё чувство вины привязано к этому случаю?

Декабрь 2023

Опять вспомнился давний сон, из-за которого при каждом воспоминании меня бросает в жар. Тёмная комната, освещённая красным светом фонаря с улицы. Мокрая постель, мокрая простыня, мокрое женское тело и я, потерявший полностью контроль над собой. Я не помню такого состояния в жизни, но в том сне это было тотальное безумие и тотальное раскрепощение. Такое соприкосновение тел, такое чувство женского влагища у меня было один лишь раз в жизни — в подростковом сне, когда мне приснилась Надя Горбатова. В том сне я испытал высочайшее сексуальное удовольствие, и это случилось задолго до первого настоящего сексуального контакта. Ничего из того сна не помню вообще, ни крупинки, осталось в памяти только неповторимое удовлетворение от секса, глубокое погружение в женское тело, прикосновение ко мне волос на лобке... И вот снова в памяти возник второй сон, страшный сон, который я обычно вспоминаю под утро, уже пробудившись, но вспоминаю его, словно отголоски вчерашнего пьяного события, которого в действительности не было, но которое как будто было в действительности и в этой действительности я попрал все нормы моих отношений с Ю. Мне страшно от этих клочков воспоминаний, являющихся на самом деле обрывками лишь моего дурного сексуального сна. Они бросают меня в мокрую дрожь ужаса, как будто мне открылось нечто недопустимое из моего прошлого.

Помню первое впечатление от того сна, когда внутри самого сна меня душила пугающая мысль о том, чем я занимаюсь. Секс? Нет, это вовсе не ужасно, мало ли что случается. Но меня пугала мысль, что та девица была совершенно мне незнакомой и что я не понимал, каким образом меня занесло в её постель. Душная ночь. Девица мокрая, как из сцены какого-то примитивного порнографического фильма, вся мокрая от пота, и я мокрый от пота, и простыня насквозь мокрая от пота.

Я вспомнил об это сейчас, потому что-то мелькнуло что-то в голове, пока я смотрел очередную серию «Эйфории». Ничего общего с тем сном, но что-то мелькнуло, вынырнуло из памяти и опять напугало, как воспоминание о совершённом преступлении.

Я бы давно усомнился, сон ли это был, если бы точно знал, что у меня нет возможности заночевать где-нибудь на стороне. Но сон

навязчивый и призывный.

14 декабря. Сегодня ночью из-за меня мы плохо спали. Примерно в четыре ночи проснулся из-за того, что дышать трудно. Астма. Мне хотелось продышаться, но не получалось, я несколько раз воспользовался спреем противоастматическим, но не помогло, начал кашлять. Кашля всё больше и больше, но легче не становилось. Опять спрей. Опять пытаюсь кашлять. Опять безрезультатно. Дыхалка не прочищается, внутри першит, мешает что-то, выделяется не слизь, а жидкая слюна, от которой мне делается только хуже, никакого облегчения. Всё это продолжалось, наверное, час, но точно не знаю, потому что не до того было, чтобы следить за временем... Горячая вода, мёд, спрей огромными дозами и безостановочные попытки выкашлять из себя что-то. Понемногу мне стало легче. Отдышался. Тело ноет от напряжения. Выпил каплеу, чтобы уснуть, и уснул, улёгшись на живот. На спине невозможно лежать, потому что что-то в груди будто прилипает к спине и не пропускает дыхание.

Жалко Юляшу. И спать не могла из-за моего кашля, и помочь мне не могла, стучала по спине, воду нагревала, но... Тут только перетерпеть, переждать.

Утром Ю закрыла дверь в спальню, чтобы не будить меня. Я поднялся в десять. Голова болит, тело измученное.

Сегодня самочувствие почти нормальное, и дыхание вполне приличное. Страшно вспоминать минувшую ночь. Такое уже как-то случалось, и меня очень пугает. Задышаться — страшно.

Когда я уснул вчера, после всех мучительных попыток прочистить дыхательные пути, то во сне попал в какую-то молодёжную компанию. Сидел с какой-то девушкой, одетой в лёгкое ситцевое платье, хотя поначалу мне казалось, что она была в джинсах. Девушка предложила мне закурить, а я не курю. «Это не сигарета, это можно», — объяснила она, и я согласился сделать одну затяжку. Дыма во рту я не ощутил, хоть и глотнул его, сигарету вернул. «Теперь будет хорошо», — сказала девушка. Мы поцеловались. При этом я не переставал думать, а не противно ли ей, такой молодой и свежей, целоваться со мной. Затем помню, что я трогаю её пальцами одной руки между ног, и там происходит некое нарастающее блаженство. Я рукой ощущаю это блаженство. Это не блаженство девушки, не её удовольствие, а моё. Девушка трогает меня в ответ. Мне приятно, но гораздо приятнее чувствовать её влажное тело. Ощущение секса в моей руке. Так должен чувствовать себя эрегированный член, но я трогаю её рукой. Это всё

равно что говорить рукой или видеть рукой, а тут — секс рукой. Нечто удивительное... Больше ничего не помню. И мне кажется, что я не сразу увидел этот сон, а лежал и думал о чём-то таком, после чего мысли перевоплотились в картинки, в сон.

Я люблю женщин. Всегда любил. С раннего детства. Заглядывался, смотрел и подсматривал. Обожал. Млел. Красивых любил особенно. А кому красивые женщины не нравятся? Правда, женская красота имеет тысячи особенностей, но красота всегда есть красота. Она манит, влечёт, она обещает упоение. Однако к ней невозможно прикоснуться, её нельзя поцеловать, её нельзя испить — разве только глазами, но этого всегда мало. Красота — это самое большое неудовлетворение в жизни.

Женщины заполняли мою жизнь раньше (не столько женщины, сколько тяга к ним и, соответственно, эмоции, связанные с женщинами), но теперь их нет. Но не только женщин нет, а вообще нет всего того, чем была наполнена моя жизнь.

Не оскудела жизнь моя, вовсе нет, но она стала другой. Ничего похожего на прежнюю жизнь. Лишь проблески воспоминаний позволяют иногда ощутить что-то из прежних дней. Но сама жизнь стала другой. Не лучше и не хуже. Просто другая жизнь. Она должна была настать — именно такая жизнь, потому что всему своё время. Но память приводит в действие рычаги, которые время от времени заставляют если не страдать и грустить, то недоумевать — почему вместе с плохим, от которого всегда хотелось избавиться, ушло и хорошее, с которым никогда не хотелось расставаться? Почему ушли яркие краски? Почему эти краски теперь утомляют, хотя мне их хочется?

Теперь неудовлетворённость гораздо глубже прежней, потому что утомляет всё то, что раньше привлекало. Энергия разрушает меня теперь, а не заряжает.

Неправильная тетрадь

Мне перевалило далеко за шестьдесят, и я не уверен, что жил правильно. Не уверен, жил ли вообще.

Хочется обсудить это, но нет подходящих собеседников. Разговоры необходимы мне потому, что укрепляют мою веру, но мои вопросы отпугивают многих. Вопросы, без которых нет смысла жить, кажутся непонятными и бессмысленными моим так называемым друзьям. Это объяснимо: мой главный интерес лишён практической стороны — смысл бытия. Вокруг меня слишком много людей, которых интересуют только деньги, даже художников интересуют в первую очередь деньги. Вопрос о смысле жизни для них решён — это деньги. А вот для меня этот вопрос открыт.

Зачем я здесь? Что есть моя жизнь?

Подозреваю, что когда-то, в какой-то ключевой момент, я не совершил нужного поступка. Я не подозревал, что момент был ключевым и даже не чувствовал потребности в том поступке, который не совершил. Теперь же я вдруг осознал, что упущено главное. Упущен момент.

Был у меня и юношеский бред в литературе, и морализаторство человека, потерявшего себя, и эпические глыбы, вырубленные из скал истории для моего личного пользования. Было всё. И не было ничего. Ведь что у меня осталось от прошлого?

Кажется, мне удалось преодолеть многое, но не удаётся преодолеть мои сомнения. Они разрастаются. Я не справляюсь с этой громадиной. Моя жизнь сейчас — сомнения. Но раньше их не было, раньше я точно знал, что делать и в чём смысл.

Всё чаще во мне возникает желание прожить жизнь заново, по-новому. Это означает, что я могу вернуться сюда опять. Все прежние годы я был уверен, что никогда не вернусь на эту планету, ибо никакие соблазны человеческой жизни не способны заманить меня сюда. И вот оказывается, что главный соблазн — пропущенный ключевой момент, какой-то не свершившийся поступок. Вот в чём кроется механизм реинкарнации — найти ключевой момент для изменения судьбы.

Пишу это и всем существом испытываю недоумение и отчаяние. Неужели это произойдёт помимо моей воли? Неужели все вопросы и желания — это лишь формы предчувствия?

Мои сомнения исполнены спокойствия, они неподвижны и тем страшны вдвойне. Они похожи на тот безликий и бесформенный ужас, который заполняет сон не то тьмой, не то светом, не то пространством, не то отсутствием пространства. Ничего там нет, но всё заполнено ужасом. Так же и мои сомнения. Я бы убежал, но некуда. Прыгнул бы

с крыши дома, будь у меня желание свести счёты с жизнью. Закричал бы, имей я хотя бы малейшую надежду на то, что крик принесёт облегчение. Но крик не даст ничего, а смерть вернёт в новую жизнь, к новым сомнениям.

Отдушина только в словах, в попытке переложить всё на слова, свалить на слова всю тяжесть непонятого. Пусть слова несут груз моего непонимания. Отдушина — от души ли? И что тут от души? Тут только боязнь самого себя.

Вы спрашиваете меня...

Нет, вы ничего не спрашиваете. Вы не в состоянии спросить, потому что вас нет. У вас нет вопросов ко мне, но у меня — океан вопросов к вам. Вы — чужие от А до Я. О чём бы я ни спросил вас, вы увильчиваете. О чём бы ни попросил, вы отказываете молчанием. Мы живём на разных планетах. Но для чего ж мы тогда тут — рядом?

Чуждость жизни.

Даже мужчина и женщина, соединяясь в том, что называется любовью, не делаются одним целым. Стремление к одному не делает их одним. «Когда двое станут Одно...» — это никогда, покуда мы живы. Надо умереть для этого. Но умереть так, чтобы не выпасть более из того, что есть Одно. Умереть без вопросов, ибо вопросы возвращают к жизни.

Земля должна признать мою жизнь как свершившийся факт, как оставленный след, как окончательную форму, не нуждающуюся в исправлениях. Как было, так и должно.

Мысли о пропущенном ключевом моменте, сомнения, — они ведь о сожалении говорят. Но во мне нет сожалений. Тогда что же? Откуда сомнения?

Спросить не у кого. Все солгут. Безразлично солгут. Чтобы уйти от вопроса — вот для чего солгут. Мы — чужие. Мы — декорация друг для друга.

Единственные друзья — слова. Они не спрашивают, они берут на себя и в себя. Они облегчают. Жизнь. День. Время. Участь.

Слова меня обманули. Они прикинулись значительными. «Вначале было слово»... Разве оно появилось не в середине пути, не в конце? Или в начале пути было другое слово?

Слова заманили в свою сеть. Оплели паутиной, поглотили, сделали собой. Теперь я — слова. Ничего не осталось во мне, только слова.

А было ли что-то ещё? Только слова? Как мало!

Когда мои слова исчезают, мне хочется спрятаться, уснуть, нырнуть поглубже в сон, потому что я опустеваю. Пустота моя похожа на топь.

Спасть, спать, спать... Выспаться и вынырнуть новым. Обновление? В новую ли жизнь? Или новым в прежнюю жизнь? Можно ли? Нужно ли?

Готические буквы моих мечтаний о рыцарских похождениях...

Как много крови на кропотливо выточенных завитках этих букв. Как много пыли на высохшей крови. Как много времени превращено в пыль.

В минуты слабости и сомнения я обращался к женщине. Молочный вулкан в её груди ввергал меня в детскую беспомощность, и я тянул ручонки к обнадёживавшему меня теплу. Я видел защиту в женщине. В ней можно утопить лицо своё, превратившись в сына. В ней можно утопить тело, превратившись в мужчину...

Я касался губами возлюбленной, и она заставляла меня трепетать, омывая волнами горячего лона...

И каждый раз, когда женское тело питало меня, я слышал вкрадчиво-насмешливый голос кого-то невидимого: «Вот опять ты впутался в мои сети. Теперь ещё сильнее придавят тебя мясные глыбы груди, ног, рук. Поди, избавься...»

Смотрю на женщин. Как много их вокруг! Но какие-то оставляют меня равнодушным, несмотря на бесспорную красоту, а какие-то вызывают во мне чувства, коим я противостоять почти не могу — желание прикоснуться к их лицу, прижаться к линии их губ, к линии бедра — не поцеловать, не потрогать, не телом прикоснуться, а прижаться всем существом, чтобы впитать в себя эти линии. Не о физиологии речь, здесь что-то совершенно иное.

Таких мгновений не счесть. Точно так же хочется прижаться к линии гор, покрытых снегом. Хочется упасть в эти горы лицом. Хочется упасть лицом в лес, раскинувшийся передо мной на склоне холма, упасть в него, словно это мягкий мох. Хочется зачерпнуть музыку руками, омыться ею, испить её, ощутить её всем телом, заняться с музыкой любовью, словно она — женщина, и порой это сладостное томление лишает меня сил.

Как жаль, что женщиной невозможно насладиться так, как этого хочет душа.

Дитя своего времени и места. Сын своего города. Порождение каменных стен и мокрых бетонных улиц. Певец цементных лабиринтов.

А что плохого в том, чтобы быть певцом камней и железобетона? Каждый поёт о чём-то своём. Век-то наш чересчур уж суетный. Несутся все, никуда не поспевая, повсюду присутствуют по чуть-чуть. Книжки читают в транспорте. На разговоры времени не хватает, разве что в лифте застрянут — вот и беседуют.

Женщина — любимому мужчине: «Обнять тебя, растворить тебя, впитать в себя порами кожи и выпустить тебя обратно на свет, но уже моим ребёнком... хочу познать тебя ребёнком. Не от тебя кого-то ребёнком, а тебя — ребёнком. Питать тебя молоком из груди, вливать в тебя моё тело, возвращать, поднимать, как земля — всходы пшеницы».

Состоящее из частей подвержено разрушению.

Александр Блок писал Анне Ахматовой: «Много я видел сборников стихов авторов известных и неизвестных: всегда почти — посмотришь, видишь, что, должно быть, очень хорошо пишут, а мне всё не нужно, и скучно, так что начинаешь думать, что стихов вообще больше писать не надо; следующая стадия, — что стихов я не люблю; следующая — что стихи, вообще, занятие праздное; дальше — начинаешь уже всем об этом говорить громко. Не знаю, испытали ли Вы такие чувства; если да — то знаете, сколько во всём этом больного, лишнего груза». Это настроение преследовало Александра Блока, как он признавался, по причине, что он был «очень плох, ибо окружён болезнями и заботами».

Поскольку и я чувствую себя скверно, у меня схожее настроение. Но если Блок писал о стихах, то у меня это ощущение распространяется на всё искусство — что оно занятие праздное и ненужное. И всё чаще нет желания не только самому что-то делать, но и «потреблять» чужое. Всё уж давно высказано, все точки расставлены, все покровы сорваны, все истины открыты.

Но как только удаётся перебороть боль и усталость и выбраться куда-нибудь в музей или в театр, так непременно скользнёт тоненький лучик света по поверхности моей померкшей души.

До чего ж сильно человек зависит от своего физического состояния. Будет голова болеть у императора, так он и войну начнёт одним махом, просто с досады, от боли...

Огненные крылья художника — это пламя его чувств, рвущееся наружу и возносящее его над другими. Но кто такие «другие»? Чувства важнее всего другого. Но что такое «другое»? Разве можно полностью вырвать себя из «других». Каждый из нас всегда полон другими людьми. Каждый из нас состоит из других. Мы все состоим из мозаики чужих поступков и чувств, но в каждом из нас эта мозаика складывается по-своему. Лишь поэтому мы неповторимы.

Битов писал, что ему нужны люди, чтоб двигаться дальше. «Без людей невозможен рост. Без людей не для чего. Люди — это среда, природа, они определяют задачи, которые необходимо решить. Люди — это события, история, созидания и разрушения. Через людей — вопросы».

Мы зависим друг от друга во всём. Даже отшельником человек становится из-за людей, из-за своего отношения к «другим».

Вся моя жизнь — моё произведение. Я создал и улицы, по которым бегал босиком в детстве, и людей, с которыми водил дружбу, и любовь. И только я могу притронуться к той жизни. Всё выдуманно, поэтому нет контакта с другими людьми.

Любой взгляд на жизнь — обман.

И всякая мысль кажется мне нелепостью.

Легче удержать себя от неправильного, чем потом делать много правильных вещей, чтобы избавиться от последствия неправильных.

Мир, в котором я родился когда-то и начал жить, всё тот же, но декорации сменились. Мир прежний, с прежними интересами

и страстями. Это угнетает. Тысячи лет за плечами человечества, а пьеса всё та же — секс, война, богатство. Персонажи являются всё те же, что и раньше, и твердят всё о том же.

Иногда мне кажется, что книга лежит где-то готовая, что она чуть ли не в моих ладонях, горстью насыпана в моих руках и что её не надо даже записывать, а надо лишь как-то одним махом ощутить, а потом — просто выдохнуть это ощущение. Но, чувствуя эту мою будущую книгу в моих ладонях, я всё-таки не могу никаким волшебством сделать её сразу готовой. Её — при всей её «готовности», при знании и «осязаемости» мельчайших деталей — всё же надобно написать от начала до конца. И когда я начинаю записывать её, она теряется, рассыпается, исчезает. А должна появляться.

Какое странное и невозможное физическое состояние, невыразимый духовный процесс — рождение книги.

Все пастыри обманывают паству. Нет правителей, заботящихся о своём народе. Народ — дойная корова. Когда корова перестаёт давать молоко, её убивают.

Пастыри всегда идут позади, иначе невозможно гнать стадо. Они не увлекают за собой, а гонят перед собой.

Рай — это любовь художника к тому, что он делает. Карандаш или краска — это инструменты сотворения рая.

Медитация есть отсутствие ожидания. Медитация есть нахождение внутри процесса.

В любую картину можно влюбиться, если не анализировать её, если не искать в ней ответа, а просто принять её краски и формы. Не понимаешь? А что понимать? Ты видишь, и увиденное тебя радует или не радует. Никакого понимания не должно быть. Понимание есть только при наличии мысли.

Жизнь — вовсе не мысль, не проявление мысли, зато о жизни можно так много думать!

Многие знакомые давно перестали быть моими друзьями, с ними можно теперь даже не созваниваться. Им до меня дела нет, мне до них — тоже. Иногда некоторые звонят, и по их голосу понятно, что просто хотят узнать, жив я или уже нет, а если жив, то хуже мне живётся, чем им, или лучше. И что же? Зачем мне такие телефонные разговоры? А уж о встречах «во плоти» и вовсе речи нет. Пугают такие встречи стареющих людей, не желающих смотреть в глаза. Встретятся и — скорее к рюмке, чтобы спрятаться от неловкости и от действительности.

Не хочу видеть никого без любви, без желания, без глубокого интереса. Не хочу поверхностного и формального. Не хочу ничего «для галочки».

Хочу захлёбываться восторженными разговорами, хочу смотреть в глаза собеседнику, хочу горячих объятий, хочу взаимного влечения.

Разве не обидно, что, рождаясь, мы не знаем, продолжением чего мы являемся?

Будь мы продолжением наших родителей, в нашей общей линии жизни была бы общая логика. Но логика, к сожалению, отсутствует, поэтому на неё невозможно опереться. Продолжение — это развитие, однако развития нет, всё топчется на месте.

Легко верить в то, чего рядом нет. Скажем, можно верить в воскресшего Христа и в то, что Лазарь восстал из мёртвых. Но невозможно поверить в то, что из мёртвых восстал родственник, о котором вам рассказывает какой-то ваш знакомый. Вот тут начинается почему-то включаться жёсткий рационализм.

«Слова из уст мудрого — благодать, а уста глупого губят его же» (Екклесиаст, гл.10).

Всматриваясь в мир, вижу, что глупые криком кричат глупости и это не губит их, зато губит целые народы. Сказать глупость — не так уж страшно для сказавшего, но этой глупостью питаются толпы. Миром управляют глупцы, а мудрецам нет места, мудрецов никто не слушает.

Если человека не устраивает окружающий мир, надо построить свой собственный мир.

Беда в том, что подавляющее большинство людей убеждено, что мир надо строить в прямом смысле слова: дома, проспекты, города, одежда, причёска, совершать революции, то есть изменять внешнее, в то время как мир человека — это то, что у него внутри.

Рисовать, сочинять книги, ставить спектакли, создавать фильмы и музыку. Внутренний мир не имеет границ, это единственное, что дано человеку для ощущения подлинной свободы и подлинного счастья. Если кто-то не поймёт вас, нет в этом ничего страшного. Если кто-то не поймёт вас, это значит, что в вашу дверь не так легко войти: вы либо не пускаете никого, либо люди не знают вовсе о существовании вашего мира, либо они довольствуются тем, что у них есть. Разве можно осуждать кого-то за то, что он довольствуется тем, что у него есть?

У Андрея Губина в «Молоке волчицы» есть такие слова: «Она охотно пела слабеньким голосом, рассказывала всё, что довелось видеть, и только отказывалась говорить о себе и своей жизни, считая это неинтересным, — тоже думала, что всё интересное где-то там, в Москве или на Курильских островах».

Это именно то, о чём я постоянно твержу: большинство людей считают себя и свою жизнь неинтересной, они отказываются рассказывать о себе, они прячутся. А ведь именно человек интересен, не то, что он видел, а то, как он прожил и прочувствовал то, что видел. Чувства и мысли — вот что важно. Поступки — это внешнее, часто даже не имеющее значения, а вот внутренняя жизнь, которая всегда ярче, сокрыта от внешнего мира. Поступок — нередко результат глубокой внутренней борьбы с самим собой, поступок — результат сложного, иногда непостижимого духовного пути. Как же это может быть неинтересным?

Но все закрываются панцирем. Почему? Разговоры всё чаще о «посторонних» вещах, о пустом. Постоянно замечаю, как на серьёзный вопрос люди отвечают шуткой, стремясь с её помощью ускользнуть от разговора. Может, они боятся, что разговор разрушит их мир?

Раньше я носил в кармане блокнот и записывал интересные мысли,

рождавшиеся во мне. Интересные они были чаще по форме, чем по сути. Возникали монологи и диалоги «просто так», не для конкретного сюжета. Это развлекало и увлекало меня. Я доставал из кармана блокнот и записывал туда мысли, чтобы они не ушли.

Сейчас не записываю. Вижу их, радуюсь им, но не удерживаю. С некоторой грустью наблюдаю за тем, как они медленно уходят прочь, в туман, в небытие. До какого-то момента их ещё можно удержать, вернуть, но если не сделать этого, то они уходят безвозвратно. Они напоминают мне обидевшихся друзей, от которых я отказался и тем самым совершил страшнейшее преступление. Они ждут, что я опомнюсь, потянусь к ним, обниму их, сделаю их моей неотъемлемой частью. Но я ничего не делаю, чтобы удержать их. Они рождаются во мне, а я предаю их, зная наверняка, что без меня они не выживут.

Станным образом устроен мой мозг. Читаю что-нибудь, натываюсь на какую-то фразу, и в голове начинает стремительно выстраиваться новый текст — мой текст. Если я не запишу его, то забуду быстро, но если начну записывать, то получится сразу несколько страниц. Эти страницы рождаются часто из пустой фразы, часто в ней и мысли-то нет. Это похоже на то, как человек спотыкается о небольшой камень, а потом кубарем летит долго вниз по склону... Однако дальше этих нескольких страниц ничего нет, потому что, наверное, не мысль лежала в основе, а некое сочленение слов, необязательное для того, чтобы из него, как из семени, выросло дерево. Я иногда перебираю листы, хранящиеся в разбухшем старом портфеле, и понимаю, что написать дальше нечего. Есть тексты, которые служат началом будущей повести или большой книги, но на это «будущее» у меня просто нет сил, а есть тексты без продолжения, много страниц без продолжения. Они обрываются так же внезапно, как были зачаты. Оргазм непонятно чего. Порыв, начатый чужими словами и ушедший, как вода уходит в песок.

Что же это за состояния?

Я часто расспрашивал раньше моих знакомых, которые рисовали, работали со словом, сочиняли музыку и т.д., расспрашивал о том, как в них зарождается «начало» творчества. Они огрызались. Они думали, что я расспрашиваю о технической стороне, а меня интересовала «биология» творческого процесса, она ведь наверняка у всех разная. Я по-своему пишу, по-своему слышу, по-своему вижу, по-своему желаю. Они все — по-другому. У каждого есть свой предбанник и своя кухня.

Будь мы одинаковы, мы не создавали бы разного и не жили бы по-разному. Поделиться своим миром — это открыть путь к себе, позволить другому человеку сродниться, слиться с тобой.

Я никого не люблю... Вернее, люблю многих, мне хорошо среди людей, но я не люблю их так, как мне хотелось бы любить. В моём воображении я нарисовал такую любовь, какую не встречал никогда, и во мне тоже нет такой любви. Я ущербный, у меня не получается любить так, как мне хотелось бы. Я не умею. Но если нет той любви, о какой я мечтаю, то может ли быть другая? И любовь ли это?

Мне не нужны сорванные цветы. Мне нужны цветы, трава и деревья, уходящие корнями в землю, ибо по ним струятся соки жизни. Их форма — лишь оболочка, милое обрамление невидимого содержания. Мне нужна не женщина, не её лицо, не её груди, не её промежность и тело вообще. Мне нужна жизнь, пульсирующая в ней, сладкое ощущение её жизни, головокружительное проникновение в это состояние. И только после этого — оболочка, куда помещена эта жизнь.

Самое важное в жизни — уметь сжигать мосты. И уметь возводить новые. Я не умею ни того, ни другого.

Я пытаюсь сбросить с души то небольшое, чем она покрыта.
Лохмотья обмана.

Я обнажаюсь всякий раз, когда начинаю разговор. Разговор по душам.

Сколько лжи в надетых масках! Сколько неправды в наших нарядах! Сколько скованности в наших надуманных движениях! Сколько растраченных сил в погоне соответствовать чему-то...

Дураков надо либо убивать, либо обходить далеко стороной. Второе проще, но первое — надёжнее.

Один край его жизни лежал в детстве, другой — в старости. Между ними раскинулось полотно, на котором оставили следы и пролитое вино, и пролитая кровь, и пролитые слёзы. Что лежало за краями его жизни он не помнил, хотя сердцем чувствовал, что знал это. Но если знал, но не помнил, это всё равно что не знал. Где нет памяти, там нет знаний.

Осень была мутная, обёрнутая в туман и прохладу дождливого ветра.

Голые ноги женщины — это просто ноги. Но когда женщина облакает их в ажурные чулочки, они перестают быть ногами и превращаются в приманку, в крючок, предназначенный для мужчин. А ну-ка, которые здесь жадные до женского тела, бегом сюда! А мы вас потом по мордам, по мордам, да ещё кобелями обзовём!

Болото улиц, чавканье башмаков, грязная пена, приставшая к ногам. Ну как в таком натюрморте не увидеть беленькое платьице под светленьким зонтиком, выпорхнувшее из раскрашенного шашечками такси?

Каждая книга появляется на свет каким-то особым образом. Не сюжет лежит в основе всего, не история, не строго выстроенный план. Поначалу появляется беспокойство, оно схоже с состоянием, которое испытываешь, когда что-то мешает в теле и никак не позволяет принять удобное положение — ни присесть, ни прилечь, хочется принять другую позу, но ничто не помогает, постоянно присутствует какая-то неуютность. Это продолжается не один день, иногда недели. Затем вдруг проявляется нечто относительно внятное по сравнению с прежним состоянием, будто приёмник выловил из хаоса шумов звуковую и визуальную волну, в которой, правда, всё вывернуто наизнанку и не поддаётся описанию, а изображение видно как сквозь сильно запотевшее стекло. Это не образ, а скорее дыра в пространстве, которое тянет к себе, хочет заглотить, утопить в себе. Начиная вслушиваться и всматриваться в это нечто, я пытаюсь сфокусироваться и оформить в слова мои переживания, вылепливая

из непонятного то, что будет поддаваться хоть какому-то осмыслению. Хотя в действительности осмысление не так важно; гораздо ценнее эмоциональное состояние, которое само в конце концов толкнёт мысль в ту или иную сторону.

Разминаемая глина мыслеформ понемногу становится более осязаемой, приобретает плотность, очертания, в ней продавливаются пространства улиц и помещений, уплотняются сгустки человеческих фигур, но всё пока отдельно, само по себе — как сваленные в огромную кучу игрушки. Но это уже игрушки, а не сор. Это уже существа и предметы, которые вскоре могут ожить и двинуться куда-то по коридорам моего воображения. Приходится записывать страницу за страницей в черновик, зная, что это, возможно, никогда не найдёт своего окончательного воплощения, а останется только сгустками отдельных сцен, пришедших ко мне извне. Опыт показывает, что большинство из развернувшихся передо мной картин послужит только топливом для дальнейшей игры воображения, но не материалом, из которого будет строиться книга. Но мне нужно и то, и другое, поэтому я судорожно записываю. Картины настолько впечатляют, а от переполняющих меня чувств перехватывает дыхание, и мне хочется из каждой увиденной песчинки создать свою историю. Впрочем, это невозможно, потому что каждая из этих песчинок во много раз насыщеннее всей моей жизни, необъятнее, увлекательнее. Перед распахнувшимися дверями воображения я чувствую себя беспомощным. Величие и мощь пространства, куда меня впускают, чтобы я скупо пересказал мои переживания, подавляет. Но, подавляя и подчиняя, это пространство наполняет меня жаждой поделиться пережитым с другими. Эта жажда — единственное, что заставляет меня включиться в процесс творчества.

А потом вдруг я словно проваливаюсь в вязкую материю увиденного мира, прекращаю смотреть на него со стороны и делаюсь его частью. Он поглощает меня. Присутствия внутри какой-то сцены становится достаточно, чтобы я начал распутывать из неё клубок конкретной истории.

Понемногу, шаг за шагом, вздох за вздохом, иногда подолгу топчась на месте (когда ниточка подсказки натягивается предельно, если я отклоняюсь в ненужную сторону) или наоборот, едва успевая за каким-то персонажем... Бывает, что я долго варюсь в атмосфере одной из сцен, час за часом вдыхаю запахи того мира, сантиметр за сантиметром исследую раскинувшиеся вокруг меня тени, впитываю в себя звуки, чтобы точнейшим образом засвидетельствовать то, что я

испытал. И кажется, что прожитое в эти часы выльется в нескончаемые страницы, а на деле получается всего несколько строк, небольшой абзац. Всякий раз удивляюсь: а где же всё то, что я видел и чувствовал?

Выходит, что процесс проживания всегда значительнее процесса воплощения. Поток сотворения в гораздо большей степени позволяет жить в каком-то ином мире, болеть там, страдать, радоваться, стремиться к чему-то — гораздо больше, чем рассказ об этом. Другая жизнь... Что же важнее? Воображение или его превращение в произведение? Почему многое из того, что было пережито в мире воображения, отбрасывается, хотя этот мир всегда «смонтирован» только из нужных сцен, в нём нет ничего лишнего, он даёт только необходимое. Но даже это, хорошо отобранное кем-то свыше, даже эта показанная мне «кинолента» чувств, ощущений и событий нужна, оказывается, для проживания этих плотно укомплектованных сцен, а не для пересказывания. Пересказывается в лучшем случае сотая часть увиденного и услышанного.

Сцены в основном пишутся подряд. Изредка какая-то глава или эпизод рождаются «не по порядку», запрыгивая вперёд, чтобы указать мне направление, в котором я должен двигаться. Используя их в качестве маяка, я иду туда, куда мне положено идти за моими персонажами.

Лишь где-то на середине сюжетной линии ко мне приходит понимание идеи, ради которой сооружается всё здание книги. И тогда наступает этап вживления в уже написанный текст дополнительных сцен, поддерживающих основную идею.

Словом, книга управляет мной.

Если же произведение пишется на заказ, то здесь всё обстоит проще и одновременно сложнее. Идея и тема заданы в самом начале. Остаётся только материализовать их. Но чтобы сделать это, нужно найти способ войти в мир этой идеи, нащупать какие-то свои рычаги, которые заведут мотор, приведут в движение всевозможные шестерёнки механизма, с помощью которого раздвинутся ворота моего воображения. Есть ли для этого у меня специальные наработанные приёмы? Нет. Только проживание чужой жизни. Имплантирование себя в чужую, порой противную моей природе систему координат. Приходится отождествлять себя с теми, о ком никогда даже не думал. Приходится мыслить, как мыслят они. И странное дело — я начинаю понимать этих людей, смотря на мир их глазами. Но всё же я не становлюсь ими. Связующая нить с их внутренним миром рвётся мгновенно, едва я ставлю заключительную точку.

Нередко случается, что я не могу войти в нужную дверь и тогда эпизод заметно хромает. Я вижу, как волоком тащу себя через запланированную сцену, лишь бы преодолеть обязательное пространство. В чём-то это похоже на спортивное состязание, где я соревнуюсь сам с собой: который из меня одолеет — упёртый и наглый или служитель вдохновения? Такие ситуации бывают не только в заказных работах, но и в моих, изнутри рождённых книгах. В моих любимым мирах я не раз попадал в ситуацию, где огромные куски сюжетной линии были настолько неинтересны мне, что я торопился перепрыгнуть через них, чтобы поскорее окунуться в сцену, обещавшую мне блаженство ожидаемых переживаний. И я перепрыгивал, лишь схематично описывая пропущенные эпизоды. Но потом всё равно возвращался, чтобы механически, с усилием пройти этот эпизод, обработать его профессионально, без любви, без трепета, без ожидания чуда. Но чудо иногда происходило, и я погружался в то, что мне прежде казалось неинтересным. Оказывается, и это возможно. Неинтересного нет. Мёртвого тоже нет. Всюду присутствует жизнь, и ею можно наслаждаться.

К профессиональной стороне дела относится и освоение документального материала. Он всегда открывает шлюзы, через которые обрушивается сметающий поток информации. Иногда хватаюсь за голову: всё кажется нужным, но нельзя использовать всё. Необходимо научиться брать минимум. Временами я грешу и вшиваю в ткань произведения то, что там неуместно. Но когда сверкнувшая песчинка какого-то факта очень нравится, я не в состоянии отказать себе в её использовании. Документального материала всегда так много, что после завершения работы он продолжает владеть мною, и меня долго не покидает желание сделать ещё что-то на ту же тему. Освоенный материал — как раскалённые угли под босыми ногами. Хочется двигаться в заданном направлении дальше и дальше, ибо велика сила инерции. От этой инерции надо избавиться сразу.

Не знаю, как работают другие писатели, насколько важно для них предварительное выстраивание схемы, насколько важно вдохновение. Наверное, у всех есть свои секреты, свои профессиональные приёмы, свой ритм. У меня есть только жизнь внутри творческого потока. Этот поток нередко лишает меня «настоящей» жизни, друзей, знакомых, коллег, родственников, потому что я теряю здешнее время, здешние связи. Всё, что находится «здесь», теряет свою значимость по сравнению с «там», потому что «там» находится мир, где я — Создатель Всего, а «здесь» я — всего лишь человек, называющийся

писателем.

Мы цитируем обычно то, что совпадает с нашими взглядами. Или то, что просто очень красиво звучит. Никогда не цитируем то, что противоречит нашим мыслям, даже если это очень красиво. Мы озвучиваем себя чужими словами.

Вернуть себе зрение художника. Смотреть на мир восторженно.

Пушистой краской снега обведены сегодня деревья. Первый снег, мокрый снег, временный снег.

Люди не смотрят в глаза друг другу, разучились смотреть в глаза, привыкли общаться с телефонной трубкой, а не с человеком, приучились прислушиваться к телевизору, а не к человеку.

Работой собственных капризов становится тот, у кого есть возможность исполнить любое своё желание.

Человек совершенно беззащитен перед агрессивным проявлением жизни, если он не готов ответить насилием на насилие.

Совесть выдумали для того, чтобы ею можно было спекулировать и чтобы на ней хорошенько зарабатывать.

Вокруг рождаются дети — отзвуки любви, отголоски радости и печали.

Вокруг умирают старики — свидетели времени и хранители никому ненужного опыта.

И всё это называется словом «жизнь».

Всех, у кого есть крылья, общество приколачивает к стене, как бабочек. Человечество не любит людей, умеющих возноситься над землёй. Оно любит таких людей только после их смерти. Так гораздо

удобнее.

Кому не случилось пить напропалую несколько дней кряду, тот не знает, что такое счастье умиротворённого выхода из запойного состояния — мягкий туман, тотальное успокоение души, полное безразличие к прошлому и будущему, что бы там ни таилось.

Сегодня мало людей, которых я люблю. Любовь пробуждается на час или два, пока мы вместе, затем она растворяется где-то, перестаёт быть. Долгая, вечная любовь с неугасимым интересом — только к умершим, к их делам. Они ближе мне, чем кто-либо из живых, ближе даже, чем я сам себе. Они ближе живых, потому что меж нами никогда не случится никакой ссоры.

Схватывание рождающихся мыслей становится похоже на раскопки. Не уверен, что раньше было иначе, но кажется, что они сразу приходили ко мне, в готовом виде, сформированные, цельные. Конечно, такого не было, но так кажется. Возможно, раньше было достаточно чувственного уровня и легко можно было обойтись без точной мысли, над которой приходится работать долго и тщательно. Возможно, раньше не требовалась ясность?

Сейчас я всё чаще стараюсь «узнать» их, когда они приходят. Я ощущаю их присутствие, как собеседника в темноте, которого только слышу, но не вижу. Я разгребаю песок, под которым искомая плита с надписями. Вот уже видны её очертания, её можно трогать руками, чувствовать шершавую поверхность. Но это ещё не всё, не вижу деталей. Продолжаю расчищать до тех пор, пока не открывается вся картина, все трещины на поверхности, все изгибы буковок, все полутона рисунков. Теперь мысль открыта, мне удалось овладеть ею.

Но она не всегда открывается. Часто бывает, что песок проворнее меня и затягивает намеченное для раскопок место так скоро, что нельзя даже догадаться, в каком направлении идти, о чём вообще была мысль, не оставившая даже тени. Только чувство растерянности и досады на себя — какая преступная неловкость, какое ужасное ротозейство, какая непростительная невнимательность! Всегда кажется, что мысль не ускользнёт, если она явилась, но она всё чаще пользуется моей рассеянностью и оставляет меня с носом, словно

насмехаясь и желая показать мне всю мою никчёмность как писателя и просто как собеседника. Я сам себе стал неинтересен и скучен.

Мир сошёл с ума.

Человек, в качестве политического протеста зашивающий себе рот, называет почему-то это творчеством, а себя — художником.

Почему тогда взрыв атомной бомбы над Хиросимой — не творчество?

Так называемые «художники», устраивающие так называемые «performance» стучат себя в грудь и похваляются своей уникальностью, потому что никто больше не делает, как делают они. Их «творчество», говорят они, уникально.

Но расплавленная Хиросима тоже уникальна...

Неужели всё, что было в единственном экземпляре, можно выдавать за творчество?

Мир сошёл с ума.

Искусство терзают, убивают, вытравливают, заменяя его мусором, не имеющим ничего общего с творчеством. Какашки становятся объектом поклонения. Не восхищаться унитазами как арт-объектами, выставленными в зале «современного искусства», становится признаком дурного тона. Чем безвкуснее и примитивнее, тем моднее.

Высекаю искры памяти, но пламя не разгорается.

«Вчера я был в царстве теней. Как странно быть там, если бы вы знали. Там звуков нет, и нет красок. Там всё — земля, деревья, люди, вода, и воздух — окрашено в серый, однотонный цвет... Это не жизнь, а тень жизни, и это не движение, а беззвучная тень движения... Жутко смотреть на это движение теней, и только теней... Эта беззвучная серая жизнь в конце концов смущает и давит вас; кажется, что в ней есть какое-то предупреждение, полное неувимого, но мрачного смысла...» (Максим Горький).

Размышляя над увиденным, Горький предрёк этому «изобретению, ввиду его поражающей оригинальности... широкое распространение», но, вместе с тем сделал и печальный вывод: «раньше, чем послужить науке и помочь совершенствованию людей, синематограф послужит Нижегородской ярмарке и поможет популяризации разврата». Горький

заблуждался, конечно, говоря о серых красках и о беззвучных тенях. Он не умел, как и все в то время, увидеть будущее кинематографа. Но прав он в том, что кино не помогло совершенствованию людей, зато помогло популяризации разврата. Разврата во всём. И в первую очередь — в мышлении.

Кинематограф приучил людей следить за сюжетом, но не думать. Кино не предназначено для идей. Кино чересчур стремительно, чтобы позволять себе нести глубокие мысли.

Часто я замечаю во время киносеанса, как мои руки невольно поднимаются, чтобы удержать мгновение. Удержать не ради красивого изображения, а чтобы дать персонажу развить высказанную мысль. Но действие продолжает раскручиваться, увлекая зрителя в сюжетный водоворот, и брошенная вскользь мысль, которую я успел-таки выудить для себя, безвозвратно теряется в прозвучавшем на экране диалоге.

Мысль!

А ради чего ещё надо снимать фильмы и писать книги?

Мысль — вот единственное, что делает человека человеком. А крутящееся колесо событий, на которое авторы наматывают сюжет, предназначено для развлечения дворовых собак, заливисто лающих на проезжающий велосипед.

Вчера вдруг почувствовал в себе золотистую волну, почудилось, что вот-вот начну рисовать. Волна огромная, широкая, как едва заметно вздыхающая поверхность моря. Я даже открыл файл: настолько сильно было ощущение готовности и нетерпения. Однако ничего не произошло, ничего хорошего не случилось, слова испуганно отхлынули, попрятались. И всё же я сидел, охваченный этим сладостным состоянием, почти негой, окружённый призраками, из которых обычно складываются картины. Сидел и наслаждался. Таинством, к которому посторонние не допускаются, хотя все двери распахнуты.

Утром всё исчезло. Ни следа. Никаких желаний.

Покой, о котором я давно мечтал. Он теперь почти ежедневно убаюкивает меня. Так легко без желаний и ожиданий. И так непривычно.

Новое качество самого себя. Новые корни начинают уходить вглубь того, чем я был раньше. Новые цветы могут распуститься, а могут и не распуститься.

В последние дни во мне поселилась тревога. Вечерами она поднимает голову, как кобра. Наступление темноты вселяет в меня беспокойство.

Чем лучше я чувствую себя физически, тем сильнее проявляются всевозможные тревоги и беспокойства.

Когда организм изнурён, во мне нет ни тени беспокойства, ни намёка на тревогу.

Когда организм сильно утомлён, когда он приближается к «линии смерти», он становится равнодушен к проблемам «живых», его не интересует завтрашний день. А крепкий организм — живой, в нём бурлят инстинкты самосохранения, он старается заглянуть вперёд, организовать там для себя дорогу и т. д.

Если бы рыба кричала от боли и страха, когда её выдёргивают крючком из воды, как кричит, например, кролик, когда его ловят или когда в него стреляют, то любителей рыбалки заметно поубавилось бы.

Мне уже пятьдесят семь лет, и я только сейчас начинаю переставать (но ещё не перестал) бояться жизни. Я всегда любил жизнь, страстно любил. Порой меня охватывало головокружительное и удушающее отчаяние из-за того, что я не в силах проявить мою любовь, охватить ею весь мир. И одновременно я боялся жизни, потому что она угрожала злом, с которым я сталкивался часто. Зло не имеет лица, зло не имеет причины. Зло — это просто сила, противоположная любви. Любовь пропитывает мир с одной стороны, зло пропитывает с другой. Я боялся зла, потому что оно слепое, оно не имеет отношения ни к справедливости, ни к наказанию.

И вот я начинаю избавляться от этого страха. Наверное, это потому, что в моей жизни почти ничего не осталось такого, что я боялся бы потерять. В первую очередь не осталось надежд, которые могут не сбыться. Это уже некоторая определённости, если так можно сказать, это уже гарантия того, что впереди не будет обмана, не будет предательства. Нет надежд — нет их крушений. Во-вторых, я освободился от моего прошлого, оно перестало быть живой частью моей души, теперь оно просто набор фактов, о которых я могу вспоминать легко, без слёз, без нежности, без сожаления

о безвозвратности тех дней. Я ведь всё время хотел, чтобы прошлое вернулось, потому что в нём было то хорошее, которого нет в нынешней жизни. То хорошее было намертво увязано с отрочеством и юностью, где так много разнообразной чувственной любви, всевозможных влечений и увлечений, так много ожиданий и мечтаний, так много неясных планов, так много нового. Ничего этого теперь нет в моей жизни, и так жить гораздо легче. Жаль только, что эта жизнь совсем не похожа на мою. Моя жизнь всё-таки осталась в прошлом. Мои миры остались в прошлом.

Я спрашиваю снова и снова: что я есть сегодня? Не о социальном статусе спрашиваю, не о моём месте в общественной жизни, а о моей душе. Зачем я живу, если я не жду ничего? А не жду потому, что впереди ничего нет. То есть там есть всё, что я уже освоил. Есть, конечно, смерть, она нова во всех своих качествах, даже если я рождаюсь в теле и умираю не один раз; она нова точно так же, как нова для каждого из нас, новорождённого, наша жизнь — мы заново осваиваем её качества, заново познаём, заново выбираем роль для себя. Однако я не жду смерти, её новизна абстрактна. Я скорее лелею надежду на то, что во мне откроются какие-то особые способности (хотя я над этим совсем не работаю) и я смогу что-то делать для людей.

Мне всегда хотелось быть полезным людям. Но раньше мне хотелось быть полезным, чтобы меня ценили, любили и уважали за это. А сейчас хочется быть полезным просто так, без всякой задней мысли. Хочется жить «не зря» — в этом я вижу смысл. Быть водой, которую пьёт жаждущий, быть тенью, где укроется уставший от раскалённого солнца, быть полезным... Однако я хорошо понимаю, что не обладаю качествами, которые требуются для того, чтобы быть полезным. Не обладаю требуемой силой.

Мне хотелось бы настолько сильным быть, чтобы своими руками мог переделывать мир...

Когда-то мне казалось, что именно этим я и занимаюсь, но позже выяснилось, что я ничего не переделал. Я жил во сне...

Время от времени я пытаюсь соскрести остатки моей силы для приведения в порядок накопившихся у меня текстов — всяческих набросков и незавершённых повестей. Меня хватает не на долго. Воодушевление и энтузиазм приходят вдруг и так же вдруг испаряются. Но я всё же трачу иногда часа два-три на «литературные труды» за клавиатурой. В прошлом году совсем не занимался этим из-за моей болезни, так что сегодня можно говорить о некотором прогрессе. Жаль будет оставить после себя мусор в блокнотах и тетрадах. Хочу

напрячься и слепить из этих разрозненных записей полноценную книгу-другую.